

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 1 (19)

Сыктывкар 2017

ISSN 2304–5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2017. № 1 (19).

Основан в 2008 г.

Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН
по исторической демографии и исторической географии

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Н.М. Игнатова (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), А.Е. Загребин (Ижевск), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), Е.Н. Рожкин (Сыктывкар), Т.С. Садыков (Астана), В.А. Семенов (Сыктывкар), М.С. Черкасова (Вологда), М. Шмигель (Банска-Быстрица)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), С.А. Попов (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проекты «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике», «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)», «Финно-угорские народы России в контексте советологии и западной русистики (XX – начало XXI в.)».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2017

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail. illhkomisc.ru (гл. редактор), ignatova.hist@mail.komisc.ru (отв. секретарь, рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Суций С.Я. (Ростов-на-Дону). Армяне Юга России: геодемографическая динамика XVIII – начала XXI в. ...4	
Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Мотивация и структура миграции на Европейском Северо-Востоке в IX–XX вв.: этапы и направления 12	
Денисова Г.С., Суций С.Я. (Ростов-на-Дону). Демографические реалии Кавказской войны и динамика численности черкесов в XIX в. 17	
Аргудяева Ю.В. (Владивосток). Брачное поведение русских старообрядцев в Амурской и Приморской областях (конец XIX – начало XX в.) 21	
Таскаев А.М. (Сыктывкар). Половозрастная характеристика уровня грамотности Сысольского уезда по материалам переписей 1920, 1926 гг. 25	
Безносова Н.П. (Сыктывкар). Итоги переписи населения 1939 г. по Коми АССР: численность и социально-демографическая структура населения 31	
Бубличенко В.Н. (Ухта). Беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних на Европейском Севере России в 1940-е гг.: оценка численности и состав 39	
Морозов Н.А. (Сыктывкар). Воркута: социально-демографический аспект регионального развития (к 70-летию города) 43	
Уваров С.Н. (Ижевск). Сравнительная характеристика младенческой смертности у русских, удмуртов и татар Удмуртии в конце 1950-х – 1960-е гг. 51	

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Попова Л.А., Тараненко Н.Н. (Сыктывкар). Младенческая смертность в России и Республике Коми в XX – начале XXI в. 55	
Попова Л.А., Бутрим Н.А. (Сыктывкар). История реализации просемейной демографической политики в Республике Коми 63	

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

Фаузер В.В. (Сыктывкар). История развития демографической науки: от теории к практике 68	
Гентшке В.Л., Сабенникова И.В. (Москва). Российская эмиграция и комплексы документов зарубежной архивной России 76	
Мацук А.М. (Сыктывкар). Новый документ по демографии Коми АССР начального периода Великой Отечественной войны 80	
Чернышева Н.В. (Киров). Переселенческая политика и ее реализация в Кировской области в 1945–1967 гг.: источниковедческий анализ 83	
Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России 87	
Силин В.И., Лезликова В.В. (Сыктывкар). Данные по населению Архангельской и Вологодской губерний в работах И.Ф. Штукенберга 99	

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Тихомиров С.А. (Вологда). Иван Кусков. Дорога к дому. Российские просторы 104	
---	--

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Содержание журнала «Историческая демография» за 2016 год 114	
---	--

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 314.7/.8(=19)(470-13)"17/20"

С.Я. Суций*

Армяне Юга России: геодемографическая динамика XVIII – начала XXI в.

В статье анализируются количественный рост, пространственная динамика и форма расселения армянского населения Юга России на протяжении XVIII–XX вв. Изучается демографическое соотношение крупнейших региональных общин на различных этапах их развития. Определяются основные исторические периоды геодемографической динамики армян, позволившие им к началу XXI в. стать вторым народом южного макрорегиона.

Ключевые слова: геодемографическая динамика, Юг России, региональные армянские общины, миграционные процессы

S.Y. Suschiy

The Armenians of South of Russia: geodemographic dynamics XVIII – beginning of XXI century

The article analyzes the quantitative growth, spatial dynamics and the form of settlement of the Armenian population of the South of Russia during the XVIII – XX centuries. Studied the demographic ratio of the largest regional communities at various stages of their development. Defines the main historical periods of geo-demographic dynamics of Armenians, which allowed them to the top of the XXI century to become the second nation of the southern macro-region.

Key words: the geodemographic dynamics, South of Russia, the regional Armenian community, migration processes

Южный макрорегион (в пространственном контуре двух Южного и Северо-Кавказского округов) на протяжении двух последних веков является одним из крупнейших средоточий армянского населения за пределами непосредственно Закавказья и собственно Армении. Согласно переписи 2010 г. в нем проживает более 630 тыс. армян. Иными словами, Юг России (ЮР) в настоящее время является крупнейшим средоточием армян за пределами самой Армении (в том числе демографически превосходя армянские общины в США и Франции). Но что не менее существенно – на рубеже XXI в. армяне становятся по численности вторым народом южного макрорегиона, опередив украинцев.

Армянское присутствие на землях Причерноморья и Северного Кавказа фиксируется письменными источниками уже в античную эпоху и раннее средневековье, задолго до включения данных территорий в состав Российского государства [1]. Появление в XVI–XVII вв. в Черноморско-Каспийском регионе России способствовало росту армянского присутствия, прежде всего, на нижнем Поволжье (астраханская община).

Однако плотное закрепление России в степном Предкавказье начинается только в XVIII в. Азовский и персидский походы Петра I открывают период активной колонизации Россией данных обширных территорий. Начинается создание нового крупного макрорегиона страны, который изначально формируется как полиэтничный по составу своего населения. Армяне одними из первых включаются в процесс социально-

---

* Суций Сергей Яковлевич (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН, SS7707@mail.ru

экономического освоения новых территорий. На протяжении XVIII в. на ЮР возникает несколько крупных средоточий армянского населения (рис. 1).

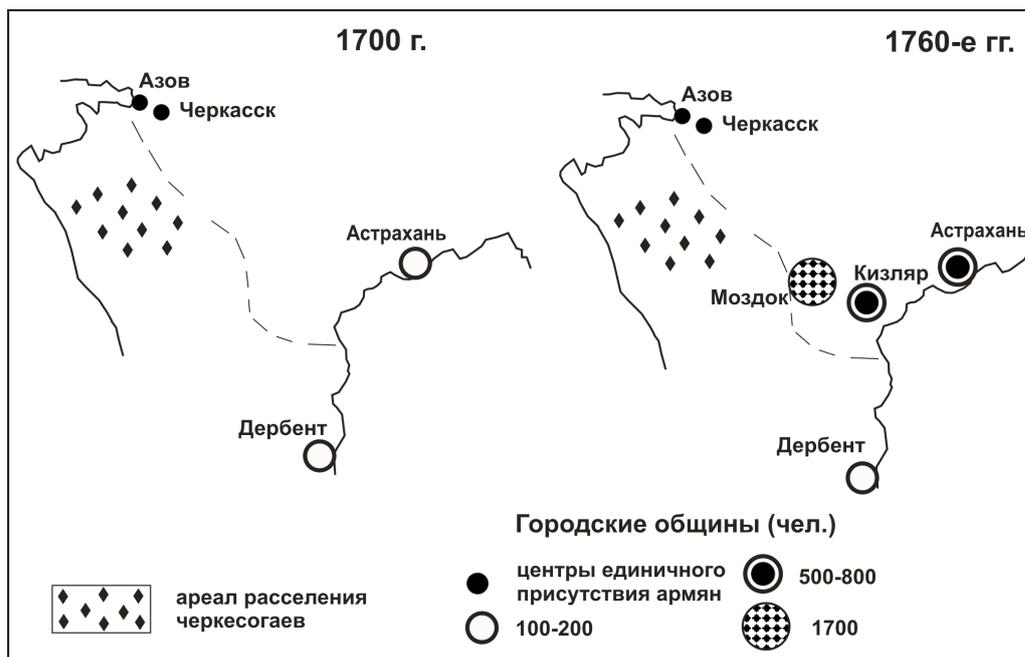

Рис. 1. Основные средоточия армянского населения на Юге России в XVIII в.

Источники: Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск, 2005; Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. М., 1974; Тер-Саркисянц А.Е. Армяне – история и этнокультурные традиции. М., 1998; Ее же. История и культура армянского народа (с древнейших времен до начала XIX века). М., 2005.

В 1730-е гг. появляется обширная группа армян в Кизляре, в 1760-е гг. возникает колония в Моздоке и его окрестностях, а в конце столетия – на нижнем Подонье (с центром в Нор-Нахичевани). Причем в отличие от всех предыдущих очагов армянского этнического присутствия на ЮР, новые общины составляют значительное (если не подавляющее) демографическое большинство в поселениях [2].

Самым существенным образом меняется и территориальная «центрировка» армянского присутствия в макрорегионе. Если в XVI–XVII вв. основные средоточия армян на ЮР – Астрахань, Дербент, адыго-черкесский ареал черкесогаев, то в середине – второй половине XVIII в. на значимые позиции выдвигаются нижнее Подонье, Кизлярский и Моздокский уезды Кавказской области.

В общей сложности армянское население ЮР на рубеже XIX в. составляет порядка 23–24 тыс. чел. (без черкесогаев, учет которых может увеличить данные цифры до 30–35 тыс.). Но в любом случае, к этому времени армяне – уже крупнейший диаспорный народ формируемого макрорегиона. Причем население не только городское (торгово-ремесленное), но и сельское (земледельческое). Адаптируясь к социально-экономической политике империи на данных территориях, армяне не только создают новые города, но по возможности формируют и сельскую округу, примыкающую к данным центрам.

Далеко не всегда армяне-переселенцы приживались на новом месте, и многие вновь возникшие общины со временем не только не шли в рост, но и приходили в упадок. Однако поверх разнонаправленной демографической пульсации множества локальных общин, в большом историческом времени проступает устойчивая тенденция количественного роста всего южнороссийского армянского массива, фиксируемая вплоть до начала XXI в.

Наиболее значимые вехи данного процесса в XIX в. – поэтапное освоение армянами различных районов степного Предкавказья – от Армавира и Майкопа до района Кавминвод (рис. 2), Моздока, Эдессы и Кизляра; а во второй половине столетия – формирование в Причерноморье сочинско-сухумского и анапнороссийского ареалов расселения.

К концу 1850-х гг. армянский массив южнороссийских земель составляет 35–40 тыс. чел. (плюс несколько тысяч черкесогаев). Еще активной ЮР начинает заполняться армянами в пореформенный период. К концу XIX в. их численность превышает 70 тыс. чел., причем основная их часть (до 70 %) сосредоточена на западе и юго-западе макрорегиона. Значительно возрастает и общее количество крупных (средних) территориальных групп, которые существуют уже практически во всех областях и губерниях Юга России (рис. 3).

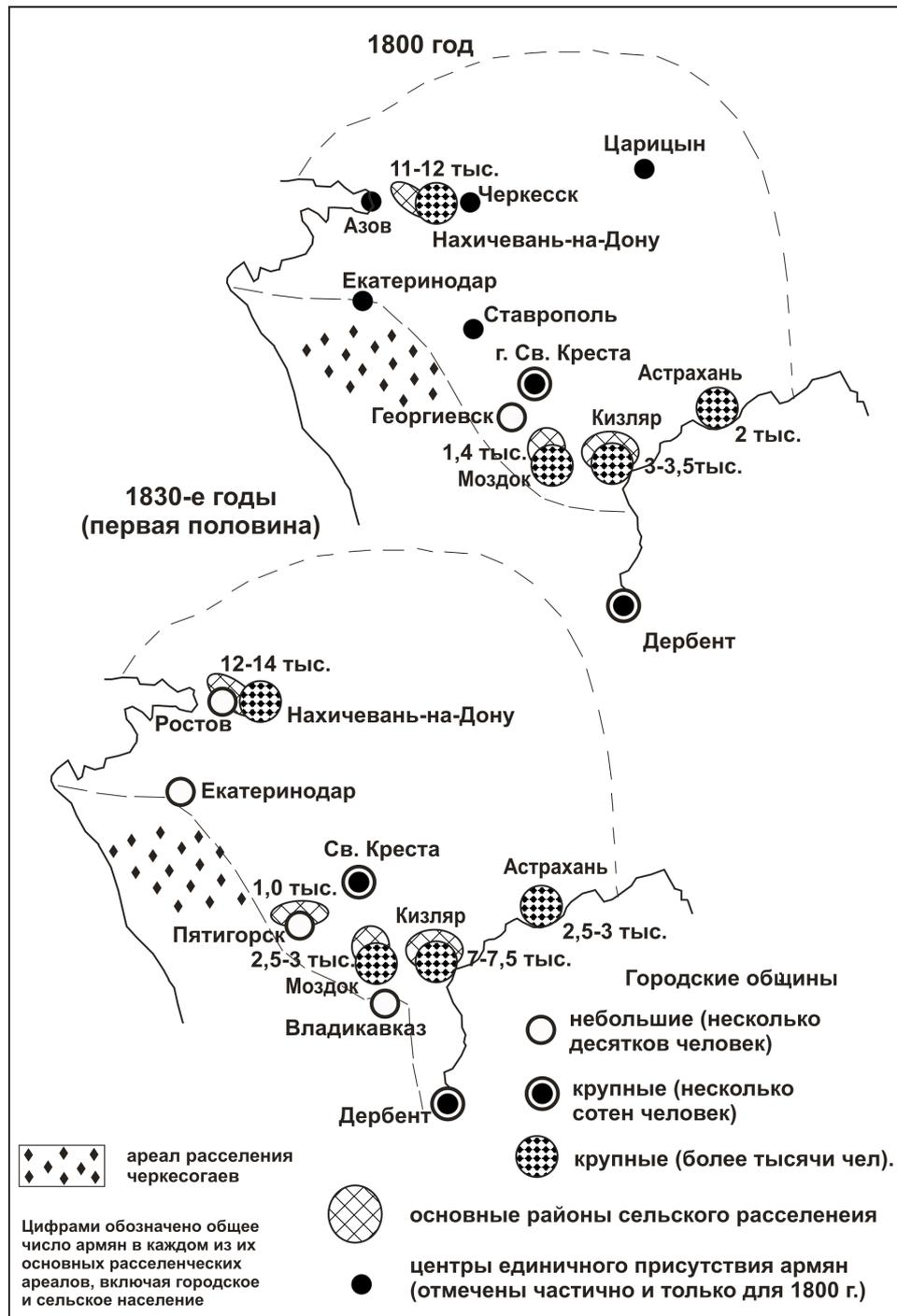

Рис. 2. Крупнейшие средоточия армянского населения на Юге России в первой трети XIX в.
Источники: см. Источники к рис. 1.

Ведущим демографическим средоточием южнороссийских армян остается нижнее Подонье, с центром в Нор-Нахичевани (Нахичевани-на-Дону, община которой в конце XIX в. насчитывает более 8 тыс. чел.). В целом на Область войска Донского в это время приходилось почти 39% южнороссийских армян, 26% в сумме проживало в пределах Кубанской и Черноморской областей, 14% – в Ставропольской губернии.

Расселенческая динамика армян, как уже отмечалось, с XVIII в. включала не только города, но и сельские территории. Однако торгово-ремесленная специализация региональных общин брала свое – к началу XX в. по уровню урбанизации южнороссийские армяне уступали только местным евреям. Впрочем, форма расселения отдельных региональных армянских общин отличалась серьезной спецификой, закладываемой самой историей их формирования. К примеру, общины сложившиеся в допетровский период очевидным образом

тяготели к городам (Астрахань в нижнем Поволжье, Дербент в Дагестане). А в регионах нового освоения, в которых власти были готовы выделить переселенцам достаточное количество земли, армяне охотно становились и сельскими жителями (например, община Черноморской области).

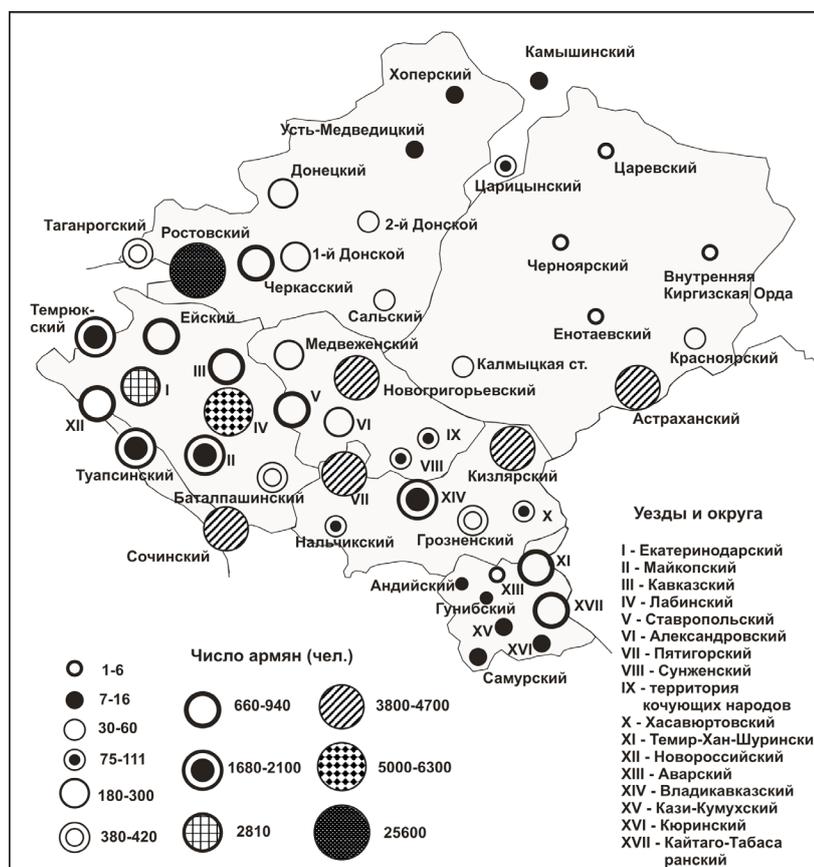

Рис. 3. Численность армянского населения по уездам и округам Юга России, 1897 г., чел.

Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php (дата обращения: 21.04.2016).

Пореформенные десятилетия – период быстрого демографического развития ЮР. Еще более оно ускоряется в начале XX в. За неполные два десятилетия (1897–1914/1916 гг.) население макрорегиона выросло более чем в 1,5 раза – с 4,3 млн. до 6,7 млн. чел. Но региональные армянские общины росли еще быстрее. Перед Первой мировой войной число армян на ЮР достигало уже 105–110 тыс. чел., и они окончательно закрепляются на позиции крупнейшей диаспоры (украинцы в это время являлись вторым регионообразующим народом макрорегиона). А через несколько лет существенно возрастает и общая численность – массовое истребление армян в Турции (1915–1916 гг.) обернулось новой волной беженцев, значительная часть которых осела в южнороссийских регионах.

Дальнейшая демографо-расселенческая эволюция армянских региональных общин представляла стремительно пульсирующую кривую, определяемую геополитической динамикой Закавказья, развернувшейся в России Гражданской войной и турецкой агрессией против Армении и Грузии, получивших к этому времени независимость. К концу 1918 г. численность армян в пределах ЮР могла превышать четверть миллиона [3].

Следом за постепенной политической и социально-экономической стабилизацией Советской России, «застывает» и демография армянских общин, приобретает устойчивые черты их поселенческая сеть. Перепись 1926 г. обнаружила на ЮР диаспору размером более 170 тыс. чел. (почти 11% всех армян Советской России и 87,7% РСФСР). Основным пространственным средоточием южнороссийских армян по-прежнему оставалось нижнее Подонье (Донской округ). Вторым эпицентром являлось Причерноморье – почти 28 тыс. чел.

Вторая четверть XX в. – время масштабных свершений и серьезных испытаний, выпавших на долю СССР и всех его народов. Перепись 1939 г. зафиксировала в макрорегионе 161 тыс. армян, примерно на 10 тыс. меньше, чем в середине 1920-х гг. Свою роль в этой демографической «заминке» сыграл голод первой половины 1930-х гг., когда естественный прирост мог сменяться убылью у ряда региональных диаспор (прежде всего на Кубани, а также в Ростовской области и на Ставрополье). Но центральную роль играл отток

южнороссийских армян в Армянскую ССР. Появление «собственной» республики, несомненно, способствовало стяжению в нее армянского населения, вынесенного за пределы своего этнического ареала социальными потрясениями начала XX в. Нельзя исключать влияния на демографическую динамику и ассимиляции некоторой части городских армян.

В период Великой Отечественной войны значительная часть ЮР побывала в зоне немецкой оккупации, что отразилось и на численности местных армян, прошедших через все испытания, выпавшие на долю советского народа. Существенно ухудшились показатели естественной динамики. Понесли диаспоры и прямые потери. Анализ возникшего гендерного дисбаланса двух ведущих южнороссийских общин (ростовской и кубанской) позволяет сделать вывод о том, что погиб каждый 5-6-й мужчина военнообязанного возраста (порядка 8–9% всего мужского населения).

Но несмотря на демографические потери военного времени, большинство армянских диаспор ЮР в середине XX в. (1940–1950-е гг.) демонстрирует количественный рост. К рубежу 1960-х гг. общее число армян в южном макрорегионе превысило 190 тыс. чел. Период устойчивого поступательного демографического роста продолжается и дальше. В 1959–1989 гг. армянская диаспора ЮР увеличивается почти вдвое. Количественный рост ускоряется по десятилетиям, а в нем самом постоянно нарастает доля миграции. Если в 1960-е гг. на нее приходится только 5% демографического пополнения, то в 1970-е гг. – половина, а в последнее советское десятилетие – уже до 70% (рис. 4).

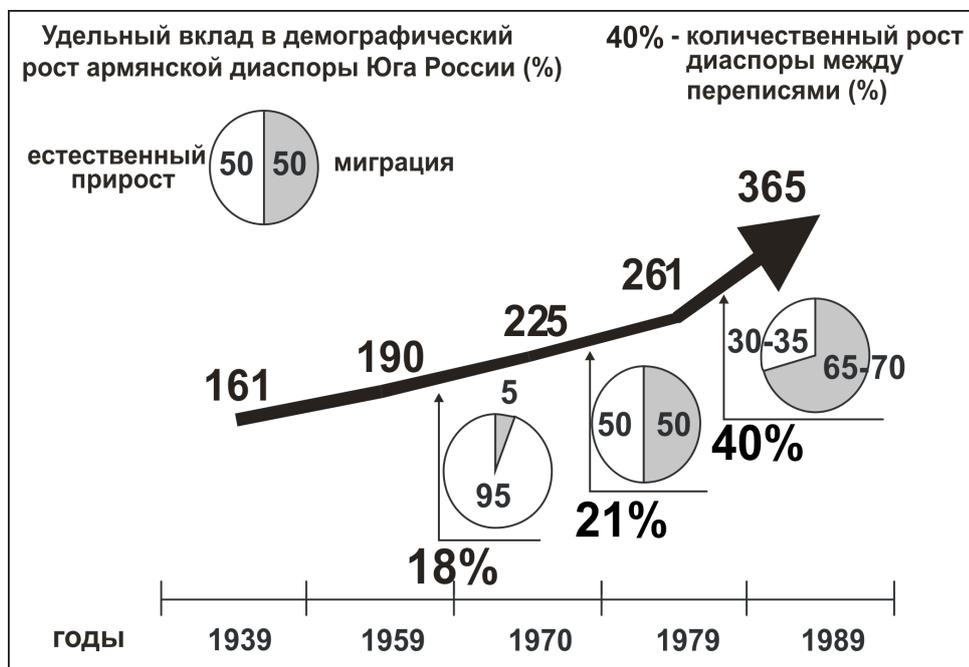

Рис. 4. Количественная динамика армянской диаспоры Юга России, 1939–1989 гг., тыс. чел.

Иной была расселенческая динамика армянского населения (напомним, в конце имперского периода, одного из самых урбанизированных народов макрорегиона). В 1939–1970 гг. доля горожан в крупнейших региональных армянских общинах ЮР выросла всего на несколько процентов. И по уровню урбанизации они полностью сравнялись с большинством других народов своих территорий.

Геодемографическая динамика южнороссийских армян в 1980-е гг. достаточно четко поделена на два отрезка. Первая половина десятилетия демонстрирует продолжение всех демографо-расселенческих тенденций послевоенного периода, а годы реформ становятся временем нарастающей нестабильности, закончившейся системным кризисом всего СССР.

Одно из следствий катастрофического сценария развития страны – стремительный рост миграционной активности, в которую одними из первых вовлекаются армяне. Трагические события в Азербайджане (Баку, Сумгаит, Нагорный Карабах) оборачиваются новым всплеском массовой армянской миграции из Закавказья в пределы РСФСР. При этом значительная часть беженцев осела на ЮР, прежде всего в Краснодарском крае и на Ставрополье.

Как результат, опережающий демографический рост двух краевых общин, фиксируемый на протяжении всего послевоенного периода, еще более ускоряется в конце 1980-х гг. Среди его последствий дальнейшая территориальная перецентрировка армян макрорегиона, продолжившая расселенческий тренд, фиксируемый

с конца XIX в.: степное Предкавказье все уверенней закрепляется на позиции основного средоточия южно-российских армян.

Кубанская община к концу советского периода заключала уже почти половину армянского населения ЮР, а диаспора Ставропольского края в 1980-е гг. впервые опередила по размеру общину Дона. В общей сложности на два края к рубежу 1990-х гг. приходилось 2/3 армян макрорегиона. При этом ЮР по-прежнему концентрировал основную массу армян всей РСФСР. Но долевой показатель неуклонно сокращался. Если в середине 1920-х гг. на южный макрорегион приходилось почти 88% российской диаспоры, то в послевоенные десятилетия – 74–75%, а к концу 1980-х гг. – уже менее 70%. Основная причина – постепенное расширение географии армянского присутствия в различных российских регионах и опережающий рост новых территориальных общин. Сокращаясь удельно, армянское население ЮР неуклонно росло в абсолютных размерах. Увеличившись в 1980-е гг. с 261 тыс. до 366 тыс. чел. (см. табл.), армяне по своей численности самым существенным образом приблизились к южнороссийским украинцам. Однако даже столь мощный рост потерялся на фоне волны переселенцев, хлынувших на ЮР в 1990-е гг. Как бы тяжело не шли в этот период реформы в самой России, именно она оказалась центром притяжения для огромного числа мигрантов со всего ближнего зарубежья. А в пределах РФ одним из эпицентров данного переселенческого потока стали области и края ЮР. Весомую долю этой миграционной волны составляли русские. Но и этническая миграция оказалась весьма значительной. А в ее составе вне конкуренции были армяне.

Численность армянского населения по регионам Юга России, 1939–2010 гг., тыс. чел.

Регионы	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Дагестан	2,8	6,5	6,6	6,5	6,3	5,7	5,0
Ингушетия	–	–	–	–	–	0,06	0,02
Кабардино-Балкария	1,1	1,4	2,0	2,2	3,5	5,3	5,0
Калмыкия	0,14	0,2	0,4	0,5	0,5	0,9	0,9
Северная Осетия	8,9	12,0	13,3	12,9	13,6	17,1	16,2
Чеченская республика*	8,4	13,2	14,5	14,6	14,8	0,4	0,5
Краснодарский край	58,1	75,2	93,4	114,4	171,7	274,6	281,7
Адыгея	2,3	3,0	5,2	6,4	10,5	15,3	15,6
Ставропольский к.	28,8	24,7	30,2	39,1	70,2	149,2	161,3
КЧР	0,8	1,0	0,9	1,4	2,4	3,2	2,7
Астраханская о.	–	1,7	1,8	1,6	2,8	6,3	5,8
Волгоградская о.	3,2	1,9	2,90	4,2	6,8	27,0	27,8
Ростовская о.	49,3	49,3	53,62	56,90	62,6	110,0	110,7
Всего	161,1	190,0	224,9	260,7	365,6	616,1	633,3

* Для 1939–1989 гг. – Чечено-Ингушетия.

Только по официальным данным армянское национальное сообщество ЮР выросло за 1989–2002 гг. почти на 70%, превысив 600 тыс. чел. Но данный «взрывной» рост армянского присутствия в макрорегионе отличался пространственной спецификой. В самом общем виде можно говорить об опережающем росте общин нижнего Поволжья и степного Предкавказья (рис. 5). В первой половине – середине 1990-х гг. практически прекратила свое существование крупная диаспора Чечни, почти в полном составе покинувшая пределы республики. Но заметно сократилось число армян и в Дагестане. Тем самым динамика армянского массива Северо-Восточного Кавказа в конце XX в. отчетливо контрастировала с количественным ростом остальных республиканских общин макрорегиона.

В 2000-х гг. рост армянского этнического присутствия на ЮР сменяется количественной стабилизацией. Более того, перепись 2010 г. обнаружила сокращение целого ряда региональных общин. Заметно увеличилась только диаспора Ставропольского края. Именно она, а также община Кубани, обеспечила некоторое приращение всего южнороссийского армянского массива. По официальной статистике за период 2002–2010 гг. число армян в макрорегионе выросло только на 2,7% (с 616,7 тыс. до 633,3 тыс. чел.).

Впрочем, есть весомые основания предполагать, что последняя перепись недоучла часть армян. Только в результате естественного прироста число их в макрорегионе к 2010 г. должно было превысить 640 тыс. чел. С учетом же неучтенной миграции цифра в 700–730 тыс. представляется вполне реальной для оценки общего количества армянского населения ЮР.

* * *

Таким образом в геодемографической динамике армян ЮР можно выделить несколько этапов, различающихся по широте географии, размерам региональных общин и темпам их роста.

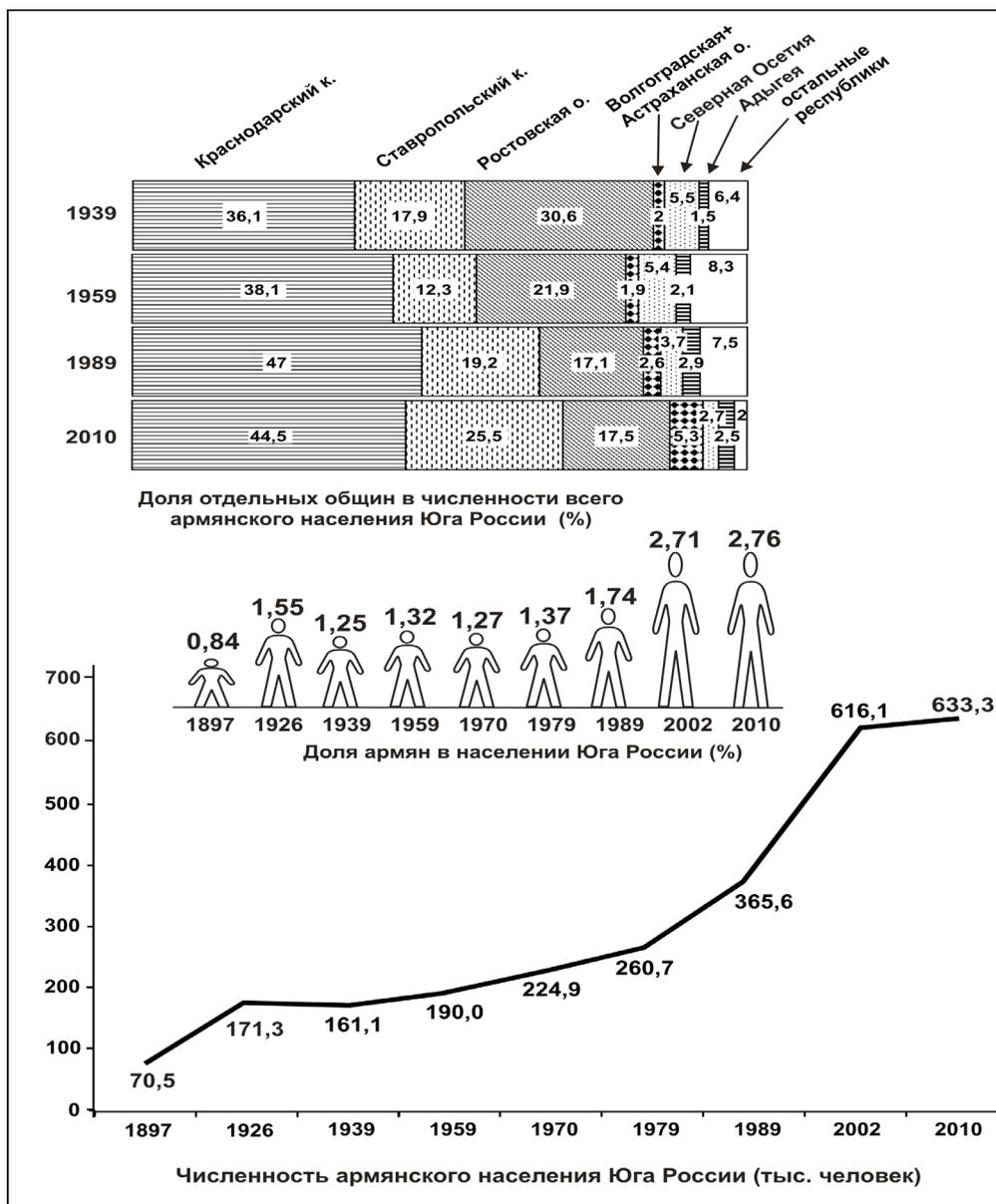

Рис. 5. Динамика армянского населения Юга России (конец XIX – начало XXI в.)

1. XVIII век – появление в пределах формирующегося южного макрорегиона ряда крупных средоточий армянского населения.
2. Значительная часть XIX в. – поступательный количественный рост, сопряженный с ощутимым пространственным расширением.
3. Последняя четверть XIX – начало XX в.: незначительное расширение географии при существенном росте региональных армянских диаспор (в первую очередь, общин Кубани и Ставрополя).
4. 1920–1930-е гг. – количественно-пространственная стабилизация региональных общин.
5. 1950-е – середина 1980-х гг. – плавный количественный рост при небольшом расширении географии.
6. Конец 1980-х – 1990-е гг. – стремительный геодемографический рост большинства региональных армянских общин.
7. С начала XXI в. – количественно-пространственная стабилизация армянского населения ЮР.

Источники и литература

1. *Акопян В.З.* Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. URL: <http://armeniansite.ru/istoriya-armyanskikh-poselenij-rossii/4-istoriya-armyanskikh-poselenij-na-yuge-rossii.html> (дата обращения: 17.04.2016).
2. *Волкова Н.Г.* О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал. 1966. № 3. С. 259–264.
3. *Минасян С.А.* Армяне беженцы на Северном Кавказе в 1918–1920 гг. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее. Ростов-на-Дону, 2015. С. 50–51.

Е.Н. Рожкин*

Мотивация и структура миграции на Европейском Северо-Востоке в IX–XX вв.: этапы и направления**

В статье сделан анализ изменений мотивации миграций на Европейском Северо-Востоке Российской Федерации в IX–XX вв., оказывающих влияние на ее структуру. Выделены основные виды и периоды преобладающих мотиваций миграции.

Ключевые слова: миграция, мотивации, Европейский Север Российской Федерации, периодизация, структура миграций

Ye.N. Rozhkin

The motivation of migration in the European North-East in IX–XX centuries: the periods and directions

The article made the analysis of changes in the motivation of migration in the European North-East of the Russian Federation in IX–XX centuries, influencing its structure. The main types and periods of the dominant motivations of migration.

Key words: migration, motivation, European North of the Russian Federation, periodization, structure migrations

Население Европейского Северо-Востока во втором тысячелетии нашей эры вплоть до XX столетия было почти исключительно коми и русским. Формирование национальной структуры населения в этот период шло преимущественно миграционным путем. Миграции – неотъемлемая черта развития населения Европейского Северо-Востока с древнейших времен [1]. Даже само «рождение» коми народа было тесно связано с миграциями. В формировании древних коми участвовали две основные этнические группы, родственные между собой – население Европейского Северо-Востока (принадлежавшее к так называемой ванвиздинской археологической культуре позднего железного века) и переселенцы из Прикамья, небольшие группы которых постепенно, в течение нескольких столетий продвигались в бассейн Вычегды, взаимодействуя с местными жителями и принося с собой навыки земледелия и скотоводства [2]. Вероятно, эти переселения начались в VIII столетии, когда потеплевший климат (малый климатический оптимум [3]) сделал природные условия Севера более пригодными для живших южнее земледельцев и животноводов. Этот период можно охарактеризовать как эпоху **климатических (или аграрных) миграций**. В дальнейшем, когда в XVI в. происходило похолодание, часть населения переселилась южнее и в Сибирь, эти миграции также относятся к климатическим (аграрным) [4].

Мотивация миграций в последующие столетия видоизменялась. Соответственно изменялось и ее влияние на структуру населения, прежде всего – этническую. При анализе можно выделить различные линии.

Миграции по религиозным мотивам. В начале XVIII столетия в нижнем течении Печоры, на берегу ее притока р. Пижмы возник новый русский населенный пункт. В 1713 г. группа раскольников основала там (на «Великих пожнях») свой скит [5]. В верховьях Печоры в XIX – начале XX в. возникали селения русских староверов-«пустынников». В 1914 г. на Унье и других небольших реках этого района было обнаружено 38 расположенных в самых глухих уголках пустыней, где жили 74 чел. [6]. Кроме расселения по удаленным уголкам края, имел место и приход старообрядцев в некоторые коми селения, в частности, в Керчомью [7].

Миграции по политическим причинам. В течение XVII в. происходили миграции карел в русские земли. Причиной этого был тяжелый гнет шведских властей (Столбовский мирный договор 1617 г. закрепил

* **Рожкин Евгений Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

переход Карельского уезда к шведскому государству). «Для карельского народа единственным средством избавления от шведского ига оставался уход на территорию Русского государства» [8]. Часть мигрантов уходила на восток – в сторону Вологодчины, Подвинья и этнической территории коми. Это вызывалось попытками шведского правительства вернуть беглецов назад в Корельский уезд. Чтобы скрыть перебежчиков, русские власти отправляли их в более удаленные от границы уезды. Часто карельские переселенцы переходили от одних владельцев к другим. Так они попали к владельцам Сереговского солеваренного промысла Панкратьевым, которые привезли их на Вымь [9].

Промышленные миграции. Новым явлением в развитии переселений в XVII столетии стали промышленные миграции. Во второй половине XVII в. на Выми появилось немало переселенцев из различных районов Европейского Северо-Востока и из-за его пределов. Это было связано в первую очередь с возникновением и развитием солеваренного промысла в Серегово, владельцы которого нуждались в рабочей силе. Сереговский промысел возник еще в XVI в., но до середины XVII в. разработки соли велись там небольшим количеством людей. Только во второй половине XVII в. его новые владельцы Панкратьевы решили увеличить соледобычу. Для этого требовались рабочие руки, и хозяева промысла привезли сюда своих крепостных – русских, поляков и карел. Всего у Панкратьевых было 15 русских крепостных, 10 карелов и 19 поляков [10].

Кроме крепостных, в Усолье пришли работные люди из разных городов Поморья: Сольвычегодска, Солигалича, Холмогор, Устюга, из Важского, Тотемского и Мезенского уездов. Всего на промысле Панкратьевых, на расположенном по соседству небольшом промысле О. Филатьева, работало 44 человека, пришедших сюда из-за пределов региона. Пришлые люди жили и в других селениях Вымской земли. Все они работали на солеваренном промысле [11].

В XVIII в. промышленные миграции приобрели новое развитие в связи с становлением металлургической промышленности в крае. В 1755–1761 гг. в бассейне Сысолы были построены три чугунолитейных и железоделательных заводов – Нювчимский, Нючпасский и Кажимский. При заводах возникли поселки, где жили рабочие. Все заводские работы надлежало осуществлять «вольнораемными людьми за добровольную плату». Это были государственные крестьяне Слободского и Вятского уездов, обученные заводскому мастерству. Они жили при заводах, но официально числились по ревизии на прежнем месте жительства, где и обязаны были платить подушный оклад [12]. Так на Сыsole стали складываться группы русского населения. К концу XVIII в., в 1799 г. на Нювчимском заводе в низовьях Сысолы имелось 126 работных и мастеровых людей, а на расположенных в верховьях реки Кажимском заводе – 35 мастеровых и 115 работных людей, Нючпасском заводе – трое мастеровых. Уже в первые годы существования сысолевских заводов среди обитателей заводских поселков появились и немногочисленные коми. В поселках при Кажимском и Нючпасском заводах коми были Тебеньковы, Панноковы и др. [13].

Упомянем еще и о том, что в начале XX в. в районе Вишеры предполагалось расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировали развивать на Ухте, однако этот план не осуществился в первую очередь потому, что нефтеразведка в Ухтинском районе развивалась весьма медленно, и в правительственных кругах России существовали сомнения относительно перспективности разработки тамошнего месторождения [14].

Миграции, связанные с административными функциями. Особо следует сказать, разумеется, об Усть-Сысольске. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в город и уездный центр в 1780 г. здесь постепенно появилось некоторое количество русских – немалое по сравнению с другими коми селениями, однако все же составлявшее небольшой процент от общего числа горожан. К русским принадлежало большинство дворян, появившихся здесь в связи с образованием уездных органов власти, а также часть купцов, духовенства, разночинцев и несколько представителей мещанства и др. сословий. В 1897 г. из 4464 устьсысольцев 3699 чел. считали родным языком коми («зырянский»), 736 чел. – русский, 20 чел. – польский, 2 – еврейский и 7 – другие языки. Таким образом, русские составляли 16,5% жителей города, другие представители некоми национальностей – 0,6%. 4025 чел. были местными уроженцами, 299 чел. (6,7% горожан) переселились сюда из других селений Вологодской губернии, 140 чел. – из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Варшавы, из Сибири, Прибалтики, Казахстана, Белоруссии, Украины, с Кавказа, из Архангельской, Вятской, Пермской, Казанской, Уфимской, Воронежской, Новгородской и др. губерний [15].

Формирование населения на Европейском Северо-Востоке и в дальнейшем происходило при решающем значении миграций. Не был исключением и XX век. До начала XX в. миграции не способствовали количественному росту населения, хотя в качественном отношении и в развитии отдельных промыслов сыграли определенную положительную роль. Кроме того, миграции оказали существенное влияние на все структуры населения, прежде всего, на этническую [16].

Пеницитарная (подневольная) миграция. Сюда же относится шедшая ортогонально и миграция по политическим причинам (подневольная). Перед войной индустриализация Коми АССР шла через деятель-

ность сложившейся системы ГУЛАГа (1928–1940 гг.). Количество вольнонаемных было невелико. Например, в 1932 г. в Ухтпечлаге на 4690 заключенных приходилось всего 78 вольнонаемных (1,7%). К концу войны соотношение резко изменилось, например, в Ухтижемлаге в 1945 г. на 11084 заключённых приходилось 8198 вольнонаемных (73,9%). Часть вольнонаемных составили освобожденные представители спецконтингента [17].

Во время войны произошли качественные изменения в составе трудовых ресурсов. Изменялись как количественные показатели, так и этнические. На начало 1941 г. в Коми состояло на учете 11,2 тыс. ссыльных, 37,8 тыс. спецпереселенцев и 249 тыс. заключенных. В то же время за годы войны на фронт было отправлено только из мест заключения более 100 тыс. чел. и 2,5 тыс. спецпереселенцев. В начале войны были присланы в Коми интернированные поляки, чехи, также российские немцы – трудармейцы. К концу войны увеличился поток военнопленных и лиц, сотрудничавших с оккупантами, **эта миграция относится к военно-политической** [18].

Экономические миграции, связанные в первую очередь с индустриализацией. Конечно, вклад периода подневольных миграций значителен, но он далеко не в полной мере определяет формирование трудовых ресурсов, в основном сложившихся к концу 1980-х гг. Так, численность представителей национальностей, депортированных в 1940-х гг., в 1960–1980-е гг. значительно уменьшилась, этот период также относится к **политическим миграциям**. Это касается поляков, латышей, эстонцев, литовцев. Позднее всего начали выезжать немцы, которые были сняты с учета как спецпереселенцы только в 1970-е гг. В то же время, численность представителей других национальностей, в частности, выходцев из некоторых Волжских республик, с Кавказа и из Средней Азии выросла за 20 лет к переписи 1989 г. в 2–4 раза (татары, чувашаи, узбеки, казахи, туркмены, абхазы, аварцы, балкарцы и т.д.). Имелось несколько периодов миграционной активности. Например, несомненно, на национальный состав повлияла направленность организованного набора, осуществляемого со второй половины 1950-х гг. Среди территорий, в которых проходил организованный набор трудовых ресурсов, были русские области и Татарская АССР. Кроме того, с 1955 г. шел общественный призыв на комсомольские стройки. В Коми это были в первую очередь:

угольная отрасль – со второй половины 1950-х гг.;

лесная отрасль – со второй половины 1950-х гг.;

железнодорожный транспорт (строительство вторых путей Северной железной дороги) – со второй половины 1950-х гг.;

Сыктывкарский лесопромышленный комплекс (строительство и найм на производство) – конец 1950-х, начало 1960-х гг.

Миграции, шедшие в середине и во второй половине XX в., оказали значительное воздействие не только на этнический состав, но и внесли существенный вклад в изменение конфессиональной структуры общества. Например, от переписи 1939 г. к переписи 1959 г. число представителей мусульманских народов выросло значительно. Например, численность татар – с 709 до 8459 чел. (рост в 20 раз), азербайджанцев – со 112 до 1374 чел. (рост в 12,3 раза), узбеков – с 51 до 1245 чел. (рост в 24 раза), башкир с 56 до 623 чел. (рост в 11,1 раза), чеченцев с 58 до 282 чел. (рост в 4,9 раза). Численность представителей других мусульманских народов была невелика [19].

Во второй половине 1980-х гг. на первое место среди мотивов миграции выходит негативная **социально-экономическая и политическая** ситуация в некоторых регионах Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии.

Интересно проследить общее сальдо миграций в 1980–1990-х гг. представителей основных этнических групп мусульманской уммы Республики Коми. Для татар было характерно превышение числа въехавших над прибывшими до 1990 г., затем сальдо учтенной миграции сменилось на отрицательное и равнялось 7946 чел. за период с 1990 до 2002 г. Это третий результат после русских и украинцев. Число татар с 27 тыс. чел. по переписи 1989 г. уменьшилось до 15 тыс. чел. по переписи 2002 г. Другая картина с азербайджанцами. Если численность татар в Республике Коми с 1950-х гг. вплоть до 1990 г. росла, то численность азербайджанцев менялась скачкообразно. По переписи 1970 г. их число уменьшилось по отношению к 1959 г. в полтора раза и составило 905 чел. Затем наблюдался практически непрерывный рост, и к переписи 2002 г. численность составила 6066 чел. То есть, если в 1970 г. татар в Коми было в 10 раз больше, чем азербайджанцев, то в 2002 г. татар больше только в 2,5 раза. Соответственно отмечен и рост числа выходцев из Средней Азии.

На формирование этнического состава населения в период индустриализации решающую роль оказала территориальная зависимость вселения мигрантов в конкретные районы Республики Коми от мест их выхода. Например, при освоении лесных массивов республики формирование постоянного населения шло, прежде всего, за счет тех территорий страны, где в той или иной степени были распространены занятия в лесной промышленности. К ним можно отнести в первую очередь Татарстан, Удмуртию, Чувашию, Кировскую, Костромскую, Пермскую и Нижегородскую области, затем Белоруссию, Тверскую, Псковскую, Вологодскую и Архангельскую области. И, наконец, часть переселенцев в эти районы дала Закарпатская Украина.

Аналогично шло формирование населения на территории Печорского угольного бассейна. В составе жителей городов Воркуты и Инты преобладают выходцы из угледобывающих районов Украины и ряда областей Российской Федерации. В структуре мигрантов в нефтегазовые районы республики (в городах Усинск и Вуктыл) выделяются уроженцы Татарстана, Башкирии, Азербайджана [20].

Таким образом, на Европейском Северо-Востоке в IX–XX вв. происходили изменения в мотивации миграции, оказывающие влияние на ее структуру. Можно выделить следующие основные виды и периоды преобладающих мотиваций миграции:

1. Климатические (или аграрные) миграции. В первую очередь – VIII–IX вв. и XVI в.
2. Миграции по религиозным мотивам. XVIII–XIX вв.
3. Миграции по политическим причинам. С XVII по XX в.
4. Промышленные миграции. XVII–XIX вв.
5. Миграции, связанные с административными функциями. XVIII–XX вв.
6. Пеницитарная (подневольная) миграция. XX в.
7. Военно-политическая миграция. 1940-е гг.
8. Экономические миграции, связанные в первую очередь с индустриализацией. 1960-е гг. – первая половина 1980-х гг.
9. Социально-экономическая и политическая мотивация миграции. Вторая половина 1980-х гг. – 1990 гг.

Источники и литература

1. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978. С. 17; *Жеребцов Л.Н., Конаков Н.Д., Королев К.С.* Из жизни древних коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. 134 с.; *Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Кленов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю.* Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть I) // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.* 2015. № 1 (21). С. 88–94; *Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Кленов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю.* Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть II) // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.* 2015. № 2 (22). С. 71–79; *Жеребцов И.Л.* Климат в древней истории финно-угорских народов // *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.* 2010. № 1. С. 87–92.
2. Антропология коми. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 9–18; *Жеребцов И.Л.* Влияние климатических изменений на этнокультурную ситуацию на Европейском Северо-Востоке в I – начале II тыс. н.э. // *Уральский исторический вестник.* 2013. № 2. С. 25–31; *Жеребцов И.Л.* Тысячелетие народа коми: время, климат, человек // *Природа.* 2000. № 7. С. 71–75; *Жеребцов И.Л., Королев К.С.* Климатический фактор в истории коми. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 20 с.
3. *Борисенков Е.П.* Климат и деятельность человека. М., 1982. С. 23–25. *Жеребцов И.Л.* Тысячелетие народа коми: человек и климат // *Арт.* 2000. № 1. С. 153–162; *Жеребцов И.Л.* К вопросу о роли климатического фактора в истории финно-угорских народов // *Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии.* Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 5–43.
4. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Коми края (конец XV – XVI вв.) // *Этнодемографические процессы на Севере Евразии.* Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. Вып. 2. С. 3–13; *Жеребцов И.Л.* Изменения климата и демографические процессы в Коми крае в XV–XVIII вв. // *Европейский Север: взаимодействие культур в древности и средневековье.* Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. С. 153–159; *Жеребцов И.Л.* Внутренние миграции в Коми крае в конце XVI – начале XVII вв. // *Проблемы этногенеза народа коми.* Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 133–147.
5. *Мартынов С.В.* Печорский край. Очерки природы и быта. Население, культура, промышленность. СПб., 1905. Т. 2. С. 14.
6. *Сивоха И.Н.* Селения в верховьях Печоры // *Родники пармы.* Сыктывкар, 2000. Вып. 5. С. 143–145; *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. 40 с.
7. *Лашук Л.П.* Формирование народности коми. М., 1972.
8. *Жербин А.С.* Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956. С. 24, 38, 39.
9. *Жеребцов И.Л.* Иноязычный этнический компонент в составе населения Коми края в XVI–XVII вв. // *Вопросы этнографии народа коми.* Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. С. 22–33; *Жеребцов И.Л.* Переселения карел в Коми край во II половине XVI–XVII вв. // *Карелы: этнос, язык, культура, экономика.* Петрозаводск, 1989. С. 53–55.
10. Документы по истории народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 289–290; *История Коми с древнейших времен до конца XX века.* Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1; *Жеребцов И.Л.* Население Коми края в конце XV – начале XX века: численность, миграции, этнический состав. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 28 с.
11. Документы по истории народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 289–290; *Политов В.В.* Промышленность Коми края в XVIII в. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005; *Связь времен.* Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.
12. *Политов В.В.* Развитие металлургической промышленности в XVIII в. в Коми крае // *Научный архив Коми НЦ УрО РАН.* Ф. 5. Оп. 2. Д. 273. 55 л.; *История Коми с древнейших времен до современности.* Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1.

13. *Жеребцов Л.Н.* К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX – начало XX вв.) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. С. 121–138; *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в Коми крае (XVII – начало XX в.) // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 99–104.
14. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1955. Т. 1. С. 160; *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Освоение территории Коми края и демографические процессы в XV – начале XX века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 479–481; *Жеребцов И.Л.* Численность населения Коми края по данным переписей 1916–1918 гг. // Крестьянство Европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. С. 54.
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1899. Вып. I. Тетрадь 1, 2; СПб., 1904. Вып. I. Тетрадь 3; СПб., 1901. Вып. VII. Тетрадь 1; СПб., 1904. Вып. VII. Тетрадь 2; *Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с. *Жеребцов И.Л.* Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993. 38 с.
16. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.; Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.; История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2; *Zherebtsov I.L.* Russia – demography in the North-West // Encyclopedia of the Barents Region. Oslo: Pax forlag AS, 2016. V. 2. P. 234–239.
17. *Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.; От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. 296 с.; *Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 2000. 36 с.; *Жеребцов И.Л.* Основные этапы этнодемографического развития народа коми. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1995. 20 с.
18. *Рожкин Е.Н.* О некоторых аспектах формирования многонациональных трудовых ресурсов в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны и в последующий период // Европейский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): к 65-летию Победы. С. 261–265; *Безносова Н.П., Жеребцов И.Л.* Численность и расселение жителей Коми АССР в годы Великой Отечественной войны // Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. С. 147–154; *Безносова Н.П., Жеребцов И.Л.* Урбанизационные процессы в Коми в первой половине 40-х гг. XX в. // Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола». Сыктывкар, 2004. С. 4–22.
19. *Рожкин Е.Н.* Формирование диаспор мусульманских народов в Республике Коми в XX веке: роль ГУЛАГа и трудовых миграций // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная деятельность. С. 96–97; *Rozhkin E.N., Zherebtsov I.L.* Central-Asian minorities in Russia in 21 century: Dynamics, structure and new areas for migration // Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy. 16/2013. Vol. 1–2. P. 200–204.
20. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Диаспоры среднеазиатских народов в России в XXI веке: новые векторы миграции // Теоретико-прикладные аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ. Алматы: Казахская академия труда и социальных отношений, 2013. Т. 1. С. 185–189; *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Сыктывкар, 1999. С. 45–52.

Г.С. Денисова, С.Я. Суций*

Демографические реалии Кавказской войны и динамика численности черкесов в XIX в.

В статье оцениваются социально-демографические результаты Кавказской войны. Основой для анализа выступают монографические исследования, материалы конференций и научной периодики, посвященных черкесской проблеме и представляющих различные точки зрения на социально-демографические последствия Кавказской войны, причины и масштабы мухаджирства. Авторы показывают ведущую роль мухаджирства в негативной демографической динамике черкесов.

Ключевые слова: *Кавказская война, мухаджирство, черкесский вопрос, демографические потери, демографическое воспроизводство*

G. Denisova, S. Sushij

Demographic realias of the Caucasian War and population dynamics of the Circassians in the XIX century

The article assesses social and demographic results of the Caucasian War. The analysis is based on the monographic research, conference materials and scientific periodical publications representing a variety of opinions on the Circassians' problem, especially on social and demographic consequences of the Caucasian War, causes and scale of muhajir. The authors demonstrate the leading role of muhajir in the Circassians downward demographic dynamics.

Key words: *Caucasian War, muhajir, Circassians' problem, demographic losses, demographic reproduction*

Анализ численности черкесов (совокупности адыгских племен Северного Кавказа) является ядром так называемого черкесского вопроса, который актуализировался в 90-е гг. XX в. в связи с развитием этнополитических процессов в России. В этот период выводы отдельных исследователей относительно динамики численности черкесов, зачастую претерпевая ускоренную трансформацию [1; 2] и облекаясь в заостренную публицистическую форму, закладывались в качестве идеологического основания в программы действий многих республиканских политических движений. По мере политической и социально-экономической стабилизации ситуации в республиках Северного Кавказа в конце 1990-х гг. обсуждение черкесского вопроса возвращается в академическое русло. Новый всплеск интереса к нему со стороны республиканских социумов, различных внутрироссийских политических движений и зарубежных центров силы приходится на годы подготовки и проведения Сочинской Олимпиады (2007–2014 гг.).

Центральным вопросом является вопрос о признании геноцида черкесов Россией в период Кавказской войны, во время которой, согласно некоторым этноисторикам, численность черкесов сократилась в 20 раз [3]. Еще дальше идут отдельные этноактивисты. Так, согласно Т. Казанову, демографические потери оказались 50-кратными (сокращение с 4 млн. до 80 тыс. чел.) [4]. Проблема геноцида, выйдя за пределы чисто академического обсуждения, обзавелась политической проекцией (с мощной внешней составляющей), которая в скором времени стала доминирующей [5].

Даже самые взвешенные оценки динамики численности черкесов в первой – второй трети XIX в. – это неизбежная констатация их кратного количественного сокращения. Однако за пределами этого предельно общего вывода между исследователями данной широкой темы начинаются самые серьезные разногласия, касающиеся как оценки демографического потенциала черкесского сообщества накануне Кавказской войны, текущих потерь на различных этапах военных действий, количества черкесов в финале войны и масштабов эмиграционного движения. Как результат, остается дискуссионным и вопрос о соотношении вклада Кавказ-

* **Денисова Галина Сергеевна** (Ростов-на-Дону) – доктор социологических наук, профессор кафедры исторической политологии Института истории и международных отношений Южного федерального университета, denigs@aanet.ru; **Суций Сергей Яковлевич** (Ростов-на-Дону) – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного ЦН РАН, SS7707@mail.ru.

ской войны и мухаджирства в процесс коренной этнодемографической трансформации черкесов Северо-Западного Кавказа.

Прежде всего следует оговорить, что демография черкесов второй половины XVIII – XIX вв. – область научного знания, позволяющая делать исключительно приблизительные выводы. Статистики собственного народонаселения горцы не вели, попытки российских властей провести перепись неизменно срывались, а множественные расчеты современников выполнялись «на глазок», что констатирует один из первых исследователей данной темы Ф.Ф. Торнау: «все эти цифры, которые означали кавказское население, брались приблизительно и можно сказать, на глаз. По понятиям горцев считать людей было не только совершенно бесполезно, но даже грешно; почему они, где можно, сопротивлялись народной переписи или же обманывали, не имея возможности сопротивляться» [6, с. 2014]. В результате этого имеющиеся оценки численности черкесского населения накануне Кавказской войны колеблются в крайне широких количественных пределах – если согласно П. Зубову черкесов было около 250 тыс. [7], то Р. Рушди насчитывал порядка 6 млн. чел. [8]. И данный почти 25-кратный разбег сам по себе должен предостерегать серьезных исследователей от сколько-нибудь «радикальных» выводов.

Учитывая, что реальная цифра находится внутри обозначенного диапазона, представляет интерес его количественная градация по числу «оценщиков». Анализ 33 расчетов, выполненных позднейшими исследователями, показал, что семь из них указывают на численность в пределах 200–307 тыс. чел.; еще семь – на 350–505 тыс.; шесть – на 600–900 тыс., три на 1–1,1 млн., четыре – на 1,5–2 млн.; по две оценки указывают на диапазоны: 2,3–3 млн.; 3,5–4 млн.; 4,8–6,0 млн. чел. Если отбросить по десять оценок сверху и снизу, как отражающих крайние и в силу этого маловероятные величины, у нас остается диапазон 0,6–1,1 млн. чел., на который, очевидно, и имеет смысл ориентироваться. Тем более что и он остается весьма широким [6, с. 2015].

Хорошо известно, что интенсивность военных действий на Северо-Западном Кавказе не была величиной постоянной. Вооруженное сопротивление горцев растянулось на несколько десятилетий. И периоды резкой активизации противостояния сменялись короткими или более-менее затяжными интервалами «позиционной» борьбы. Детальная периодизация всей Кавказской войны с этого ракурса представляет самостоятельную и весьма трудоемкую задачу. Но в самом первом приближении, исходя из масштаба человеческих потерь, в истории адыго-черкесского фронта войны можно выделить два больших периода. Первый из них практически точно совпадает с первой третью XIX в. (1801–1833 гг.), второй включает последующие десятилетия Кавказской войны.

На протяжении первого периода активность боевых действий оставалась по преимуществу низкой и проявилась в ограниченных потерях черкесского населения. Сами черкесы в августе 1825 г. называли анапскому паше цифру в 25,2 тыс. убитых русскими своих соплеменников за 25 лет войны по Кубани и Тереку [6, с. 217]. Иными словами, ежегодные потери черкесских сообществ составляли в пределах тысячи человек. При этом традиционный тип демографического воспроизводства, связанный с ранней брачностью и репродуктивностью почти всего женского населения, перекрывал воинские потери. Учитывая, что неограниченная планированием рождаемость в традиционных обществах составляет порядка 5–5,5% (50–55 промилле) [9], ежегодное репродуктивное пополнение у черкесов могло составлять в это время порядка 30–55 тыс. чел.

Можно даже предположить, что количественная динамика большинства региональных горских сообществ Северо-Западного Кавказа в первой четверти XIX в. почти не отличалась от ее обычного динамического контура, характерного для всех предыдущих периодов. В условиях плотного полиэтничного общежития и необходимости жестко отстаивать интересы своей общины жизнь горцев практически всегда была связана с определенными «боевыми» потерями, сверхсмертностью населения от межплеменных столкновений, эпидемий и неурожая. Свой вклад в демографические потери вносила и широко практиковавшаяся работорговля (захваченные во время стычек и набегов представители других черкесских племен продавались в Османскую империю).

Итак, первые десятилетия Кавказской войны для черкесского мира не принесли сколько-нибудь ощутимых демографических потерь. Но ситуация постепенно меняется. По мере активизации военных действий, по обе стороны вооруженного противостояния растут человеческие потери. Водораздел приходится на 1833–1834 гг. Согласно расчетам А.Х. Бижева, если в 1830 г. общие потери царской армии на черкесском «фланге» составили 120 чел., то в 1834 г. – уже 789 [6, с. 218]. Конечно, учитывая пульсирующую динамику данного показателя, имеет смысл рассматривать не отдельные годы, а периоды в несколько лет – но и подобный расчет оставляет в силе сделанный вывод. Среднегодовые потери русской армии на СЗК в 1830–1833 гг. составляли 320 чел., а в 1834–1840 гг. выросли до 984 (т.е. более, чем в три раза).

Несомненно, что в несколько раз должны были вырасти потери и черкесской стороны. Согласно расчетам Н.Ф. Дубровина, суммарные потери черкесского населения (убитые в боях и во время карательных экспедиций царских войск) составили за 1835–1858 гг. 211,5 тыс. чел. [6, с. 217]. Если ориентироваться

на эти цифры, среднегодовые потери черкесских сообществ в данный период составляли в пределах 8,5–9,0 тыс. чел., величину куда более существенную, нежели в первой четверти века.

Подобный масштаб должен был оказывать серьезное влияние на количественную динамику черкесских сообществ, зачастую приводя многие из них к суженному демографическому воспроизводству. Однако при этом необходимо учитывать, что погибшие или умершие даже в молодом возрасте (то есть даже не успевшие дожить до 30–35 лет) в своей массе успевали оставить более или менее многочисленное потомство. А развитая семейственность и родовая взаимовыручка помогали семьям, оставшимся без кормильца, «поднимать» детей. И потому даже ощутимые боевые потери могли достаточно скоро восполняться очередным поколением горской молодежи. Способность горцев к длительному активному противостоянию демонстрировала не только наличие соответствующих воинских ресурсов, но и указывала на умение устойчиво воспроизводить свою численность даже в таких непростых условиях.

Указанный выше уровень рождаемости (50–55 промилле в год), по нашим расчетам, позволял естественному приросту в периоды временных «замирений» достигать ежегодных 2,5–3%. Иными словами, нескольких лет относительно мирной жизни было достаточно, чтобы увеличить демографический потенциал отдельных горских обществ на 15–20%. В качестве иллюстрации можно указать на гендерно-возрастную структуру адыгского селения Хаджимуковское. В 80-х гг. XIX в. из 3431 его жителей на детей в возрасте до 10 лет приходилось 1253 (36,5%) [7]. Для сравнения, в настоящее время у наиболее многодетных народов Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, аварцы, даргинцы) эта детская возрастная генерация включает не более 19–22% всего населения. Показателен и гендерный состав села – мужчины составляли 53% населения (1813 чел.) Хаджимуковского. Количественное доминирование мужского населения было характерно и для подавляющего большинства других черкесских селений этого времени (к примеру из 32 аулов, расположенных в Екатеринодарском отделе, в 27 фиксировался мужской перевес, и в целом мужчины составляли 52% жителей данных селений) [10]. Никаких гендерных перекосов, связанных с Кавказской войной и сверхсмертностью мужчин, уже не было.

Конечно, делать широкие выводы на основании одного статистического ряда нельзя. Тем более что любые аналитические построения с большим трудом поддаются аналитической проверке, поскольку общая демографическая статистика по Северо-Западному Кавказу первой половины – середины XIX в. крайне фрагментарна и ненадежна. И все же имеющаяся сумма фактов позволяет с известной уверенностью утверждать, что «кардинального» сокращения численности черкесов в первой половине XIX в. не произошло. И к финальной части Кавказской войны они вышли примерно с тем же демографическим потенциалом, с которым в нее вступили. Это не исключает возможности достаточно чувствительных потерь демографического потенциала черкесского населения (едва ли можно исключать даже варианты потери 15–25% от их довоенной численности). Но даже такие потери сохраняли сам количественный формат черкесского сообщества. И так, в начале 1860-х гг. численность черкесов могла составлять порядка 0,6–1,1 млн. чел. и по численности они были сопоставимы с суммой всех остальных северокавказских сообществ (общее количество кавказцев-«нечеркесов», согласно М.В. Кабузану, составляло в 1858 г. порядка 750 тыс. чел.) [11, с. 220–221]. Но проходит менее десятилетия и на Кавказе остается всего несколько десятков тысяч черкесского населения, что свидетельствует о демографической катастрофе.

Политический контекст обсуждения данной проблемы в 90-х гг. XX в. ориентировал черкесских этноактивистов выдвинуть обвинение царскому правительству в геноциде черкесов. Однако исторические события XIX в. представляют иное содержание, не подпадающее под юридическое определение геноцида в Конвенции Главной Ассамблеи ООН [12]. Российские власти не ставили в качестве принципиальной задачи уничтожение горцев, но добивались их политической лояльности. И были крайне разочарованы нежеланием черкесов принять это требование. Поэтому правительство было заинтересовано в сокращении «неспокойного» горского населения, но при этом не использовало механизм их тотального уничтожения. Многие его действия в 60-х гг. XIX в. были направлены на выдавливание горцев за пределы государства – мухаджирство.

Существующие в литературе расчетные оценки масштабов мухаджирства также различаются почти на математический порядок – диапазон от 400 тыс. до 3,1 млн. чел. Причем показателен сам факт количественной сближенности двух оценочных «диапазонов» – численности довоенных черкесов и масштабов мухаджирства. Их порядковая соразмерность – еще одно косвенное свидетельство того, что основные демографические потери черкесов в XIX в. были связаны именно с их эмиграцией, а не с Кавказской войной. Поощрение эмиграции на ее первых стадиях объяснялось доминированием представлений в кругу царских чиновников о неспособности горцев стать лояльными подданными Империи.

Но показательно, что у горцев был выбор: принять предлагаемые им условия (включая и перемещение в новые районы проживания) либо выбрать отъезд в Турцию, под который даже выдавались определенные «подъемные» деньги. Значительную роль в этом судьбоносном выборе сыграла деятельность многочислен-

ных турецких эмиссаров, «рекламировавших» горцам жизнь на новой родине. Показательно, что именно Северо-Западный Кавказ, находившийся в зоне максимального влияния Османской Порты, дал подавляющую массу мухаджиров. При сопоставимой численности населения адыго-черкесский субрегион дал до 87–88% всех эмигрантов (включая 6% прикубанских ногайцев), тогда как на чеченцев, осетин и других представителей сообществ центрального и восточного Кавказа пришлось только 12–13% [6, с. 222].

Наконец, свою роль сыграла и позиция черкесской светской знати и духовенства, значительная часть которых в этот период по целому ряду причин была ориентирована на отъезд. Как результат, самая значительная часть черкесских обществ выбрала эмиграцию. То, что на этом пути потери огромны, выяснилось очень быстро. С масштабными человеческими жертвами был связан каждый этап переселения – путь к черноморским портам, ожидание транспорта, переезд в Турцию, расселение в различных провинциях Порты. В общей сложности «дорога» могла унести от трети до четверти переселенцев. Власти, столкнувшись со столь массовым исходом коренного населения, уже с 1865 г. начали ограничивать эмиграцию, а в 1867 г. запретили ее. Численность черкесов, оставшихся на Кавказе, стабилизировалась до конца столетия, а в последние десятилетия имперского периода быстро пошла в рост (за период 1897–1926 гг. их количество на Юге России выросло с 43 тыс. до 64,2 тыс. чел.).

Имеющиеся в распоряжении современной науки данные, несмотря на фрагментарность и определенную противоречивость, позволяют сделать вывод о сохранении общего демографического потенциала черкесских сообществ СЗК на всем протяжении Кавказской войны. Традиционный тип демографического воспроизводства с ранней брачностью и многодетностью позволял черкесам адаптироваться к условиям военного времени и восстанавливать свою численность, несмотря на сверхсмертность. Основные демографические потери и последовавшая за ними кардинальная трансформация национальной структуры населения СЗК были связаны с эмиграцией значительной доли адыго-черкесов в Турцию. Причем данный отъезд был в значительной степени обусловлен свободным выбором самих черкесов, не сумевших правильно оценить исторические перспективы двух сценариев будущего – мухаджирства-изгнания и сохранения на исторической родине в качестве лояльных поданных Российского государства. Однако, учитывая, что источники, позволяющие зафиксировать точную динамику численности черкесского населения во второй половине XVIII – XIX в. отсутствуют, демография Кавказской войны всегда будет оставаться областью интерпретаций, в том числе идеологически насыщенных.

Источники и литература

1. Касумов А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецкий войнах и международные отношения в XIX веке. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 1989.
2. Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик: Изд-во «Логос», 1992. 200 с.
3. Цветков О.М. Черкесский вопрос: этноидеологические вызовы гражданскому единству // Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Москва; Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2011. С. 72–88.
4. Казанокоев Т. А. Выступление представителя МЧА Т. Казанокоева на IV Сессии комиссии Организации Объединенных Наций (ООН) по правам человека в рабочей группе по меньшинствам. 28.05.1998. Женева. URL: http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2537&Itemid=5
5. Рябцев В.Н. Черкесский вопрос, Олимпиада–2014 и политика Грузии на Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2012. 384 с.
6. Шейджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. Земля адыгов. Майкоп: «Адыгея», 2004. 1002 с.
7. Будай О.М. Миф об изгнании кавказцев Россией. URL: <http://real-alania.narod.ru/alanialand/2buday/MifObIzgnaniKavk.pdf>
8. Понимание государственности. URL: <http://circas.ru/index.php?newsid=1980>
9. Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – начало XX веках. СПб.: Изд-во «Блиц», 1996. 224 с.
10. Список аулов Екатеринодарского отдела с обозначением числа жителей в каждом к 1 января 1891 г. и числа жителей, изъявивших желание в апреле месяце 1889 г. на переселение в Турцию // Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 2. Д. 700. Л. 4.
11. Кабузан В.М. Русские в мире. СПб.: Изд-во «Блиц», 1996. 354 с.
12. Геноцид. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4>.

Ю.В. Аргудяева*

**Брачное поведение русских старообрядцев в Амурской и Приморской областях
(конец XIX – начало XX в.)****

Рассматривается брачное поведение русских старообрядцев-поповцев и старообрядцев-беспоповцев в Амурской и Приморской областях. Анализируются особенности заключения брака в условиях дефицита невест и вероисповедно-гетерогенного состава населения.

Ключевые слова: русские, старообрядцы, брачное поведение, брачные традиции, Амурская и Приморская области

Yu.V. Argudieva

**Marriage behavior of the russian old-believers in Amurskaia
and Primorskaia regions (the end of the 19th – the early 20th cc.)**

There elucidated marriage behavior of the Russian Old-Believers Popovtsy and Old-Believers-Belopopovtsy in Amurskaia and Primorskaia regions. There analyzed peculiarities of marriage in the conditions of deficit of brides and faith and heterogeneous composition of the population.

Key words: Russians, Old-Believers, marriage traditions, marriage behavior, Amurskaia and Primorskaia regions (oblast')

Формирование на юге Дальнего Востока России – в Амурской и Приморской областях – историко-этнографической и конфессиональной группы русских-старообрядцев неразрывно связано с переселением в этот регион во второй половине XIX – начале XX в. и групп русских из числа официально признававших православие и иных восточнославянских (белорусы, украинцы) народов. Это были представители практически всех центральных и южных губерний России, регионов Поволжья, Урала, Сибири, Алтая, Забайкалья, а также зарубежья (Австрия, Болгария, Румыния). В Дальневосточном регионе, наряду с сохранением некоторых черт северно- и южнорусских традиций, у старообрядцев в процессе взаимодействия с аборигенными и другими пришлыми, как восточнославянскими, так и восточноазиатскими (китайцами и корейцами) народами, выработались определенные элементы регионального комплекса русской культуры.

Для дальневосточных старообрядцев была характерна и неоднородность внутренней вероисповедной структуры. Здесь были представлены белокриницкая (или австрийская) иерархия (поповщина), беглопоповская и беспоповская ветви «древлеправославного старообрядчества». Два основных направления – поповщина и беспоповщина делились на толки (разновидности религиозного учения) и более мелкие его подразделения – согласия, которые объединяли верующих, придерживающихся той или иной разновидности «древлеправославной» обрядовой практики. Переходным между поповщиной и беспоповщиной было часовенное согласие, последователи которых были наиболее многочисленными в Приамурье и Приморье, где их называли беспоповцами. Они представляли основную массу сельского старообрядческого населения, брачно-семейные отношения которого складывались в условиях сложной демографической ситуации.

Как показали исследования, на Дальнем Востоке возрастно-половая структура населения в конце XIX – первой трети XX в. оказалась разбалансированной. В отчете военного губернатора Приморской области за 1882–1883 гг. отмечалось, что женского населения в области почти в три раза меньше мужского [1]. Для старообрядцев, как и для других крестьян Дальневосточного региона, создание семьи в этот период осложнялось дефицитом женщин.

* **Аргудяева Юлия Викторовна** (Владивосток) – доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, argudiaeva@mail.ru.

** Исследование поддержано грантом Российского научного фонда «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

Дефицит женщин в этот период был обусловлен целым рядом причин. В определенной степени первоначально это были ошибки правительства, стремившегося отправить на восток страны семьи, где преобладали мужчины-работники. Правительство считало, что в условиях освоения нетронутой дикой дальневосточной природы (необходимость раскорчевки тайги, распашка целинных земель и др.) требовалось применение тяжелого физического мужского труда, и в целях более усиленного развития хлебопашества на Дальнем Востоке следует переселять семьи с преобладающим взрослым мужским населением в рабочем возрасте. Однако традиционное разделение крестьянских работ не могло обойтись и без женских рук.

Сложная демографическая ситуация в Приамурье и Приморье обусловила и своеобразное брачное поведение. Брачное поведение дальневосточного крестьянства, как и восточнославянского крестьянина XIX – начала XX в. основной, материнской территории расселения, определялось его взглядами на брак, семью, детей [2]. Взгляды эти отражали не только этические нормы и нормы обычного права, но и ряд социально-экономических факторов: невозможность существования крестьянского хозяйства вне семьи и без разделения труда по признаку пола; отрицательное отношение к холостой жизни; ценностные ориентации юношей и девушек на брак и детей в браке; необеспеченность общиной и государством старости родителей; религиозный характер норм крестьянского поведения; отношения правового, экономического, этнокультурного характера и др.

Менталитет дальневосточного крестьянина в вопросах брака практически не отличался от менталитета российского сельского жителя. Он складывался веками и был транслирован на Дальний Восток как и этнокультурные традиции крестьянской жизни [3]. Однако брачное поведение дальневосточного крестьянства имело целый ряд особенностей, обусловленных спецификой конфессионального состава населения, социально-экономического и демографического развития Дальневосточного региона. В частности, дефицит женщин на юге Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. определял и демографическое поведение мужчин – они брали в жены не только девушек, но и всех вдов с детьми, даже пожилых. Хроническая нехватка невест приводила к тому, что крестьяне стремились женить своих сыновей и выдать замуж дочерей как можно раньше. В противном случае шансы на создание собственной семьи и хозяйства падали.

Основные направления брачного поведения дальневосточных старообрядцев, за исключением крайних толков, были аналогичны брачным установкам остального крестьянства: превалирование в менталитете ценности брака и семьи, значительная роль при заключении браков мотивов экономического характера (возможность получить рабочие руки, породниться с зажиточными соседями и этим упрочить свое положение и т.п.), заключение брака по выбору родителей и др. Преобладали браки при помощи «открытого сватовства», но были и браки «убегом».

У старообрядцев-беспоповцев браки, при родительском благословении, оформлял в молельне наставник. У старообрядцев-поповцев брак венчали в церкви священники или беглые попы. Однако священников и беглых попов в условиях жесткого прессинга официальной церкви на Дальнем Востоке продолжительное время не хватало. Семейные пары жили невенчанными по нескольку лет. И хотя правительство относилось в целом терпимо к старообрядческим бракам, они не считались законными, а «...происшедшие от таких союзов дети не признавались законнорожденными и не получали никаких прав по происхождению и имуществу» [4]. И чтобы узаконить свой брак, старообрядцы-поповцы вынуждены были венчаться в официальной церкви и давать подписку о присоединении к ней. Подписка, как правило, не выполнялась. Это приводило к преследованию со стороны светских и духовных властей. И только указ 1874 г. признал законность старообрядческих браков и законнорожденность детей от этих браков. Браки должны были записываться полицией в особые метрические книги при волостных правлениях. Причем записи в метрические книги не являлись введением для старообрядцев гражданского брака, они означали лишь «...основание и существо брачного союза между мужем и женой» [5]. Однако метрические записи старообрядцы, особенно беспоповцы, не признавали. И хотя браки в гражданском отношении считались действительными, юридическая проблема оставалась нерешенной.

Все эти обстоятельства и обусловили для старообрядцев довольно сложную брачную ситуацию, которая усложнялась и тем, что выбор жениха и невесты регламентировался принадлежностью брачного партнера к определенному толку или согласию, представителям которых легче было договориться с официально признанными православными (при условии их дальнейшего перехода в старообрядчество), чем между собой. Поэтому как старообрядцы-поповцы, так и старообрядцы-беспоповцы подбор брачных пар и регламент заключения брака стремились осуществлять согласно своему конфессиональному статусу. Но в условиях дефицита женщин в дальневосточном регионе, дисперсного расселения русских старообрядцев, их хозяйственно-соседских связей с новоселами, они заключали брачные союзы и с приверженцами официального православия из числа украинцев, поляков, белорусов, реже – аборигенных народов. Чаще это было распространено в малолюдных таежных районах, заселенных беспоповцами, где православных приходов было мало и влияние православного духовенства невелико. Здесь нередко были случаи женитьбы мужчин – приверженцев

официального православия – на старообрядках, которых выдавали замуж лишь в случаях принятия женихами старообрядчества. Нередки были и браки старообрядцев с православными. Некоторые старообрядцы даже принимали православие, но исключительно только для получения разрешения на вступление в брак с девушкой из православных. Духовная консистория и представители официальной власти считали смешанные между приверженцами официального православия и старообрядцами браки «незаконными» [6]. Законным и признанным в обществе, по мнению консистории, мог быть только такой брак, в котором супруг-старообрядец давал подписку о присоединении к православию. Однако такая подписка, как уже говорилось, не выполнялась. Через определенное время оба супруга оказывались в лоне старообрядчества. Так, в одном из первых старообрядческих селений на р. Амуре – с. Петропавловке Софийского округа Приморской области – в 1871 г. состоялось бракосочетание забайкальского крестьянина Ивана Владимирцева и местной старообрядки Марфы Черепановой. Поскольку Иван был православным, то брак венчался в православной церкви. Священник потребовал от Ивана подписку о том, что он не перейдет в раскол и что будущих своих детей он будет крестить в Православной Церкви. Однако родившихся детей Владимирцев в церкви не крестил и сам перешел в старообрядчество [7]. Лишь с принятием в 1906 г. законов о свободе вероисповедания эта ситуация несколько облегчилась. Теперь супругам разрешалось, по их желанию, оставаться приверженцем своей веры или переходить в веру своего супруга.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Дальневосточном регионе на рост доли конфессионально смешанных браков влияло также дисперсное расселение самих старообрядцев, их сложный конфессиональный состав, хозяйственные контакты, малозаселенность этнически смешанных таежных деревень, жителями которых были как официально признанные православные, так и старообрядцы. В этот период преобладали браки с представителями своей сословной группы, были характерны сдержанное поведение молодежи в предбрачное время, осуждение односельчанами близких добрачных отношений, брачный выбор по воле родителей. Общепринятые в России нормы вступления в брак – девушки в 16 лет и юноши в 18 лет – на Дальнем Востоке нарушались в сторону более ранней брачности девушек (с 14–15,5 лет) и обычно со старшим по возрасту женихом, а иногда и с ровесником.

Были и другие общеславянские традиции, влияющие на заключение брака. У старообрядцев они были более строгими, чем у остальной массы крестьянского населения. Они, в отличие от крестьян, исповедовавших официально признанное православие, которым разрешалось выбирать брачного партнера при пяти степенях кровного родства, строго придерживались правила не разрешать браки с кровными родственниками по прямой линии до 8-го колена и по боковой – до 4-го, с духовными родственниками, т.е. с крестными и их детьми. Этих традиций придерживаются старообрядцы и в настоящее время. Менее соблюдался обычай вступления в брак взрослых детей по старшинству.

Особым было отношение общества к повторным бракам и разводам; разводы считались «грехом» и практически не имели места. Повторные браки обычно встречались у вдовых людей, и крестьянское самосознание признавало законность таких браков. Народная мораль признавала приемлемыми вторые браки мужчин и женщин фертильного возраста, имевших много малолетних детей, требовавших содержания и воспитания. Браки, заключенные в третий раз и в возрасте старше 60 лет, порицались.

Таким образом, установлено, что на протяжении всего рассматриваемого периода на юге Дальнего Востока, в условиях дефицита невест, для старообрядцев были характерны ранние и конфессионально-смешанные браки, существовали различные формы брака, заключающиеся исключительно по выбору родителей. Повторные браки оформлялись редко, разводов практически не было. При преобладании в старообрядческой среде социально и этнически гомогенных браков, было немало семей со сложным региональным и этническим (русские, украинцы, белорусы, поляки, удэгейцы и др.) составом. Это лишним раз указывало на то, что национальная принадлежность другого супруга не играла для старообрядцев существенной роли, для них важнее была принадлежность к древлеправославной вере. Заключение конфессионально и этнически смешанных браков расширяло брачные и хозяйственные связи и способствовало более быстрой адаптации крестьян к местным природно-экологическим, экономическим и демографическим условиям. К 1930-м гг. у дальневосточных старообрядцев сложилась благоприятная брачная ситуация, обусловленная тем, что на юге Дальнего Востока России значительно возросла численность населения, в том числе женщин, а также тем, что сюда, вплоть до начала этого периода, продолжали прибывать старообрядцы из разных регионов России, то есть не состоящие в близком кровном родстве.

Указанные особенности (кроме дефицита невест) брачного поведения дальневосточных старообрядцев практически полностью были транслированы в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Сюда в конце 1920-х – начале 1930-х гг., спасаясь от религиозных, экономических и политических преследований, как из восточных, так и из других регионов России эмигрировали группы русских старообрядцев-поповцев и старообрядцев-беспоповцев. Значительное число старообрядцев-эмигрантов и их разнообразный региональ-

ный состав, исключавшие близкое кровное родство, обусловили в Маньчжурии благоприятную брачную ситуацию. Дефицита невест не было. В Северо-Восточном Китае старообрядцы-поповцы поселились преимущественно в Харбине и Северо-Западной Маньчжурии, старообрядцы-беспоповцы – в Северо-Восточной Маньчжурии, где ими было создано несколько старообрядческих деревень. Благоприятная брачная ситуация в Маньчжурии привлекла сюда и брачных партнеров из числа старообрядцев-беспоповцев, проживавших на о. Хоккайдо и о. Сахалин, находившейся до августа 1945 г. под протекторатом Японии.

Источники и литература

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 99. Л. 95.
2. *Миронов Б.Н.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977. С. 83.
3. *Вишневецкий А.Г.* Ранние этапы становления нового типа рождаемости // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М.: Статистика, 1977. С. 105.
4. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 485. Карт. 2052. Л. 1–2.
5. ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 485. Карт. 2052. Л. 2 об.
6. *Лобанов В.Ф.* «Незаконные» браки у старообрядцев Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 63.
7. РГИА ДВ. Ф. 1. Отдел 1. Стол 2. Д. 337. Л. 1–2, 5.

А.М. Таскаев*

Половозрастная характеристика уровня грамотности Сысольского уезда по материалам переписей 1920, 1926 гг.**

В статье рассматривается уровень грамотности Сысольского уезда по материалам переписей населения 1920 и 1926 гг. Проводится анализ уровня грамотности населения по полу и возрасту, коэффициенты грамотности уезда сравниваются с аналогичными по СССР.

Ключевые слова: демография, численность населения, грамотность, Коми, Сысольский уезд, перепись 1920 г., перепись 1926 г.

А.М. Taskaev

Gender and age characteristics of the literacy level of Sysolsky county based on census 1920, 1926

The article examines the literacy rate of Sysolsky county based on census 1920, 1926. Author carries out an analysis of the literacy level of the population by sex and age, compares literacy rates with same coefficients of the Soviet Union.

Key words: demography, population, literacy, Komi, Sysolsky country, Census 1920, Census 1926

Коми государственность ведет свою историю с принятия декрета ВЦИК «Об автономной области Коми (Зырян)» 22 августа 1921 г. Автономная область Коми (Зырян) была образована как часть РСФСР с административным центром в городе Усть-Сысольске. Декретом ВЦИК «Об административном делении автономной области Коми» от 2 мая 1922 г. устанавливались границы Коми автономии с точным перечислением всех входивших в нее волостей. Коми автономная область состояла из четырех уездов: Усть-Сысольский из 38 волостей с центром в г. Усть-Сысольске, Усть-Куломский из 16 волостей с центром в с. Усть-Кулом, Усть-Вымский из 21 волости с центром в с. Усть-Вымь, Печорский из 25 волостей с центром в с. Ижма [1].

В 1920 г. была проведена первая советская перепись населения, которая приурочивалась к одному критическому дню – 28 августа 1920 г. Срок переписи в городах был определен семь дней, в сельских местностях – 14 дней. Перепись производилась путем опроса населения счетчиками (регистраторами) по месту жительства. При переписи учитывалось наличное население (включая младенцев). Основным формуляром переписи являлся личный листок, который составлялся на одно лицо.

В личный листок переписи населения 1920 г. входили следующие сведения: фамилия, имя, отчество; пол; возраст; национальность и родной язык; место рождения; семейное положение; грамотность; образование; участие в войнах; занятость; физическое и психическое здоровье. По вопросу о грамотности в личном листке были три пункта:

1. на русском: читает и пишет или только читает;
2. на другом языке (и на каком) читает и пишет или только читает;
3. неграмотен [2].

В Коми крае, по данным переписи 1920 г., насчитывалось 175 656 жителей: в Сысольском уезде – 83 402, в Усть-Куломском – 27 675, в Усть-Вымском – 42 579, в Ижмо-Печорском – 22 000 [3]. Эти данные относятся к территории края, вошедшей в 1921 г. в Автономную область Коми. На момент проведения переписи 1920 г. в Сысольском уезде проживало 83 402 чел. (36 197 муж. и 47 205 жен.). 26 460 чел. (31,73% от общей численности Сысольского уезда) были грамотны, 56 942 чел. (69,27%) – неграмотны. Среди мужчин грамотных

* **Таскаев Александр Михайлович** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, amtaskaev@mail.ru.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

было 16 395 чел. (45,29% от численности мужчин Сысольского уезда), среди женщин – 10 065 чел. (21,32% от численности женщин).

В табл. 1 представлен уровень грамотности населения Сысольского уезда по возрастным группам. Возрастной группе 12–15 лет принадлежит наиболее высокий процент грамотных среди всего населения уезда – 68,90%. Следует отметить, что среди трех возрастных групп от 8 до 19 лет размах вариации процента грамотного населения составляет 11,8%, а средний уровень грамотности находится на отметке 61,66%. Среди мужчин наиболее высокий показатель грамотности у возрастной группы 12–15 года – 82,96%. Среди шести возрастных групп от 8 до 39 лет размах вариации коэффициента грамотности составляет 19,27%, а средний показатель грамотности – 73,43%. У женщин наивысший коэффициент грамотности также принадлежит возрастной группе 12–15 лет – 68,9%. Среди трех возрастных групп от 8 до 19 лет размах показателя грамотного населения составляет 14,46%, а средний коэффициент грамотности – 49,06%. У всех трех категорий прослеживается тенденция роста коэффициента грамотности от 0 к возрастным группам 12–15 лет, далее коэффициент грамотности начинает падать и достигает минимума к возрастной группе 60+ лет [4].

Таблица 1

Уровень грамотности Сысольского уезда по полу и возрасту в 1920 г.

Возраст, лет Пол	Все возрасты	0–7	8–11	12–15	16–19	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60–
Всего мужчин	36197	8754	4533	4154	2961	1132	1271	3748	4114	2910	2620
в т.ч. грамотных	16395	146	3075	3446	2336	843	982	2387	1874	785	521
% грамотных	45,29%	1,67%	67,84%	82,96%	78,89%	74,47%	77,26%	63,69%	45,55%	26,98%	19,89%
Всего женщин	47205	9054	4649	4506	4131	4042	3438	5826	4684	3450	3425
в т.ч. грамотных	10065	108	2283	2521	1714	1207	892	836	304	138	62
% грамотных	21,32%	1,19%	49,11%	55,95%	41,49%	29,86%	25,95%	14,35%	6,49%	4,00%	1,81%
Оба пола	83402	17808	9182	8660	7092	5174	4709	9574	8798	6360	6045
В т.ч. грамотных	26460	254	5358	5967	4050	2050	1874	3223	2178	923	583
% грамотных	31,73%	1,43%	58,35%	68,90%	57,11%	39,62%	39,80%	33,66%	24,76%	14,51%	9,64%

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 346. Л. 1; Д. 350. Л. 1–7; Д. 351. Л. 1–7.

Наиболее многочисленной являлась возрастная группа 0–7 лет как среди мужчин, так и среди женщин. Женщины составляли большинство во всех возрастных группах (56,6% от всего населения), но если в возрастных группах от 0 до 15 лет разница была не столь существенна, то в группах от 16 до 39 лет становилась более очевидной. Наибольший дисбаланс полов наблюдался среди возрастов 20–29 лет. Доля мужчин в группе 20–24 года составляла 21,88%, в группе 25–29 лет – 26,99% [5].

В 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения. Днем, к которому был приурочен учет населения, было назначено 17 декабря 1926 г. (пятница). Перепись производилась семь дней в городах и четырнадцать дней в сельских местностях. Она была организована по принципу учета наличного населения, личные листки составлялись на лиц, проводивших ночь с 16 на 17 декабря 1926 г. в данном населенном месте.

Основным формуляром для установления численности и состава населения всего СССР служил в 1926 г. личный листок. Отдельный личный листок составлялся на каждого жителя (включая грудных детей). Содержание личного листка переписи 1926 г. определялось 15 вопросами: фамилия, имя и отчество; пол; возраст; этническая принадлежность; родной язык; место рождения; продолжительность проживания; семейное состояние, грамотность, отметки о физических недостатках и психических больных; занятия и другие источники средств существования.

При переписи 1926 г. было принято следующее понимание грамотности: «умеющими читать считаются разбирающие печатные слова, хотя бы по слогам, умеющими писать – кто может подписать свою фамилию». В циркулярном порядке ЦСУ было разъяснено, что «лица, умеющие подписать свою фамилию, не умея читать, должны быть записаны как вовсе неграмотные» [6].

На момент проведения переписи область была разделена на четыре уезда: Сысольский (28 волостей и городских поселений), Усть-Куломский (28 волостей), Усть-Вымский (21 волость) и Ижмо-Печорский (20 волостей). В четырех уездах насчитывалось 1316 сельских населенных пунктов, областной центр – г. Усть-Сысольск, два фабрично-заводских поселка – Кажим и Нювчим [7]. По данным переписи 1926 г. в Коми автономной области проживало 207 314 чел.: 73 308 – в Сысольском, 56 353 – Усть-Куломском, 46 931 – Усть-Вымском, 30 722 – в Ижмо-Печорском уездах [8].

Население Коми Автономной Области 1926 г.

Уезд	Русские	Зыряне	Самоеды	Другие	Всего
Ижмо-Печорский уезд	502	28111	2070	39	30722
Усть-Вымский уезд	3139	43756	10	26	46931
Сысольский уезд	9639	63513	0	156	73308
Усть-Куломский уезд	451	55865	0	37	56353
Всего	13731	191245	2080	258	207314

Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84.

человеку – чехи, молдаване, карелы, чукчи, осетины, караимы, кряшены. Не отнесли себя ни к одной из народностей четыре человека. В личном листке (переписи 1926 г.) вместо термина «национальность» был употреблен термин «народность» именно с целью подчеркнуть, что здесь ожидался ответ на вопрос о племенном происхождении, принадлежности к той или иной этнической группе населения. Таким образом, регистрация народности была основана на самоопределении опрашиваемых [9].

В табл. 3 представлено распределение населения Сысольского уезда по грамотности. На момент проведения переписи 1926 г. в Сысольском уезде проживало 73 308 чел. (33 152 муж. и 40 156 жен.). 33 521 чел. (45,73% от общей численности Сысольского уезда) были грамотны, 37 521 чел. (51,18%) были неграмотны, грамотность 2266 чел. (3,09%) не была указана. Среди мужчин грамотных было 19 507 чел. (58,84% от численности мужчин Сысольского уезда), среди женщин – 14 014 чел. (34,9% от численности женщин).

Таблица 3

Распределение населения Сысольского уезда по грамотности в 1926 г.

Категории грамотности	Мужчины	Доля среди всех мужчин	Женщины	Доля среди всех женщин	Оба пола	Доля в общем количестве
Грамотные только на языке своей народности	2913	8,79%	2164	5,39%	5077	6,93%
Грамотные только на русском языке	5398	16,28%	3685	9,18%	9083	12,39%
Грамотные на коми и языке своей народности	1986	5,99%	2196	5,47%	4182	5,7%
Грамотные на русском, коми и языке своей народности	9160	27,63%	5942	14,8%	15102	20,6%
Прочие грамотные	50	0,15%	27	0,07%	77	0,11%
Всего грамотных	19507	58,84%	14014	34,9%	33521	45,73%
Неграмотные	12712	38,34%	24809	61,87%	37521	51,18%
Грамотность не указана	933	2,81%	1333	3,32%	2266	3,09%
Всего	33152	–	40156	–	73308	–

Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84.

Показатели грамотности населения по волостям Сысольского уезда представлены в табл. 4. Сортировка выполнена от наибольшего процента грамотности населения обоих полов в волости к наименьшему. Только в шести волостях и городских поселениях Сысольского уезда доля грамотного населения была выше 50%: город Усть-Сысольск (74,51%), заводские поселки Кажим (58,32%) и Нювчим (57,78%), Кодзвильская (56,79%), Вильгортская (54,58%) и Ужгинская (50,83%) волости. В остальных волостях доля грамотного населения не превышала 50%. Волости с наименьшей долей грамотного населения: Летская (32,55%), Верхолузская (32,71%), Вотчинская (33,02%), Киберская (34,57%), Шошкинская (35,28%) [10].

В табл. 5 показан уровень грамотности населения Сысольского уезда по возрастным группам. Возрастной группе 16–19 лет принадлежит наиболее высокий процент грамотных среди всего населения уезда – 82,24%. Следует отметить, что среди четырех возрастных групп от 8 до 24 лет размах вариации процента грамотного населения составляет 6,02%, а средний уровень грамотности находится на отметке 79,24%. Среди мужчин наиболее высокий показатель грамотности у возрастной группы 20–24 года – 93,56%. Среди шести возрастных групп от 8 до 39 лет размах вариации коэффициента грамотности составляет 9,1%, а средний показатель грамотности – 88,46%. У женщин наивысший коэффициент грамотности принадлежит возрастной

группе 16–19 лет – 75,24%. Среди четырех возрастных групп от 8 до 24 лет размах показателя грамотного населения составляет 6,02%, а средний коэффициент грамотности – 70,79%. У всех трех категорий прослеживается тенденция роста коэффициента грамотности от 0 к возрастным группам 16–19 лет (у женщин, а также обоих полов вместе) и 20–24 года (у мужчин), далее коэффициент грамотности начинает снижаться и достигает минимума к возрастной группе 60+ лет. Возраст 42 чел. не указан, 12 из них записаны как грамотные [11]. Наиболее многочисленной являлась возрастная группа 0–7 лет как среди мужчин, так и среди женщин. Женщины составляли большинство во всех возрастных группах (54,78% от всего населения уезда). Наибольший дисбаланс полов наблюдался в возрастной группе 30–39 лет. Доля мужчин в этой группе составляла 41,46% [12].

Таблица 4

Грамотность населения Сысольского уезда 1926 г.

Волости	Всего грамотных	Доля грамотных	Неграмотные	Доля неграмотных	Грамотность не указана	Всего
Усть-Сысольск	3763	74,51%	1282	25,39%	5	5050
Кажим	606	60,60%	376	37,60%	18	1000
Нювчим	416	57,78%	304	42,22%	–	720
Кодзвильская волость	2638	56,79%	2000	43,06%	7	4645
Вильгортская волость	1584	54,58%	1314	45,28%	4	2902
Ужгинская волость	615	50,83%	572	47,27%	23	1210
Лоемская волость	1806	49,93%	1000	27,65%	811	3617
Визингская волость	2008	45,45%	2410	54,55%	–	4418
Ибская волость	1924	45,08%	2339	54,80%	5	4268
Зеленецкая волость	1336	44,44%	1642	54,62%	28	3006
Объячевская волость	1572	44,42%	1957	55,30%	10	3539
Палаузская волость	598	44,07%	759	55,93%	–	1357
Койгородская волость	1117	43,79%	1340	52,53%	94	2551
Межадорская волость	808	43,07%	1062	56,61%	6	1876
Чернышская волость	481	42,72%	645	57,28%	–	1126
Пыелдинская волость	996	42,69%	1337	57,31%	–	2333
Пажгинская волость	1668	41,95%	2308	58,05%	–	3976
Гривенская волость	560	41,06%	412	30,21%	392	1364
Слободская волость	643	40,96%	683	43,50%	244	1570
Чухломская волость	630	40,41%	929	59,59%	–	1559
Ношкульская волость	1430	39,52%	2188	60,48%	–	3618
Спаспорубская волость	1517	39,46%	1952	50,78%	375	3844
Читальская волость	597	38,24%	964	61,76%	–	1561
Шошгинская волость	634	35,28%	1160	64,55%	3	1797
Киберская волость	1255	34,57%	1969	54,24%	406	3630
Вотчинская волость	886	33,02%	1790	66,72%	7	2683
Верхолузская волость	522	32,71%	999	62,59%	75	1596
Летская волость	872	32,55%	1716	64,05%	91	2679

Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84.

Таблица 5

Уровень грамотности Сысольского уезда по полу и возрасту в 1926 г.

Пол \ Возраст, лет	Все возрасты	Возраст, лет									
		0–7	8–11	12–15	16–19	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60+
Всего мужчин	33152	7947	2695	3567	2803	2700	2299	3465	2974	2432	2245
в т.ч. грамотных	19507	352	2276	3134	2547	2526	2094	2930	2017	1034	588
% грамотных	58,84%	4,43%	84,45%	87,86%	90,87%	93,56%	91,08%	84,56%	67,82%	42,52%	26,19%
Всего женщин	40156	8185	2791	4007	3457	3471	3024	4892	3974	3147	3191

Возраст, лет Пол	Все возрасты	0–7	8–11	12–15	16–19	20–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60+
в т.ч. грамотных	14014	231	1905	2816	2601	2394	1542	1643	560	200	119
% грамотных	34,9%	2,82%	68,26%	70,28%	75,24%	68,97%	50,99%	33,59%	14,09%	6,36%	3,73%
Оба пола	73308	16132	5486	7574	6260	6171	5323	8357	6948	5579	5436
В т.ч. грамотных	33521	583	4181	5950	5148	4920	3636	4573	2577	1234	707
% грамотных	45,73%	3,61%	76,21%	78,56%	82,24%	79,73%	68,31%	54,72%	37,09%	22,12%	13,01%

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 427. Л. 1.

В табл. 6 приведены показатели грамотности Сысольского уезда, Коми автономной области и СССР среди всего населения от 9 до 49 лет. Анализируя показатели, стоит отметить, что уровень грамотности мужчин Сысольского уезда в 1920 г. был выше аналогичного показателя по СССР в 1,21 раза, а в 1926 г. – выше в 1,2 раза. Уровень грамотности женщин в 1920 г. был незначительно ниже, чем в СССР, а в 1926 г. – выше в 1,22 раза. Соответственно, общий уровень грамотности населения от 9 до 48 лет в Сысольском уезде был незначительно выше в 1920 г. и в 1,18 раза выше в 1926 г., по сравнению с уровнем грамотности населения СССР. Таким образом, высокий (относительно показателя СССР) показатель грамотности Сысольского уезда можно связать с высоким процентом грамотности мужчин.

Таблица 6

Уровень грамотности населения в возрасте от 9 до 49 лет

Пол	1920 г.			1926 г.		
	Сысольский уезд	Коми АО	СССР	Сысольский уезд	Коми АО	СССР
Мужчины	69,47%	66,68%	57,40%	86,03%	79,30%	71,50%
Женщины	31,22%	28,32%	32,20%	52,36%	41,40%	42,70%
Всего	46,84%	43,86%	44%	67,27%	58,20%	56,60%

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 346. Л. 1; Д. 427. Л. 1; Д. 350. Л. 1–7; Д. 351. Л. 1–7.

В обеих переписях грамотным считался человек, который умел читать. При переписи 1926 г. также надо было уметь написать свою фамилию. В табл. 7 отображена статистика грамотности населения по уездам Коми автономной области в 1920–1926 гг. Как видно, уровень грамотности всех уездов значительно вырос: Сысольского – в 1,44 раза, Усть-Куломского – в 1,49 раза, Усть-Вымского – в 1,28 раза, Ижмо-Печорского – в 1,29 раза, Области – в 1,33 раза. Сысольскому уезду принадлежит наиболее высокий процент грамотного населения в 1926 г. – 45,73%. Этот факт объясняется несколькими причинами. В Сысольском уезде располагался город Усть-Сысольск, заводские поселки Кажим и Ньючим, как показано в табл. 4, – лидеры по проценту грамотного населения в уезде. В Сысольском уезде располагалось 100 школ (наибольшее количество среди уездов Коми области), две центральные библиотеки и 25 библиотек при избах-читальнях [13].

Таблица 6

Уровень грамотности населения в возрасте от 9 до 49 лет

Пол	1920 г.			1926 г.		
	Сысольский уезд	Коми АО	СССР	Сысольский уезд	Коми АО	СССР
Мужчин	69,47%	66,68%	57,40%	86,03%	79,30%	71,50%
Женщин	31,22%	28,32%	32,20%	52,36%	41,40%	42,70%
Всего	46,84%	43,86%	44%	67,27%	58,20%	56,60%

Составлено и подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 346. Л. 1; Д. 427. Л. 1; Д. 350. Л. 1–7; Д. 351. Л. 1–7.

Таким образом, материалы переписей населения 1920 и 1926 гг. дают возможность составить половозрастную характеристику уровня грамотности населения Сысольского уезда. По данным переписи 1920 г. в Сысольском уезде из 83 402 грамотными были 26 460 чел. (31,73%), в 1926 г. из 73 308 чел. – 33 521 (45,73%). Уровень грамотности вырос в 1,44 раза. И если в 1920 г. Сысольский уезд находился на втором месте среди уездов Коми области по проценту грамотного населения, то в 1926 г. – на первом. Следует отметить, что

в 1920 г. как среди мужчин, так и среди женщин наибольший процент грамотных был зафиксирован в возрастной группе 12–15 лет. В 1926 г. среди мужчин наиболее высокий процент грамотного населения был в группе 20–24 года, среди женщин – в группе 16–19 лет. Как в 1920 г., так и в 1926 г. наиболее многочисленной являлась возрастная группа 0–7 лет среди мужчин и среди женщин. Женщины составляли большинство во всех возрастных группах (56,6% от всего населения в 1920 г. и 54,78% – в 1926 г.). За шесть лет, прошедших с 1920 г., диспропорция полов незначительно, но сгладилась. После окончания Гражданской войны волна мобилизации увеличила долю мужского населения. В возрастной пирамиде очень высока была доля детей и юношей до 18 лет, высокая рождаемость обеспечивала чрезвычайную «молодость» населения Сысольского уезда и Коми области в целом. Столь высокий удельный вес возрастных групп от 0 до 18 лет и сравнительно небольшая доля групп от 50 лет и выше свидетельствуют о том, что в 1920-е гг. в Коми существовала структура населения, типичная для общества с преобладанием традиционного типа воспроизводства населения, для которого были характерны высокая рождаемость и высокая смертность [14].

Одним из важнейших факторов роста уровня грамотности всей области являлась реализация программы ликвидации безграмотности. В 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Программа ликвидации безграмотности работала с переменным успехом. В 1922–1923 учебном году в области работало всего 25 школ ликвидации безграмотности, однако, в 1925–1926 учебном году – 137 ликвидационных пунктов и школ взрослых, в которых обучалось более 5 тыс. чел. Большое число неграмотных было на индивидуальном обучении [15].

Уровень грамотности населения, его развитие зависят от множества факторов. Основными факторами, влиявшими на уровень грамотности Сысольского уезда и Коми автономной области в целом, можно назвать огромную территорию, малую плотность населения, разбросанность поселений, отдаленность школ, низкий уровень зажиточности населения, суровые климатические условия, в особенности на севере области. Таким образом, на уровень грамотности области влиял комплекс географических, социально-демографических и социально-экономических факторов.

Источники и литература

1. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 2; *Жеребцов И.Л.* Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV – начало XX века). Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1993; *Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
2. *Воробьев Н.Я.* Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. (Краткий обзор организации и производства). М.: Союзоргучет, 1938. С. 10–16.
3. Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 346. Л. 1; Д. 350. Л. 1–7; Д. 351. Л. 1–7.
4. Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 346. Л. 1; Д. 350. Л. 1–7; Д. 351. Л. 1–7.
5. Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 346. Л. 1; Д. 350. Л. 1–7; Д. 351. Л. 1–7.
6. *Воробьев Н.Я.* Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М.: Союзоргучет, 1938. С. 30–31.
7. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар. 1996. С. 116–124. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 61); От перво-бытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014.
8. Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 413. Л. 1–84; Д. 439. Л. 1–84; Д. 427. Л. 1.
9. *Воробьев Н.Я.* Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. М.: Союзоргучет, 1938. С. 31.
10. *Таскаев А.М.* Уровень грамотности населения в Сысольском уезде Коми Автономной области по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. // Социокультурные аспекты развития северных территорий (Республика Коми. История и современность). Сыктывкар. 2015. С. 63–67.
11. Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 427. Л. 1.
12. Подсчитано по: НАРК. Ф. 140. Оп. 1. Д. 427. Л. 1.
13. *Таскаев А.М.* Школы и библиотеки Коми Автономной области, их влияние на уровень грамотности населения по данным всесоюзной переписи 1926 г. // STUDIA JUVENALIA: Сборник статей молодых ученых ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2015. С. 50.
14. *Безносова Н.П.* Возрастно-половая структура населения Коми Автономной области (АССР) в 1920–1930-е годы // Историческая демография. 2013. № 1 (11). С. 46; Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006; Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005.
15. *Безносинов Я.Н.* Культурная революция в Коми АССР. М.: Наука, 1968. С. 58.

Н.П. Безносова*

**Итоги переписи населения 1939 г. по Коми АССР:
численность и социально-демографическая структура населения****

В статье на основании имеющихся публикаций и впервые вводимых в научный оборот архивных документов анализируются итоги переписи населения 1939 г. в Коми АССР по таким демографическим параметрам, как численность населения и его размещение на территории республики, показаны изменения в возрастном, половом и национальном составе, в уровне грамотности и образования населения со времени проведения переписи 1926 г.

Ключевые слова: перепись населения 1939 г., Республика Коми (Коми АССР), численность и структура населения

N.P. Beznosova

**Komi Results of Census 1939 ASSR:
population size and structure, level of education**

In the article on the basis of available publications and for the first time introduced into scientific circulation of archival documents analyzed in Komi results of census 1939 ASSR on demographic parameters such as population size and its location in the country, shows the changes in the age, sex and national structure, in the level of literacy and education since the 1926 census.

Key words: census, 1939, the Republic of Komi, the size and structure of the population

Изучению переписей населения советского периода в Коми, а также анализу их документов в научной литературе уделялось достаточное внимание [1–9]. Однако отдельной работы, посвященной переписи 1939 г., до настоящего времени не опубликовано. В предлагаемой работе делается попытка на основании уже имеющихся публикаций и впервые вводимых в научный оборот архивных документов обобщить и проанализировать итоги переписи по таким демографическим параметрам, как численность населения и его размещение на территории республики. Не менее важно было показать изменения в его возрастном, половом и национальном составе, в уровне грамотности и образования со времени проведения переписи населения 1926 г.

Переписи населения проводятся периодически, примерно через равные интервалы времени, как правило, через десять лет, чтобы иметь динамику демографических показателей, которые невозможно собрать при текущем статистическом учете. Однако в 1930-е гг. в СССР были проведены две Всесоюзные переписи населения с интервалом в два года – в 1937 и 1939 гг. Случилось это по причине неудовлетворительного, с точки зрения сталинского руководства, проведения переписи 1937 г., документы которой были признаны «дефективными», аннулированы и строго засекречены. Разработчики и организаторы переписи объявлены «врагами народа», «троцкистско-бухаринскими шпионами» и подверглись репрессиям. Правительство страны приняло решение о проведении новой переписи, которая состоялась в январе 1939 г. При анализе документов переписей 1930-х гг. крайне важно учитывать общественно-политическую атмосферу в стране. В условиях тоталитарного режима переписи должны были служить и служили подтверждением идеологических и политических постулатов, выдвигаемых руководством страны, поэтому их итоги предопределялись заранее. Так, в качестве целевой установки перед организаторами переписи 1939 г. была поставлена задача – языком цифр подтвердить «невиданную в истории человечества социалистическую перестройку страны, дать всестороннюю характеристику населения социалистического государства рабочих и крестьян, отобразить расцвет

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, nbeznosova@mail.ru.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

культуры народов СССР, отразить великие победы социализма и показать трудящимся всего мира в достоверных цифрах отражение счастливой, зажиточной и культурной жизни свободного советского народа» [10]. Поскольку, по мнению руководителей государства, основной дефект переписи 1937 г. состоял в недоучете населения, а рост населения рассматривался ими как один из важных показателей достижений социализма, то новая перепись должна была как можно точнее зафиксировать население и исключить всякий его недоучет. Была развернута массовая пропаганда под лозунгом «Не пропустить ни одного человека!» Впервые в практике советского переписного дела вводилось уголовное наказание за уклонение от переписи. В рамках общей переписи были проведены две спецпереписи: Наркоматом внутренних дел был переписан спецконтингент (заключенные, охрана мест заключения, сотрудники аппарата НКВД), Наркоматом обороны – военнослужащие Красной Армии. Результаты обеих переписей были приплюсованы к общим итогам.

Руководство подготовкой и проведение переписи в Коми осуществляли Управление народно-хозяйственного учета при Госплане Коми АССР и специально созданное при нем Бюро переписи населения. Подготовительная работа была выполнена в кратчайшие сроки (чуть более года). Основная перепись проходила в три этапа. Она началась 12 января с предварительного обхода счетчиками своих участков. 17 января началась собственно перепись, которая продолжалась семь дней в городской и десять дней в сельской местности. Рабочими языками переписи на территории Коми АССР были русский и коми, поэтому переписные бланки и инструкции по их заполнению были отпечатаны на двух языках. По окончании переписи в течение 10 дней был осуществлен сплошной контрольный обход населения, в процессе которого выявлено 661 неучтенных граждан (0,2% населения) [11]. В отдаленных и труднодоступных районах Крайнего Севера, куда вошли 136 населенных пунктов Троицко-Печорского, Усть-Усинского, Ижемского, Усть-Цилемского, Удорского районов, перепись прошла с 20 декабря 1938 г. по 31 января 1939 г. В поездах дальнего следования она не проводилась, так как протяженность железнодорожной линии на территории республики в то время составляла только 30 км [12].

Итоги переписи 1939 г. были одобрены руководством страны. Материалы ее в общих итогах по СССР опубликованы в центральной прессе в 1940 г. Краткие сведения о численности населения Коми АССР в целом, отдельно по городскому и сельскому населению, о численности коми, проживающих на территории СССР, были напечатаны в газете «За новый Север» от 4 мая и 3 июня 1940 г. Однако полностью материалы переписи изданы не были. Специальным письмом ЦУНХУ от 2 июня 1939 г. публикация переписи сверх уже обнародованных кратких итогов строго запрещалась. Чуть позже общую информацию о численности населения было разрешено предоставлять для служебного пользования партийным, советским и плановым органам. Некоторые данные об образовании, занятиях населения, состоянии в браке были использованы в сравнительных таблицах при публикации итогов переписи 1959 г., но, как правило, они приводились в относительных выражениях (в расчете на 1000 чел. населения). Таким образом, при диаметрально противоположных оценках правительством переписей 1937 и 1939 гг., их материалы постигла одна участь: первая – полностью, вторая – в основном не были доступны для общества и исследователей. Только в 1992 г. в издательстве «Наука» под редакцией академика Ю.А. Полякова опубликованы хранившиеся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) основные итоги переписи 1939 г. по СССР [13], а в 1999 г. совместно с Институтом российской истории РАН и РГАЭ – итоги по РСФСР [14]. В Национальном архиве Республики Коми в фонде Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми (Ф.Р. – 140) сохранились три тома с разработками переписи 1939 г., подготовленные специалистами УНХУ Коми АССР. В первом томе население сгруппировано по национальному составу, грамотности и образованию, общественным группам, занятости по отраслям народного хозяйства; во втором – по образованию, грамотности и числу учащихся; в третьем – по общественным группам и занятиям, по производствам и отраслям народного хозяйства. Имеется также дополнительный том со списками населенных мест и указанием численности населения в них.

На момент проведения переписи в январе 1939 г. территория Коми АССР составляла 383,3 тыс. кв. км. По предварительным данным в трех городских поселениях и 12 административных районах проживали 319,0 тыс. чел. В течение 1939 г. в административно-территориальном устройстве республики произошел ряд изменений. Появились три новых района – Железнодорожный, Корткеросский, Ухтинский, то есть вместо 12 районов их стало 15. Общая численность населения после преобразований осталась неизменной. Пересчет коснулся отдельных административных районов: за счет разукрупнения уменьшилось население Ижемского, Сторожевского, Сыктывдинского и Усть-Вымского районов. Кроме того, в Ижемском районе осталось только сельское население, так как рабочий поселок Чибью вошел в состав вновь образованного Ухтинского района (с 14 июля 1939 г. Чибью приобрел свое современное название – Ухта). При окончательной обработке материалов переписи население Коми АССР распределилось следующим образом (табл.1).

**Численность и распределение населения Коми АССР в 1939 г., чел.
(окончательные итоги переписи 1939 г.)**

Административные районы	Число сельских советов	Число сельских населенных пунктов	Мужчины	Женщины	Оба пола
Сыктывкарский горсовет	2	4	14072	15643	29715
г. Сыктывкар	–	–	12158	13127	25285
Кочпонский сельсовет	1	3	756	812	1568
Тентюковский сельсовет	1	1	1158	1704	2862
Районы:					
Железнодорожный	6	91	8277	7000	15277
Ижемский	12	77	11624	12611	24235
Корткеросский	8	24	6088	6313	12401
Летский	7	234	6624	7548	14172
Прилузский	8	160	9170	10486	19658
Сторожевский	10	59	8103	9372	17475
Сыктывдинский	12	214	12552	14202	26754
В т. ч. рабочий пос. Ньючим	–	–	608	601	1209
Сысольский	15	327	13743	16186	29929
Троицко-Печорский	6	103	4106	4453	8559
Удорский	10	77	6765	8295	15060
Усть-Вымский	10	117	13856	11617	25473
Усть-Куломский	14	113	15449	18200	33646
Усть-Усинский	13	125	11130	9884	21014
Усть-Цилемский	9	126	7823	8678	16501
Ухтинский	4	37	5094	3608	8702
В т. ч. рабочий пос. Чибью	–	–	1731	938	2669
Все население Коми АССР	146	1888	154873	164096	318969
В т. ч. городское население			14497	14666	29163
сельское население			140376	149430	289806

Источник: Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми» (далее – НАРК). Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 990. Л. 1–71.

Документы переписи 1939 г. свидетельствуют о значительных изменениях в численности и демографической структуре населения Коми. Начавшиеся в 1930-е гг. промышленное и транспортное строительство и освоение богатейших природных ресурсов республики были сопряжены с необходимостью привлечения рабочей силы извне. В районы экстенсивного развития производительных сил направлялись, в том числе и принудительно, огромные массы трудоспособного населения. Исследователи отмечают, что традиционно сложившаяся структура, при которой увеличение населения происходило за счет естественного прироста, была нарушена и сложилась новая система формирования населения, когда наряду с естественным приростом значительную роль стал играть миграционный прирост [15].

За межпереписной период с 1926 по 1939 г. население Коми увеличилось на 141,8%. Городское население, которое росло опережающими темпами, умножилось в 4,3 раза (с 6,8 тыс. в 1926 г. до 29,2 тыс. чел. в 1939 г.). При этом республика оставалась территорией с низким уровнем урбанизированности – доля горожан в составе населения составляла только 9,2%. К городским поселениям относились город Сыктывкар (25,3 тыс. чел.) и два рабочих поселка – Ньючим (1,2 тыс.) и Чибью (2,7 тыс.). В сельских районах проживало 289,8 тыс. чел. (90,8% населения). В состав административных районов входило 146 сельских советов, 1888 сельских населенных пунктов, а также 3185 отдельно стоящих жилых строений. По спискам домовладений числилось 21 829 хозяйств. С 1926 г. сельское население увеличилось на 134,8%. Самые высокие показатели прироста наблюдались в Усть-Усинском (311,7%) и Троицко-Печорском (272,3%) районах, самые низкие – в Сыктывдинском (113%) и Прилузском (117%) [16]. В. Жиромская отмечает, что в 1930-е гг. значительный рост сельского населения зафиксирован лишь в некоторых областях России, особенно в тех, где были расположены места заключения и спецпоселки, поскольку большая часть спецпереселенцев и заключенных размещалась в сельской местности [17]. Коми АССР входила в число таких территорий. С 1929 г. сюда в массовом

порядке начали прибывать из различных регионов страны крестьяне, раскулаченные в ходе коллективизации, лица осужденные за «контрреволюционную деятельность» и уголовные преступления. Возникает сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа, в девяти районах появляются спецпоселения, которые в Коми назывались трудовыми или лесными поселками. В конце 1930-х гг. их насчитывалось 36 [18]. В 1939 г. спецпереселенцы, в отличие от 1937 г., когда они были переписаны органами НКВД, прошли перепись на общих основаниях и были включены в официальные итоги вместе с коренным населением. Спецперепись по линии НКВД Коми АССР в 1939 г. прошли 131,9 тыс. чел., из них мужчины – 85,9%, женщины – 14,1%. Из общего числа переписанных контингент «А» (личный состав НКВД и чекистских управлений, лагерей, колоний, тюрем, погранвойск, спецпоселков) составлял 240 чел., контингент «Б» (стоящий на казарменном положении штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, тюрем, колоний, спецпоселков, военизированная пожарная охрана) и контингент «В» (заключенные) – 126 448 тыс. чел., гражданское население, охваченное спецпереписью – 5242 чел. (табл. 2). Таким образом, по нашей оценке, с учетом общегражданской и спецпереписи НКВД, скорректированная суммарная численность населения Коми АССР увеличилась с 1926 г. в два раза и составила в 1939 г. 450,9 тыс. чел., то есть превысила официальные итоги переписи на 41,3%.

Таблица 2

Из справки о численности контингентов, прошедших перепись по линии НКВД по состоянию на 21 февраля 1939 г.

Наименование НКВД	Всего переписано				В том числе контингент А)*			В том числе переписано гражданского населения
	Муж.	Жен.	Оба пола	Из них 18 лет и старше	Муж.	Жен.	Оба пола	
.....								
НКВД Коми АССР	113 283	18 647	131 930	121 658	212	58	240	5 242

*Контингент «А» – личный состав оперативно-чекистских управлений и отделов НКВД, весь состав (постоянный и перемный) пограничных и внутренних войск.

Источник: *Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги / Составители Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев. М.: Наука, 1992. С. 229.*

Выяснить точное число заключенных и спецпереселенцев – задача на сегодняшний день чрезвычайно трудная. Речь может идти только о единовременном учете на конкретный момент времени. В. Земсков приводит следующую цифру численности заключенных лагерей на территории Коми на 1 января 1939 г. – 112,6 тыс. чел. (из них в Севжелдорлаге – 29,4 тыс., Ухтижемлаге – 27,0 тыс., Локчимлаге – 26,2 тыс., Воркутлаге – 17,9 тыс., Устьвымлаге – 12,0 тыс.) [19]. По его же данным на 1 января 1939 г. численность населения трудпоселков в Коми составляла 19,0 тыс. чел. [20].

Сравнительный анализ переписей 1926 и 1939 гг. показывает, что значительные изменения претерпели возрастная и половая структуры населения. Гендерный дисбаланс в пользу женщин, сложившийся в Коми по окончании Первой мировой и гражданских войн к концу 1930-х гг., сгладился. В 1939 г. в целом по республике на каждые 100 мужчин приходилось 106 женщин (в городе – 101, в селе – 106), в то время как в 1926 г. – соответственно 119, 107, 120. За 1926–1939 гг. женское население выросло на 134,1%, мужское – на 150,9%. В 1939 г. женщины составляли 51,4% населения, мужчины – 48,6%, а с учетом спецпереписи доля мужчин поднималась до 59,6% [21]. Женщины преобладали почти во всех административных районах, более других – в Удорском (55,1%). Однако в районах нового транспортного и промышленного строительства и расположения исправительно-трудовых лагерей доминировали мужчины. Мужское население преобладало в Железнодорожном, Усть-Вымском и Усть-Усинском, более других – в Ухтинском районе (58,5%) и в рабочем поселке Чибью (64,9%). Причем наибольшая диспропорция в пользу мужчин фиксировалась в трудоспособном возрасте [22].

Преобладание мужчин в возрастных группах трудоспособного населения стало характерной чертой демографического развития республики конца 1930-х гг. (табл. 3). В 1939 г. на 100 мужчин в возрасте 25–29 лет приходилось 87 женщин-ровесниц (в городе – 82, в селе – 87), в возрасте 30–34 лет – 93 (в городе – 89, в селе – 93), тогда как в 1926 г. в этих возрастах большинство составляли женщины. Численный перевес женщин был характерен для младших (до 20 лет) и старших возрастных групп. Особенно заметным дисбаланс становится после 55 лет. Так, в возрастной когорте 55–59 лет соотношение мужчин и женщин было 100:157 (в городе – 100:134, в селе – 100:159), от 60 лет и старше – 100:153 (в городе – 100:211, в селе – 100:151) (табл. 4).

Структура населения Коми АССР по возрасту и полу в 1939 г.

Возраст	Год рождения	Всего, чел.	В % к итогу			Число женщин на 100 мужчин
			Оба пола	Мужчины	Женщины	
Всё население		318 996	100,0	100,0	100,0	106
0–4	1935–1939	41 668	13,0	13,4	12,7	100
5–9	1930–1934	36 672	11,5	11,5	11,4	104
10–14	1925–1929	38 811	12,1	12,3	12,0	102
15–19	1920–1924	27 355	8,6	8,6	8,5	105
20–24	1915–1919	25 982	8,2	8,4	7,9	100
25–29	1910–1914	31 138	9,8	10,9	8,8	87
30–34	1905–1909	23 983	7,6	8,1	7,0	93
35–39	1900–1904	20 962	6,6	6,7	6,5	102
40–44	1895–1899	14 745	4,6	4,5	4,8	114
45–49	1890–1894	12 932	4,0	3,8	4,3	121
50–54	1885–1889	10 924	3,4	3,3	3,6	116
55–59	1880–1884	10 822	3,4	2,7	4,0	157
60 лет и старше	1879 и раньше	22 970	7,2	5,8	8,5	153

Источник: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 987. Л. 1–3.

Таблица 4

**Состав городского и сельского населения
Коми АССР по возрасту и полу в 1939 г.**

Возраст, лет	В % к итогу		Число женщин на 100 мужчин	
	Город	Село	Город	Село
Все население	100,0	100,0	101	106
0–4	10,5	13,3	103	100
5–9	7,6	11,9	106	104
10–14	8,9	12,5	106	102
15–19	15,8	7,8	101	106
20–24	12,4	7,7	110	99
25–29	13,1	9,5	82	87
30–34	8,9	7,4	89	93
35–39	7,0	6,5	100	102
40–44	4,6	4,6	96	116
45–49	3,6	4,1	88	124
50–54	2,6	3,5	94	118
55–59	1,8	3,6	134	159
60 лет и старше	3,2	7,6	211	151

Источник: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 987. Л. 1–2, 6–7.

Возрастные структуры городского и сельского населения имели заметные отличия. В селе больше, чем в городе, было детей и подростков до 14 лет, в городе – молодежи от 15 до 29 лет, что являлось следствием миграции сельской молодежи в город на учебу и работу. Вопросами занятости объясняется также большая в городе по сравнению с селом доля населения среднего и старшего трудоспособного возраста. Так, лица в возрастном диапазоне 30–54 лет составляли в городе 33,7%, в селе – 27,7% населения. Зато в селе был существенно выше, чем в городе удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше – соответственно 7,6 и 3,2%. Таким образом, городские поселения республики отличались повышенной долей молодежи и людей трудоспособного возраста, в то время как в сельской местности преобладали дети до 14 лет и люди старшего поколения. Надо отметить, что в целом население Коми в 1939 г. было необычайно «молодым». Достаточно сказать, что в возрастной пирамиде удельный вес детей, подростков и молодежи в возрасте до 30 лет составлял 63,2% (в 1926 г. – 64,6%) [23].

Документы переписи свидетельствуют о значительных трансформациях национальной структуры населения.

Прежде всего, это проявилось в заметном уменьшении степени этнической однородности. К концу 1930-х гг. в Коми сложилась группа наиболее многочисленных национальностей, которая оставалась неизменной до 1980-х гг. В нее входили коми, русские, украинцы, белорусы, немцы (табл. 5). Из этой группы самые низкие темпы абсолютного прироста и значительное сокращение своей доли в составе населения были у титульного этноса. Хотя он по-прежнему составлял подавляющее большинство жителей, но при увеличении своей численности за 1926–1939 гг. на 18,3%, удельный вес коми в составе населения снизился с 86,9 до 72,5%. Второй по величине национальностью были русские, которые умножили свою численность в 2,5 раза, а удельный вес поднялся с 12,6% до 22,0. Заметно выросла численность группы «другие национальности», а их доля в структуре населения составила уже 5,5% против 0,5% в 1926 г. [24].

Основной вклад в изменение этнодемографического профиля республики внесли миграции, в частности, размещение на территории республики спецпереселенцев, имевших в своем составе представителей многих наций и народностей. Степень их влияния наглядно демонстрирует пример Сторожевского и Усть-Куломского районов, где проживало значительное число спецпереселенцев. Если в 1926 г. население этих районов состояло практически только из коренного этноса, то к 1939 г. доля инонационального компонента достигла там

соответственно 11,6% и 13,2%. Неоднородный этнический состав сформировался в Усть-Вымском, Троицко-Печорском, Прилузском, Летском районах, где удельный вес русских и других национальностей превышал 30%, а в Усть-Усинском районе – 40%. Удельный вес коми снизился во всех районах, кроме Удорского, где спецпоселков не было (табл. 6).

Таблица 5

Национальный состав населения Коми АССР в 1939 г., чел.

Национальность	Городское население			Сельское население			Все население	% к итогу
	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж	Жен.		
Коми	17 975	8 307	9 668	213 326	96 324	117 002	231 301	72,5
Русские	9 478	5 069	4 409	60 748	33 834	26 914	70 226	22,0
Украинцы	828	540	288	5 182	3 611	1 571	6 010	1,9
Белорусы	303	209	94	3 020	1 791	1 229	3 323	1,1
Немцы	122	73	49	2 495	1 285	1 210	2 617	0,8
Ненцы	2	1	1	972	507	465	974	0,3
Татары	88	65	23	621	427	194	709	0,2
Марийцы	9	2	11	55	4	59	70	0,02
Другие национальности	352	230	122	3 414	2 557	857	3 766	1,2
Всего по Коми АССР	29 159	14 503	14 656	289 837	140 391	149 446	318 996	100,0

Источник: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 986. Л. 39; Ф. Р. – 605. Оп. 1. Д. 940. Л. 53.

Таблица 6

Удельный вес наиболее многочисленных национальностей Коми АССР по административным районам в 1926 и 1939 гг., %

Административные районы	1926 г.			1939 г.		
	Коми	Русские	Другие национальности	Коми	Русские	Другие национальности
Всего	86,9	12,6	0,5	72,5	22,0	5,5
г. Сыктывкар	79,9	18,7	...	67,7	28,0	4,3
Районы:						
Летский	77,6	21,7	...	68,9	28,5	2,6
Прилузский	72,9	26,9	...	65,4	29,0	5,6
Сысольский	94,4	5,5	...	82,7	12,3	5,0
Сыктывдинский	97,1	2,8	...	83,7	12,9	3,5
Сторожевский	99,7	0,3	...	88,4	8,1	3,5
Усть-Куломский	99,0	0,9	...	86,8	7,6	5,6
Усть-Вымский	89,3	10,6	...	63,4	23,4	13,2
Ижемский	97,4	2,1	0,5	76,2	19,6	4,2
Троицко-Печорский	97,3	2,6	...	66,9	30,7	2,4
Удорский	90,8	8,9	0,1	97,4	2,0	0,6
Усть-Цилемский	5,3	93,0	1,5	7,9	89,8	2,3
Усть-Усинский	89,2	1,2	9,6	59,9	30,9	9,2

Источник: НАРК. Ф. Р. – 605. Оп. 1. Д. 940. Л. 50–51; Ф. Р. – 870. Оп. 16. Д. 144. Л. 3; Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 986. Л. 1–40; Д. 991. Л. 17–21.

Основным признаком народа и определителем его этнической принадлежности является язык. В результате образования в 1921 г. Коми автономии сложились благоприятные условия для национально-культурного развития коми народа. Коми язык успешно функционировал и развивался в сфере производства и госучреждений, в системе народного образования и художественного творчества. По данным переписи 1926 г. коми были монолингвами – 99,6% этноса указали в качестве родного языка язык своей национальности. В 1939 г., несмотря на заметное снижение удельного веса коми в численности населения, доля коми с родным языком своей национальности оставалась по-прежнему очень высокой – 99,0% [25]. В силу политических и социально-психологических и режимных факторов контакты местного населения с перемещенными лицами в те годы были ограничены, а потому приток инонационального населения еще не повлек за собой активизацию межэтнических контактов на бытовом уровне, как это случилось в последующем.

Таблица 7

Распределение населения Коми АССР по родному языку в 1939 г.

Родной язык	Городское население		Сельское население		Все население
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Русский	5 987	5 199	37 068	28 648	76 897
Коми	7 864	9 140	96 093	116 921	230 018
Украинский	319	166	2 613	1 055	4 153
Белорусский	86	41	1 241	954	2 352
Немецкий	47	36	1 164	1 141	2 388
Ненецкий	1	1	50	35	87
Татарский	57	23	383	179	642
Марийский	9	2	46	4	61
Прочие	133	48	1 733	484	2 398
Всего	14 503	14 656	140 391	149 446	318 996

Источник: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 986. Л. 39.

По данным переписи 1939 г. установить точную численность коми, проживавших вне территории своего национально-государственного образования, не представляется возможным, поскольку при разработке итогов переписи коми-зыряне были объединены в один массив с коми-пермяками. Их суммарная численность в СССР составила 422,3 тыс. чел. Однако применение показателя этнической компактности проживания*, позволяет нам определить примерную численность коми-зырян в стране, равную 270,5 тыс. чел., из них в Коми АССР – 231,3 тыс., за пределами республики – 39,2 тыс. (Показатель этнической компактности проживания коми за 1926–1959 гг. практически не менялся и составлял 85–86%).

Таблица 8

Уровень образования населения Коми АССР по возрасту и полу в 1939 г., чел.

Возраст	Женщины				Мужчины			
	Высшее	Среднее	Грамотные	Неграмотные	Высшее	Среднее	Грамотные	Неграмотные
Все население	372	7 960	87 826	40 269	1 359	13 211	108 495	11 053
в том числе:								
9–12 лет	–	–	15 526	286	–	–	15 106	194
13–15	–	–	10 576	214	–	–	10 484	141
16–19	–	3 350	10 320	283	–	3 728	9 898	125
20–24	38	2 139	11 775	1 222	98	3 356	12 703	282
25–29	110	867	12 005	2 435	297	2 341	16 157	541
30–39	170	1 036	16 679	5 459	579	2 429	21 754	1 053
40–49	49	357	7 251	7 674	278	933	11 368	1 384
50 лет и старше	5	210	3 687	22 691	107	424	11 008	7 330
Возраст не указан	–	1	7	5	–	–	17	3

Источник: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Т. 9. Д. 10082. Л. 38.

Перепись показала значительный рост образовательного уровня населения. В отличие от прежних переписей в 1939 г. в переписной бланк был впервые включен вопрос не о грамотности, а об образовании, поскольку считалось, что главные задачи кампании по ликвидации неграмотности в стране были успешно решены. В 1926 г. в Коми неграмотными были почти 70% женского и 30% мужского населения в возрасте 9 лет и старше, в 1939 г. – соответственно 31,4 и 9,2. В основном это были люди старшего поколения (табл. 8). В 1939 г. общий уровень грамотности лиц в возрасте 9 лет и старше в Коми АССР был ниже медианного по РСФСР показателя (81,9%) и составил 79,3%, у женщин – 68,6, мужчин – 90,8. Из 17 автономных республик России Коми занимала по уровню грамотности шестое место (впереди были автономии Немцев Поволжья, Крыма, Карелии, Татарии, Чувашии) [26]. Возрастало количество людей, получивших профессиональное образование, как высшее, так и среднее. В 1939 г. на 1000 чел. населения Коми АССР приходилось 72 чел. с высшим и средним (полным и неполным) образованием, из них имели высшее образование – 5, среднее – 66. Данные переписи указывают на значительный разрыв в образовательном уровне городского и сельского населения, между мужчинами и женщинами, у представителей разных этносов. Так, в городе из каждой 1000 жителей высшее и среднее образование имели 246 чел., в селе – 54, среди мужчин – 94, среди женщин – 51 на 1000 чел. соответствующего пола; среди русских – 124, среди коми – 50 на 1000 чел. соответствующей национальности [27].

* Соотношение численности лиц той или иной национальности проживающих на территории своего национально-государственного образования к общей численности национальности, в данном случае – к численности коми-зырян в СССР.

Итак, результаты переписи 1939 г. свидетельствуют о существенных изменениях в численности и структуре населения Республики Коми за относительно короткий период со времени проведения переписи 1926 г. Происходившие в 1930-е гг. в СССР социально-экономические и политические события повлекли за собой глубинные изменения в демографической сфере. Коми АССР относилась к числу территорий, которых эти перемены затронули в наиболее значительной степени. Была нарушена традиционно сложившаяся структура населения, при которой увеличение численности населения происходило за счет естественного прироста, и сложилась новая система формирования населения, когда наряду с естественным значительную роль стал играть миграционный прирост. Под влиянием внешних миграций, во многом носивших насильственный характер со стороны государства, меняется вся структура населения Коми – расселенческая, этническая, возрастнополовая. При всех сложностях и относительности подсчетов значение переписи 1939 г. трудно переоценить – ее документы являются основным источником для характеристики населения конца 1930-х гг. Это была последняя предвоенная перепись, данные которой были использованы для определения людских ресурсов в Великой Отечественной войне и для оценки наших военных потерь после ее окончания.

Источники и литература

1. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. о численности и этническом составе населения Коми автономной области и численности коми-зырян в СССР // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. С. 116–124 (Тр. Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 61).
2. *Безносова Н.П.* Перепись населения 1937 года в Коми АССР: история и документы // Социально-культурные и этнодемографические вопросы истории Коми (материалы по истории Коми). Сб. статей. Сыктывкар, 1997. С. 86–102.
3. *Безносова Н.П.* Всесоюзная перепись населения 1959 г. об этническом составе населения Республики Коми // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Сб. статей. Сыктывкар, 2000. С. 285–288.
4. *Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (О чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. 204 с.
5. *Безносова Н.П.* Естественное движение населения Республики Коми в 1926–1940 гг. // Этнодемографические и этнокультурные процессы на Крайнем Севере Евразии. Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 111–125.
6. *Безносова Н.П.* Естественное движение населения Коми АССР в 1945–1959 годах // Этнодемографические процессы на севере Евразии. Сб. науч. трудов. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 71–97.
7. *Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Шабаетов Ю.П.* Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.
8. *Безносова Н.П.* Развитие сети городских поселений Республики Коми в 1926–1959 гг. // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способ осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 95–105. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 72).
9. *Безносова Н.П.* Изменение гендерной структуры населения Республики Коми в контексте социально-экономических трансформаций и войн (1920–1950-е гг.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 2(26). С. 86–92.
10. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 993. Л. 64.
11. Там же. Л. 53.
12. Там же. Д. 946. Л. 48.
13. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / Составители: *Ю.А. Поляков, В.Б. Жиромская, А.А. Исупов, И.Н. Киселев*. М., 1992. 254 с.
14. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Россия. СПб., 1999. 207 с.
15. *Фаузер В.В.* Проблемы формирования населения Республики Коми. М., 1993. С. 45.
16. Рассчитано по: НАРК. Ф. Р. – 642. Оп. 1. Д. 21. Л. 1, 15.
17. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия... Указ. соч. С. 26.
18. *Игнатова Н.М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. С. 46.
19. *Земсков В.Н.* Массовые репрессии: заключенные // Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939 гг. С. 312.
20. *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы: численность, расселение, состав // Население России в XX веке. Исторические очерки. М., 2000. Т. 1: 1900–1939 гг. С. 305.
21. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. М., 1992. С. 25, 229.
22. Рассчитано по: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 987. Л. 40–58.
23. Рассчитано по: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 987. Л. 1–7.
24. Рассчитано по: НАРК. Ф. Р. – 605. Оп. 1. Д. 940. Л. 50–51; Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 986. Л. 1–40; Д. 991. Л. 17–21.
25. НАРК. Ф. Р. – 3. Оп. 1. Д. 253. Л. 22–29 об.; Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 986. Л. 39.
26. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Основные итоги. Россия... Указ. соч. С. 82, 84, 89.
27. Рассчитано по: НАРК. Ф. Р. – 140. Оп. 2. Д. 986. Л. 31–38; Д. 10082. Л. 38.

В.Н. Бубличенко*

Беспризорность и безнадзорность несовершеннолетних на Европейском Севере России в 1940-е годы: оценка численности и состав

В статье отмечается, что в СССР и на Европейском Севере России в 1940-е гг. шли сложные социальные процессы, которые способствовали увеличению контингента беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. Они были вызваны как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими факторами, носили объективный характер. Государственные учреждения, выполняя нормативные распоряжения органов власти, стремились локализовать и ликвидировать беспризорность и безнадзорность среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, несовершеннолетние, Европейский Север России

V. N. Bublichenko

Homelessness and neglect of minors in the European North of Russia in the 1940-s: estimation of number and structure

It is noted that in the 1940s in the USSR and in the European North of Russia, in particular, complex social processes which promoted increase in the number of homeless and neglected minors took place. They were caused both by foreign and internal political factors, had objective character. Official bodies, performing the regulatory authorities' orders, tried to localize and eliminate homelessness and neglect among minors.

Key words: homelessness, neglect, minors, the European North of Russia

Одним из сложных и противоречивых периодов для Советского Союза стали 1940-е гг. В то время как первая половина десятилетия была связана с отражением фашистской агрессии, когда все силы и средства страны были мобилизованы на достижения победы над врагом, во второй половине требовалось не только вести работу по ликвидации последствий войны, но и изыскивать силы для развития государства.

Как военные, так и послевоенные годы привели к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни страны. При этом не будет преувеличением сказать, что социальные отношения подверглись наибольшему воздействию. В контексте сказанного, прежде всего, следует обратить внимание на институт семьи. В то время как взрослое население сражалось на фронтах, трудилось в тылу, обеспечивая армию и флот всем необходимым, затем восстанавливало разрушенное хозяйство, подростки оставались вне воспитательного воздействия. В связи с этим актуальной задачей отечественной науки является исследование численности и состава внесоциальной советской молодежи военного и послевоенного периода, что позволяет оценить масштабы беспризорности и безнадзорности, выявить общие тенденции и закономерности данных процессов. Это особо важно в современных условиях, когда институт семьи переживает кризис. Следует отметить, что ряд исследователей на основе новых источников проанализировал различные аспекты беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних в Советском Союзе различных временных периодов [1]. В то же время 1940-е гг. не нашли широкого освещения в исследовательской литературе.

Безусловно, перед советским руководством стояла сложная задача принятия адекватных мер по ликвидации указанных явлений, поскольку речь шла о будущем поколении страны. Отметим некоторые из них. В январе 1942 г. было принято Постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», которое предусматривало устройство несовершеннолетних и предотвращение беспризорности среди них в случае сиротства или потери родителей при переезде в другую местность. На НКВД СССР возлагались ответственность по выявлению таких подростков и размещение их в приемники-распределители, увеличив количество таких учреждений. Предусматривались и другие меры, позволяющие организовать воспитание оставшихся без родительского попечения подростков [2]. Важным этапом стала организация в 1943 г. Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ), подчинявшегося Наркомату внутренних

* **Бубличенко Владимир Николаевич** (Ухта) – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Ухтинского государственного технического университета, vbublichenko@mail.ru.

дел Советского Союза. Это была не простая структурная реорганизация. Созданное подразделение имело свои четко определенные функции и задачи, было наделено широкими полномочиями.

При анализе общей численности несовершеннолетних, которые оказались беспризорными и безнадзорными, исследователь в первую очередь сталкивается с проблемой выработки методики анализа. Связано это с тем, что решением указанной проблемы занимался ряд государственных структур. Так, в Вологодской области, кроме созданного 25 июля 1943 г. Отдела по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью, аналогичные задачи выполняли детское отделение при уголовном розыске Управления милиции и Отдел службы при нем [3]. Таким образом, объединяя различные структуры одного ведомства, в Коми АССР МВД республики привлекало к решению проблемы детской беспризорности и безнадзорности Министерство Просвещения, Управление трудовых ресурсов, партийные и комсомольские организации [4]. С одной стороны, это свидетельствует, что проблема решалась комплексно, но, с другой стороны, требовалась четкая координация между государственными учреждениями, имеющими различную ведомственную принадлежность, выполняющими различные функции. Вызывает сомнение, что это взаимодействие находилось на высоком уровне. Следствием такого положения становились противоречия в отчетных документах, относящихся к численности беспризорных и безнадзорных подростков. Кроме того, в приемниках-распределителях выявленные на улице подростки должны были находиться непродолжительное время. Затем их распределяли в другие государственные учреждения. Такое положение создавало трудности в учете, не позволяя однозначно определить их точную численность. Содержащиеся в отчетных документах данные могут быть только относительными, что несколько не ставит под сомнение их подлинность, но создает проблему правильности в оценивании. Несмотря на то, что в трудовых колониях несовершеннолетние находились дольше (как минимум, по требованиям законодательства, до трех месяцев) полностью выделить в них отдельно контингент беспризорных и безнадзорных не всегда представляется возможным, что связано со спецификой отчетной документации.

В своих оценках численности внесоциальной молодежи Советского Союза в 1940-е гг. автор предлагает исходить из следующих критериев. Во-первых, имеющаяся источниковая база является неполной, что связано с объективными обстоятельствами ее формирования. Поэтому итоговый показатель численности беспризорных и безнадзорных подростков в указанный период будет носить оценочный характер, возможно, близкий к реальному. Во-вторых, региональная компонента указанной проблемы позволяет проследить динамику изменения численности внесоциальной молодежи на протяжении как короткого времени (от месяца до квартала), так и длительного (от года до нескольких лет). В-третьих, комплекс источников по заявленной проблеме носит вполне репрезентативный характер, что позволяет выявить общие тенденции закономерности и сделать вполне обоснованные выводы.

По выявленным архивным данным, за период 1944 г. в детские трудовые воспитательные колонии Советского Союза прибыло 33 144 беспризорных и безнадзорных подростков [5]. При этом почти половина из них попали в учреждения в связи с занятием бродяжничеством. В то же время в приемники-распределители страны в первом квартале 1944 г. поступило 69 826 подростков [6]. Следовательно, в рассматриваемый период уровень детской беспризорности и безнадзорности может быть оценен примерно в 102 970 чел. В данном случае не учтены несовершеннолетние, которые не были охвачены органами государственной власти, но также находились вне семейного воспитания. Данный контингент подсчитать не представляется возможным, поскольку они не были учтены в ведомственных документах. Однако необходимо более подробно остановиться на динамике численности и составе беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в 1940-х гг., уделяя основное внимание приемникам-распределителям, что связано с тем, что именно они в первую очередь вели учет и распределение данного контингента в другие учреждения страны. Данную проблему рассмотрим на примере Европейского Севера.

Следует отметить, что к началу 1940-х гг. на указанной территории ситуация с беспризорностью и безнадзорностью стабилизировалась, контингент подростков данной категории был незначительным. Приведем динамику движения несовершеннолетних по приемникам-распределителям, расположенным в Архангельской области за 1940 г. (табл.1).

Таблица 1

*Движение несовершеннолетних по приемникам-распределителям
Архангельской области за 1940 г.*

Приемник-распределитель	I квартал		II квартал		III квартал		IV квартал	
	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло	Прибыло	Убыло
Архангельский	128	115	123	139	120	113	91	90
Котласский	35	39	68	76	42	42	50	52
Итого:	163	154	181	215	162	155	141	142

Источник: Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

Анализ данных табл. 1 свидетельствует, что численность подростков областных детприемников при расчете их среднеквартирной наполняемости составляла 162 чел., достигая своей максимальной величины во втором квартале и постепенно снижаясь к концу года до минимального уровня. Наиболее приемлемым объяснением данной закономерности могут служить природно-климатические условия Архангельской области, когда подростки для своего перемещения в весенне-летний период использовали не только железнодорожный, но и водный транспорт. Наступление зимы сокращало число детей из отдаленных от железных дорог районов, что и приводило к их сокращению в детприемниках области в четвертом квартале [7].

Война с фашистской Германией привела к значительному увеличению число детей, оставшихся без родительского попечения и попавших под влияние улицы. Специфику движения несовершеннолетних по детским приемникам-распределителям на Европейском Севере в 1943 г. рассмотрим на примере квартального движения подростков по ДПР Архангельской и Вологодской областей (табл. 2).

Таблица 2

**Квартальное движение детей по приемникам-распределителям
Архангельской и Вологодской областей в 1943 г.**

Параметр	Архангельская область				Вологодская область			
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.
Число детей на начало квартала	342	243	288	168	171	273	304	273
Всего прибыло	313	303	433	344	545	860	947	1029
Всего выбыло	402	190	677	390	443	824	978	1056
Трудоустроено	27	27	62	25	14	24	36	273
Отправлено в ДТВК	–	–	–	61	–	–	–	23

Источник: ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 5.

Табличные данные подтверждают среднегодовую тенденцию увеличения числа размещенных в областные распределительные учреждения задержанных подростков, что позволяет сделать вывод о региональном численном росте в 1943 г. беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. Лидирующее положение в данном процессе занимала Вологодская область, что может быть обусловлено ее расположением на пересечении железнодорожных транспортных путей, связывающих Москву, Ленинград, Архангельск, Коми АССР и другие районы страны. Заметим, что к концу года улучшилась работа областных детских приемников-распределителей по отправке задержанных подростков из них в другие учреждения.

Нельзя не отметить, что в 1943 г. при задержании подростков на улице территориальными органами милиции в целом по стране было выявлено 210 414 беспризорных и 280 795 безнадзорных несовершеннолетних [8]. Анализ работы в 1944 г. Органов внутренних дел Вологодской области по ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних свидетельствует о более частом задержании безнадзорных, чем беспризорных [9]. Снижение в 1945 г. в Вологодской области уровня безнадзорности приводит к уменьшению подростковой беспризорности, что, впрочем, только подтверждает взаимосвязанность данных явлений. В то же время в отдельных регионах Европейского Севера наблюдалась другая тенденция. Так, в 1944–1945 гг. в Коми АССР беспризорных несовершеннолетних было больше, чем безнадзорных, что свидетельствует о том, что в ДПР в основном попадал данный контингент подростков.

При характеристике возрастного состава несовершеннолетних, задержанных Органами внутренних дел в годы войны и переданных в приемники-распределители Европейского Севера, наибольшее число составляли лица мужского пола средней возрастной группы. Данная ситуация объяснялась половозрастными особенностями несовершеннолетних. Юноши среднего возраста легче других могли покинуть семью, попадали под влияние улицы, а затем – в приемники-распределители.

Следует отметить, что социальный состав беспризорных и безнадзорных подростков на Европейском Севере в первой половине 1940-х гг. не отличался разнообразием. Так, в начале 1943 г. в Архангельской области к внесоциальной молодежи относились как дети рабочих, так и колхозников, причем преобладание одной группы над другой зависело от экономической ситуации в каждом конкретном районе. Национальный состав подростков, помещенных в распределительные учреждения области, не отличаясь разнообразием, характеризует преобладание русскоязычного населения среди несовершеннолетних как в регионе, так и в близлежащих областях. Задержания детей карелов и финнов являлись единичными случаями [10].

Послевоенные годы не стали временем снижения численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях. Материальные и бытовые трудности многих семей, голод в 1946–1947 гг. на большей части страны привели к увеличению числа подростков, потерявших связь с родителями. По данным историка М. Зезиной, в январе 1946 г. в детских трудовых колониях страны находилось около 20% таких детей, в отдельных областях складывалась критическая ситуация. Например, в Молотовской и Вологодской областях

этот показатель достигал 70%, в Смоленской – приближался к 90% [11]. Увеличение численности несовершеннолетних в приемниках-распределителях МВД Советского Союза продолжалось до 1947 г. В июле месяце в них содержалось 41 130 чел. [12], что почти на 70% превышало их лимитную ёмкость.

Анализ динамики движения несовершеннолетних через приемники-распределители Вологодской области в период 1944–1948 гг. свидетельствует, что снижение контингента в учреждениях, имевшее место в 1945 г., носило временный характер. На протяжении двух последующих лет наблюдалась тенденция его увеличения, достигнув к 1947 г. своего максимума. В следующем году численность подростков в данных учреждениях области уменьшилась на 53%, что, очевидно, связано с изменением социально-экономической ситуации в целом по стране (табл. 3).

Таблица 3

Динамика движения несовершеннолетних по детским приемникам-распределителям НКВД – МВД Вологодской области в 1944–1948 гг.

Параметр	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	Итого
Прибыло за год	3840	3236	3521	4804	2530	17931
Убыло за год	3746	3317	3389	4644	2786	17882

Примечание: Убыль воспитанников за 1946 г. и итоговый показатель подсчитаны автором.

Источник: Архив УВД ВО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 19. Л. 180, 181. Д. 21. Л. 168. Д. 32. Л. 137.

Таким образом, как в целом по стране, так и на Европейском Севере России в 1940-е гг. шли сложные социальные процессы, которые способствовали увеличению контингента беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних. Они были вызваны как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими факторами, носили объективный характер. Государственные учреждения, выполняя нормативные распоряжения органов власти, стремились локализовать и ликвидировать беспризорность и безнадзорность среди несовершеннолетних. Несмотря на невозможность получить полные данные о численности внесоциальной молодежи в рассматриваемый период, общие тенденции вполне возможно выявить и использовать их в практической деятельности.

Источники и литература

1. Афанасова Е.Н. История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук [18.05.2007]; *Верхотурова Т.Г.* О мероприятиях советской власти по ликвидации детской беспризорности в Енисейской губернии в 1920–1930 гг. // *Власть и общество: проблемы взаимодействия и противостояния: материалы межрегиональной конференции с международным участием.* Красноярск, 2007. С. 41–49; *Войткевич И.Н.* История беспризорности в России в 20-е годы XX века // *Современные проблемы науки и образования.* 2012. № 2; *Пархоменко И.К., Кишкова Л.К.* Роль органов внутренних дел в борьбе с детской беспризорностью в предвоенные годы // *Военно-юридический журнал.* 2009. № 2, и др.
2. Дети ГУЛАГа /Сост. С.С. Виленский и др. М., 2002. С. 376–377.
3. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 23. Л. 231.
4. Там же. Д. 28. Л. 95–97.
5. Там же. Д. 17. Л. 1.
6. Там же. Д. 35. Л. 2.
7. Архив Информационного центра УВД Архангельской области (Архив ИЦ УВД АО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
8. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 1. Д. 35. Л. 44.
9. Подробнее см.: *Бубличенко В.Н.* Создание и развитие детских закрытых учреждений НКВД-МВД СССР на Европейском Севере России. Ухта: УГТУ, 2010. С. 107–108.
10. Подробнее см.: Архив ИЦ УВД АО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 1об., 2, 2об., 4, 4об., 8, 8об., 9, 9об.
11. *Зезина М.* Без семьи. Сироты послевоенной поры // *Родина.* 2001. № 9. С. 82.
12. Там же. С. 84.

Н.А. Морозов*

Воркута: социально-демографический аспект регионального развития (к 70-летию города)

В статье рассматривается процесс зарождения и становления города Воркуты с точки зрения социально-демографического развития. Обосновывается необходимость учета особенностей воспроизводства населения и трудовых ресурсов в 1931–1956 гг. На основе архивных материалов, воспоминаний воркутинцев, опубликованных материалов автор делает попытку показать процесс перехода от одного поколения воркутинцев к другим.

Ключевые слова: *региональное развитие, Печорский угольный бассейн, Воркутлаг, Речлаг, политзаключенные, демографические процессы, поколения, традиции, историко-культурный потенциал территории*

N.A. Morozov

Vorkuta: social-demographic aspect of regional development (to the 70 anniversary of the town)

The process of emergence and development of Vorkuta in terms of social-demographic development is considered. The necessity of taking into account the peculiarities of reproduction of the population and labour resources in 1931–1956 is proved. On the basis of archival materials, memoirs of Vorkuta people, published materials the author makes an attempt to show the process of transition from one generation of Vorkuta people to another.

Key words: *regional development, the Pechora coal basin, Vorkutlag, Rechlag, political prisoners, demographic processes, generations, traditions, historical and cultural potential of territory*

Региональным развитием принято называть режим функционирования региональной системы, который ориентирован на позитивную динамику параметров уровня и качества жизни населения, обеспеченную устойчивым, сбалансированным и многофакторным воспроизводством социального, хозяйственного, ресурсного и экологического потенциалов территории [1]. Такое понимание регионального развития принципиально отличает его от процессов механического роста или структурных усложнений. Например, нельзя отнести к подлинному региональному развитию одностороннее насыщение территории промышленными объектами (практика освоения Русского Севера). В данном случае (это имеет отношение и к Республике Коми) осуществлялась определенная территориальная политика Центра «как выражение предпочтения, которое власть оказывает сфере территориального размещения располагаемых средств для получения определенных эффектов как экономической, так и социальной природы» [2].

В современных региональных исследованиях принято считать, что социально-экономическая ситуация вторична по отношению к демографической ситуации, поскольку воспроизводство населения влияет на все социально-экономические процессы, прежде всего, на состав и качество трудовых ресурсов, более широко – трудового потенциала населения региона. Свою роль играет и специфическая для северных городов система расселения и размещения населения, эконом-географическое положение, место территории и населения в геополитической структуре северного (приарктического) вектора российской политики [3].

Цель этого изучения – выявление пространственных взаимосвязей не только между людьми и их деятельностью, но и между людьми и естественной или преобразованной географической средой [4].

На позитивное протекание социально-демографических процессов влияет историко-культурный потенциал, традиции, обычаи и привычки основной массы населения, тип организационной культуры, модель зрелости территориального (муниципального) управления. Заметим, что историко-культурный потенциал является основой познавательного туризма как образно-эстетический и мемориальный феномен. С этой точки

* **Морозов Николай Алексеевич** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, профессор кафедры социально-политических процессов и регионоведения Коми республиканской академии государственной службы и управления, moroz-03@rambler.ru.

зрения существенным вкладом в развитие данной проблематики являются труды отечественных и зарубежных ученых по исторической демографии [5].

За истекшие семь десятилетий существования Воркуты как города сменились несколько поколений ее населения, и на них сильно повлияли социально-бытовые и социально-культурные стандарты жизни и деятельности иных культур и субкультур, связанных с постоянными миграционными потоками. Фактически основной состав населения полностью сменялся за несколько лет, поэтому сложно говорить о традиционной, классической картине смены поколений и способов передачи историко-культурного наследия. Будем иметь в виду под категорией «постоянное население» тех людей, которые составляли техноструктуру [6] – это специалисты самого разного профиля деятельности, которые обеспечивали бесперебойную работу промышленных предприятий, транспорта и связи, жилищно-коммунального хозяйства. Даже война мало повлияла на эту страту населения Воркуты, точнее, Воркуто-Интинского экономического узла. «С демографией Воркуте очень сильно повезло. Если здесь, конечно, можно применить слово «повезло». ...Я имел в виду не столько географию и климат, сколько саму непростую историю Воркуты и неразрывно связанные с этим демографию, социальный состав населения... – Там оказалось очень много просто выдающихся людей» (Александр Сегаль) [7].

В научных публикациях региональным демографическим процессам уделяется значительное внимание (труды В.В. Фаузера, В.И. Коротаяева, Л.А. Максимовой, Е.Н. Рожкина). Социально-демографическая проблематика затрагивается также в общих трудах по истории Коми края и Европейского Севера России (И.Л. Жеребцов, Н.А. Морозов, М.В. Рогачев, Н.В. Упадышев, Г. Доброноженко, Н. Игнатова и др.). На основе значительного опубликованного статистического материала, прежде всего, переписей населения, статистических отчетов структурных подразделений объединения Воркутауголь за 1930–1950-е гг., а также огромного количества мемуарной и публицистической литературы, материалов, появившихся в средствах массовой информации (краеведческий альманах «Дым отечества») и т.д., исследователи пришли к нескольким важным выводам.

Прежде всего, дана достаточно полная характеристика основным социально-демографическим процессам в регионе (Воркута присутствует здесь фрагментарно, зато есть интересные разработки по другим территориям [8]). Во-вторых, отмечена связь демографических процессов с социально-экономическим положением (по Воркуте эта связь намечена пока в самых общих чертах, см., например, публикацию В.И. Ильина [9] о социальной стратификации Воркуты периода 1930–1950-х гг.). В-третьих, ученые настойчиво и обоснованно говорят о необходимости принятия долгосрочной демографической стратегии в отношении северных городов России, в том числе Воркуты. Отсутствует единство мнений о приоритетах этой политики, нет глубокого анализа историко-демографических аспектов этой возможной стратегии, да и в имеющейся нормативно-правовой базе историко-культурному, социально-демографическому аспекту не уделено достаточного внимания (см. Концепцию социально-экономического развития муниципального образования городского округа «Воркута» на 2010–2015 годы и на период до 2020 года, Приложение к решению Совета МО ГО «Воркута» от 30 ноября 2010 года № 551).

Проблема, которую мы попытаемся рассмотреть с учетом приведенных выше вводных замечаний, заключается в установлении на основе широкого круга источников связи различных поколений Воркуты в контексте демографической ситуации 1930–1950-х гг. Наше предположение заключается в том, что, несмотря на высокую мобильность населения и жесткую социальную стратификацию, основополагающие позитивные (и некоторые негативные) традиции российского социума продолжали сохраняться и передаваться новым поколениям городских жителей [10].

Актуальность данной проблематики прослеживается и на конечном срезе социально-демографических процессов в России. Идет оживленная дискуссия о ценности человеческой жизни, о дегуманизации современного общества, массовых политических репрессиях. На Западе оценивают прямые и косвенные демографические последствия советского эксперимента для трех поколений (включая не только погибших, но и неродившихся) в 100 миллионов человек [11].

Население Воркуты в 1931–1956 гг. Изначально население Воркуты составляли люди подневольного труда. В 1932 г. здесь насчитывалось всего около полутора тысяч заключенных Усинского отделения Ухто-Печорского ИТЛ. Фактическая рабочая сила Воркутинского отделения Ухтпечлага (с Кочмесом) в начале I квартала 1935 г. составляла 3 566 чел., в начале II квартала – 3 552, в начале III – 3 221 и в начале IV – 3 731 чел. На 1 июня 1935 г. на руднике Воркута числились 812 чел. (на 1 января – 1 747 чел.), в сельхозе Кочмес – 520 чел. (267 на 1 января).

На 1 января 1936 г. в отделении насчитывалось 3 850 чел. заключенных и вольнонаемных (с перевалочными базами в Абези и Адзьве, трудколлонной судоремонтного предприятия в Покче), в том числе на руднике Воркута – 1 747 (без буровиков), воркутинской железной дороге (ВЖД) – 601 и базе Воркута-вом – 461 чел.,

итого 2 809 чел. (78,5% от общей численности списочного состава отделения). За год из отделения убыло 2 470 чел., в том числе 1 056 освободились по окончании срока заключения, и 1 235 чел. ушли в другие подразделения лагеря, 179 чел. умерли. Прибыли этапами 2 754 заключенных, в том числе 433 чел. в июне и 848 чел. в июле 1936 г. В мае 1936 г. из-за тяжелых условий труда и быта уволились 100 чел. вольнонаемного состава* [12].

По сведениям ухтинского историка А.Н. Каневой, в 1937 г. на Воркуте было 12 122 заключенных из 58 000, находившихся в Ухтпечлаге [13]. На момент организации Воркуто-Печорского ИТЛ (1 июля 1938 г.) численность заключенных достигла 15 009 чел., на 1 января 1939 г. – 17 923 (рост на 12%), на 1 января 1940 г. – 16 509 (часть заключенных ушла на освобождение), на 1 января 1941 г. – 19 080, на 1 июля 1941 г. – 27 393 чел. (рост на 15%). В 1937 г. с началом строительства шахты № 1 «Капитальная» напротив поселка Рудник на левом, противоположном берегу реки, возникло второе шахтерское поселение – поселок Воркута. В 1938 г. открылась первая средняя школа Воркуты** [14].

За годы Великой Отечественной войны численность населения города и окрестностей выросла с 30 тыс. до 80 тыс. чел. В 1943 г. здесь, по данным В.В. Фаузера, проживали 25 000 заключенных и 7 000 вольнонаемных. Но состав работников заметно изменился за счет появления новых категорий – каторжников, мобилизованных немцев, так называемых окруженцев, бывших военнослужащих вермахта, бойцов и командиров национальных антикоммунистических формирований.

Так, на 1 января 1945 г. списочный состав Воркутлага состоял из 29 953 заключенных, 9 036 каторжан, 6 631 мобилизованных немцев, 10 223 вольнонаемных. Всего: 55 843 чел. В 1945–1947 гг. Воркутлаг достиг максимума численного состава заключенных – свыше 60 000 чел. Были построены 10 новых лаготделений (98 жилых бараков на 10 000 заключенных, 72 жилых дома – в том числе 49 кирпичных). В послевоенный период резко увеличивается количество политзаключенных, которых сосредоточили в Речлаге – особом лагере для государственных преступников. В конце 1948 г. в нем было 6 654 политзаключенных, в 1949 г. – 25 024, в 1951 г. – 35 459, в 1952 – 35 451, на 1 августа 1954 г. – 37 654 чел. [15].

Выросло и количество вольнонаемных, но главным образом за счет механических передвижений внутри Воркутинского комплекса – освобождавшихся заключенных оставляли работать на предприятиях комбината Воркутуголь. Конечно, было много мигрантов из других районов страны. Точное соотношение внутренних перемещений и внешних миграционных потоков рассчитать невозможно из-за отсутствия достаточной статистической базы.

Естественный прирост был незначительным – по нашим подсчетам, с использованием метода обратной проекции, в среднем за 1940-е гг. по 350 новорожденных от заключенных женщин и каторжанок и по 250 новорожденных от вольнонаемных женщин (подчеркнем, что значительную их часть составляли бывшие осужденные). В то же время смертность составляла по несколько тысяч человек в год. В 1949 г. численность вольнонаемного населения Воркуты достигла 40 000 чел., но лишь 29 000 из них имели гражданские права в полном объеме. Управленческая элита составляла 1 350 чел., в том числе инженерно-технических работников насчитывалось 716 чел. (из них 258 – бывшие заключенные). Вплоть до ликвидации Воркутлага сложившаяся структура населения не менялась [16].

Половозрастной состав населения Воркуты реконструировать сложно. Большую часть его составляли мужчины в трудоспособном возрасте (от 18 до 55 лет). В силу ряда причин количество женщин, отправленных в лагеря, было относительно небольшим. Согласно официальной статистике ГУЛАГА, в 1942 г. они составляли 13% списочного состава заключенных по всем ИТЛ, а в 1945 – 30%, не в последнюю очередь благодаря закону 1940 г. о запрете самовольно уходить с рабочего места, от этого в основном пострадали молодые люди. В 1948 г. женщины составляли 22%, в 1951–1952 гг. – около 17% списочного состава подневольной рабочей силы ГУЛАГа. Естественно, что в лагерях производственного или транспортного назначения их численность было ничтожно малой, их поначалу размещали в отдельных бараках мужских зон, а затем постепенно переместили в женские зоны (командировки, лагпункты) [17].

Первые воркутинские женские лагпункты были созданы при сельхозе Кочмес и кирпичном заводе, который был построен на трассе Воркутинской узкоколейной железной дороги. В августе 1935 г. женщины-заключенные выработали 3 600 штук кирпича, в сентябре – 9 600, октябре – 12 000, ноябре – 3 600 [18].

Женский лагпункт в с. Адзъва-вом осенью 1937 г. был на специальном режиме («закрытом», т.е. без права переписки), в нем разместили около ста жен ЧСИР (членов семей изменников родины) с Кавказа. Там были армянки, грузинки, лезгинки, ингушки, кабардинки – представители творческих профессий, интеллиген-

* В июне 1935 г. база Воркута-вом была передана на учет ВЖД. В сентябре 1936 г. организован инвалидный лагпункт Адак (вначале командировка).

** По сведениям П.И. Негретова, среднегодовое количество работников Воркутлага в 1938 г. составляло 16 508 чел., в том числе: вольнонаемных – 1 367, заключенных – 5 141.

ция – артистки, балерины, режиссеры, певицы* [19]. В инвалидном лагпункте Адак также с 1937 г. был дом для детей, родившихся от репрессированных матерей – первое учреждение такого рода в районе Воркуты.

С развитием Воркуто-Интинского промышленного района на 1 января 1943 г. в пяти сельхозах и трех кирпичных заводах Воркуты (сельхозы Центральный, Западный, Пригородный, Заполярный, Усинский, Победа) при списочном составе 27 793 заключенных было 1 355 женщин (0,05%). На 1 марта 1952 г. из 38 595 заключенных их было уже 3 242 (0,08%).

Интересно сравнить эти показатели с другими лагерями, расположенными в Коми АССР. Например, на 1 января 1943 г. в Интинском лагере из 6 644 заключенных было всего 427 женщин (0,06%), в Севжелдорлаге из 29 741 заключенных было 2 709 женщин (0,08%), в Устьвымлаге из 24 245 заключенных 2 104 составляли женщины (0,055%), в Ухто-Ижемском лагере насчитывалась 1 281 женщина из 22 827 заключенных (0,08%), а на 1 мая 1952 г. в этом же лагере из 32 188 заключенных было уже 4 614 женщины (около 0,2%) [20].

Численность населения Воркуты на 10 мая 1953 (подсчитано автором)

Показатели	Мужчин	Категории по труду			Женщин	Категории по труду		
		1-я	2-я	инв.		1-я	2-я	инв.
Начальствующий состав (по факту)	493	–			102	–		
Вольнонаемный состав	997	1-я	2-я	инв.	98	1-я	2-я	инв.
Заключенных	11 914	6 603	4 507	804	1 258	605	105	48
Каторжан	17 173	10 581	4 034	2 558	929	238	563	128
Итого:	29 087				На 1 июля 1952: 2 581	1 422	630	61

Как видно из таблицы, на 10 мая 1953 г. население Воркуты состояло из 29 087 чел. подневольного труда (в том числе 2 187 женщин, что составляло 0,07%) и 1 490 чел. управленческого персонала (в том числе 200 женщин, что составляло 0,13%). В 1959 г. число жителей увеличилось до 55,7 тыс. чел., из них 15 338 заключенных. Соотношение подневольных и вольнонаемных колебалось, но общая тенденция была к постепенному вытеснению труда заключенных и каторжан трудом освободившихся из заключения и мигрантов (новоселов, по определению В.В. Фаузера).

О движении рабочей силы Воркутлага свидетельствуют следующие данные. На 1 апреля 1951 г. всего насчитывалось 25 511 заключенных. Прибыло к этой дате 2 981 чел., убыло – 1 878 (1 718 на освобождение, 69 умерли, семь бежали, 84 этапированы в другие места). На 1 июля 1951 г. по списочному составу было 26 614 заключенных и 17 671 каторжанин. Из числа каторжан прибыли 26 чел., убыли 156 (трое освободились, 53 умерли, 97 ушли с этапами). Итого на 1 апреля 1951 г. – 43 182 чел., прибыло 3 007, убыло 2 051, умерли 122 чел. На 1 июля 1951 г. всего в Воркутлаге насчитывалось 44 158 чел. осужденных по всем категориям [21].

11 сентября 1951 г. начальник Речлага Кухтиков сообщал в ГУЛАГ, что в марте 1951 г. впервые по решению отдела МГБ двое освободившихся заключенных-горняков были оставлены для работы в комбинате Воркутуголь, до этого освободившихся отправляли из Воркуты в другие регионы страны. Кухтиков просил разрешения впредь оставлять всех освободившихся политзаключенных в комбинате Воркутуголь, чтобы восполнять уменьшение рабочей силы. По приказу ГУЛАГа МГБ Коми АССР 10 ноября 1951 г. распорядился оставлять всех освободившихся политзаключенных под надзор Воркутинского горотдела МГБ с закреплением в комбинате Воркутуголь. В связи с этим сообщалось, что в сентябре – IV квартале 1951 г. из Речлага ожидалось освобождение 188 чел. и в 1952 г. еще 994 чел. (в их числе осужденные за шпионаж – 111, за терроризм – 29, за диверсии – восемь и за принадлежность к правотроцкистской оппозиции – 24 чел.) [22].

3 октября 1951 г. начальник Минлага в Инте полковник Кухтиков сообщал, что в сентябре–октябре 1951 г. 137 освободившихся особо опасных государственных преступника пойдут на спецпоселение в сельхозы комбината Интауголь, вытесняя оттуда заключенных общего режима. По окончании срока заключения из Минлага в 1951 г. освобождались 381 чел., в 1952 г. ожидалось освобождение еще 1 322 чел. [23]. Всего за 1949–1951 гг. из Инты освободились более тысячи человек, их всех вывезли за пределы Коми АССР [24].

Основные демографические события: стратегия административного документирования. Прежде всего отметим, что в 1940–1950-е гг. государство приступило к поэтапной модернизации всей сферы семейно-брачных отношений. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении Ордена «Материнская слава» и медали «Материнство» менялись статус и конфигурация как семьи, так и внутрисемейных отношений. Он придавал правовое значение только зарегистрированным бракам (при этом всем лицам, вступившим в фактические брачные отношения в период с 1926 по 1944 г., предписывалось зарегистрировать брак, в противном случае брак объявлялся недействительным. Естественно, что это в первую очередь касалось бывших политзаключенных).

* Осенью 1936 г. здесь было 148 заключенных, прибывших с рудника Воркута для работы на пристани.

ченных). Ужесточалась процедура развода: было введено обязательное судебное разбирательство при разводе, с процедурой примирения в народном суде и решением дела по существу только в вышестоящей судебной инстанции; брак расторгался только в случае признания судом необходимости его прекращения; делам о разводе стала придаваться широкая огласка (публичное судопроизводство, с привлечением свидетелей, обязательная публикация в местной прессе объявлений о разводах).

Указом также запрещалось установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака, что фактически вновь вводило понятие «незаконнорожденный», ибо дети, рожденные вне брака, не могли получить фамилию отца, даже если последний давал на это согласие. Ребенку присваивалась фамилия матери, а в свидетельстве о рождении (метрике) в графе «отец» – ставился прочерк. Отметим, что это была обычная практика и в отношении детей, родившихся в местах лишения свободы.

Таким образом, вся ответственность за внебрачную близость ложилась на женщину и впоследствии на ее ребенка. Государство снимало ответственность за внебрачного ребенка с отцов и перекладывало ее на матерей и частично на себя, обязавшись выплачивать ежемесячные пособия на каждого рожденного вне брака ребенка. 10 лет спустя указами Президиума Верховного Совета СССР 1954 г. была снята уголовная ответственность за подпольный аборт, а в 1955 г. разрешен аборт по медицинским и социальным показаниям. В 1955 г. отпуск по уходу за ребенком был увеличен и составил 56 дней до и 56 дней после родов, введен оплаченный больничный лист по уходу за заболевшим ребенком и т.д., что сыграло положительную роль в демографических процессах [25].

Административное документирование на местах во исполнение решений высших органов власти и управления исходило из убеждения в том, что знание – сила, и чем больше власть знает о человеке, тем успешнее можно было им управлять (манипулировать). Именно поэтому управление Воркутинским лагерем (а затем и Речным особым № 6) вело очень обстоятельный учет осужденных через учетно-распределительные подразделения (УРЧ, УРО). Значительная информация содержалась в личных делах заключенных, а также в материалах санитарных отделов и бухгалтерий. Что касается вольнонаемных, то основными документами, на основе которых можно анализировать процессы брачности и разводимости, рождаемости и смертности, являются актовые записи.

Например, актовая запись о заключении брака в том же году включала: имя и отчество вступающих в брак, фамилию до и после брака, национальность, возраст, семейное положение до брака, какой по счету брак, род занятий и место работы. С 1951 г. появляется графа – «место рождения». В 1960-е гг. вводятся следующие показатели: сведения о детях до данного брака с указанием имени и места рождения, сведения об образовании и с какого года вступающие в брак проживают по данному адресу.

Акт о регистрации рождения образца 1946 г. содержал следующие сведения: фамилия, пол, время рождения, сколько родилось детей (живо- или мертворожденных), сколько всего детей у матери, включая рожденного, сколько из них осталось в живых, а также сведения о родителях – фамилия, имя, отчество отца и матери, их национальность, возраст, род занятий, место работы, адрес постоянного места жительства и справка врача о рождении ребенка. В графе «особые отметки» указывалось отчество ребенка в том случае, если сведения об отце отсутствовали. В 1958 г. в бланке появились дополнительные данные – отчество и место рождения ребенка, номер свидетельства о браке, где и когда данный брак был зарегистрирован.

Актовая запись регистрации смерти имела следующий вид: фамилия, имя, отчество, национальность, дата смерти, возраст, род занятий, место работы, место постоянного жительства, причины смерти, справка врача с указанием причины смерти, а также номер паспорта умершего с указанием, куда и когда сдан документ.

Таким образом, при регистрации того или иного демографического события, например, рождения ребенка, помимо фиксирования самого факта рождения собирались и другие сведения социально-демографического характера. Весь массив этой информации поступал в органы статистики для изучения и использования в деятельности органов государственной власти и управления.

Конечно, среди вольнонаемных и заключенных были и холостые, и замужние, и вдовы мужчины и женщины. Были и те, кто никогда не состоял в брачных отношениях. После освобождения они либо воссоединялись с прежней семьей, либо заводили новые семьи. Многие так и оставались незамужними и холостыми. Конечно, это сказывалось прежде всего на детях. Рассмотрим некоторые примеры. Так, на 1 июля 1951 г. в двух домах младенца Воркутлага насчитывалось 316 детей: 191 от матерей-заключенных в сельхозе Горняк и 125 от каторжанок на станции Чум. В сентябре 1951 г. 25 детей, достигших трехлетнего возраста, отправили в детдом в Сыктывкаре и 15 детей – в Курск. На 1 июля 1953 г. в доме младенца сельхоза Горняк оставалось 98 детей. Представляет интерес возрастная градация этой группы. В возрасте до 1 года было 20 детей, от 1 до 2 лет – 37, от 2 до 3 лет – 35, свыше трех лет – 6 [26]. Итак, мы можем сказать, что демографические процессы протекали как в среде вольнонаемных, так и в среде заключенных (каторжан). Эти процессы (за исключением брачности и соответственно разводимости, которые были запрещены в зонах), рождаемость

и смертность присутствовали в своем истинном виде и оказывали воздействие на воспроизводство населения через смену поколений, каждое из которых наследовало как положительные, так и некоторые отрицательные свойства своих родителей.

После рождаемости второй составляющей процесса воспроизводства населения является **смертность**, т.е. процесс вымирания поколений. Смертность – это массовый процесс, она наступает от разных причин в разных возрастных группах и зависит от различных факторов (природно-климатические, генетические, социально-экономические и др.). С точки зрения демографического анализа причин смертности наиболее важным является деление на две основные группы факторов – эндогенные и экзогенные. А. Омран подсчитал, что в 1930-е гг. вероятность умереть от инфекционных болезней у людей была в шесть раз выше, чем в 1990-е гг. Таким образом, происходит переход к современному типу смертности, который определяется, прежде всего, внутренним развитием человеческого организма [27].

Вторая зима воркутинских поселенцев 1932–1933 гг. выдалась особенно сложной. Холод, голод, цинга сделали свое дело – из 1 500 чел. в живых осталось только 54. К концу 1933 г. в поселении Рудник жили 382 вольнонаемных, а в лагерном пункте – 3 600 заключенных. Судя по актам о смерти (учтено 473 чел.), составленных работниками санотдела лагеря за 1941–1942 гг., среди причин смертности заключенных на первом месте была пеллагра – 247 умерших (52,22%), на втором – легочные заболевания – 108 чел. (22,71%), затем сердечно-сосудистые – 36 чел. (7,61%) и туберкулез легких – 35 (7,37%) [28].

«В тундру забрасывают десятки тысяч людей. Короткая осень, полярная зима. Но продовольствие не подвезли. Реки стали, инструмента и материалов, чтобы строить бараки или хотя бы копать землянки, не хватало. О лекарствах и говорить нечего. Люди гибли от недоедания, тяжелого изнурительного труда, заболеваний, которые подхватывал ослабленный организм. Многие приходили в отчаяние... Десятки тысяч людей остались в этой вечно мерзлой земле...» [29].

Многочисленные наблюдения, которые проводились в местах концентрации населения в местах лишения свободы, показали, что находящиеся там люди постоянно испытывают стрессовое состояние – как индивидуальное, так и групповое. Известный социолог Р. Пиддингтон вывел математическое правило, которое соотносит свободу человека и занимаемую им жилую площадь. Предложенная им формула гласит, что «личная свобода индивида уменьшается пропорционально корню квадратному его «жилой площади» [30]. Кстати, поэтому и приняты санитарные нормы жилой площади на одного человека (в Воркутлаге, например, 0,8 кв.м, для вольнонаемного населения – 2,0 кв.м).

Тяжелое положение и постоянная угроза смерти от беспредела уголовников и некоторых чинов лагерной администрации порождали серьезную социальную напряженность в среде заключенных. В 1936 г. из уральских политизоляторов и ссылок на Воркуту прибыли этап троцкистов и небольшая группа бывших меньшевиков и эсеров. Они отказались выходить на общие работы, требовали отделить их от уголовников, соглашались работать только по своей специальности. Дело дошло до голодной забастовки. В 1937 г. эти люди стали первыми жертвами расстрельной комиссии лейтенанта госбезопасности Кашкетина [31]. В 1938 г. геолога Петра Полевого, исследователя Воркутинских угольных месторождений, вместе с 200 других политзаключенных уничтожили члены расстрельной команды Кашкетина под Ухтой [32].

Таким образом, для первого поколения строителей и шахтеров тех лет (1931–1941 гг.) были характерны высокая пассионарность и значительный протестный потенциал. Оба фактора сыграли свою роль и в строительстве десятков угольных шахт, и в известной забастовке политзаключенных Воркуты 1936 г., и восстании 1942 г. заключенных воркутинского лагпункта Лесорейд на Печоре (восстание Ретюнина) [33].

Интересны наблюдения Григория Марковича Литинского, московского литератора, который работал администратором воркутинского театра с 1944 по 1954 г.: «8 августа 1943 г. открылся музыкально-драматический театр Воркутлага. ...Странная смесь из вольнонаемных и заключенных здесь никого не удивляет. Привыкли. Привыкли, что из зоны приводят под конвоем артиста-зэка, и вольнонаемный скрипач Миллер его подкармливает... В зале странная публика. Сидят в строгом соответствии со званием, у каждого определенное место, как в помещицкой церкви. О продвижении по службе можно судить по тому, как меняется место человека в партере».

За годы войны Воркута дала стране более пяти миллионов тонн угля. Рабочий день заключенных в сентябре 1942 г. был увеличен до 12 часов (с часовым перерывом на обед), летом 1943 г. этот порядок был распространен на все лагеря Главного управления лагерей горно-металлургической промышленности. Правда, в марте 1944 г. администрация Воркутлага вернулась к 8-часовому рабочему дню ввиду специфики горных работ*. Грубые нарушения в системе охраны труда и технике безопасности как по вине администрации, так

* Что, кстати, не помешало в 1947 г. после ухода ген. Мальцева опять продлить рабочий день заключенных до 10–12 часов в сутки. 10 июля 1954 г. в лагерях опять был введен 8-часовой рабочий день. См.: Appelbaum A. GULAG: A History. London-N.Y.: The Penguin Press, 2003. P. 193, 507.

и отчасти по вине самих заключенных приводили к тяжелым последствиям. Так, в 1945 г. на шахтах Воркуты были зафиксированы 7 124 таких происшествий, в которых погибли 137 шахтеров и 482 получили серьезные травмы. В результате только за этот год были потеряны 61 492 чел./дня [34].

Медицинская помощь пострадавшим от серьезных происшествий невольникам была совершенно недостаточной. На 1 января 1952 г. в Воркутлаге было 109 врачей: 68 вольнонаемных, 22 заключенных, 19 каторжан. Из 395 медсестер – 194 вольнонаемных, 130 заключенных, 31 каторжанка. В мае 1954 г. из 107 врачей – 80 заключенных, из 266 медсестер – 163 осужденных. Дело не только в количестве медперсонала, но и в нехватке медицинских препаратов и медтехники. В мае 1954 г. умер 21 заключенный [35].

После окончания войны огромной социальной трагедией стала беспощадная резня двух группировок заключенных – к одной принадлежало старшее поколение уголовников, к другой – то, что пришло им на смену (коллаборанты администраций мест заключения). Политзаключенные в эту вражду вовлечены не были. На Воркуте, по некоторым подсчетам, погибли в 1946–1948 гг. несколько тысяч человек. Описание этих событий на Колыме дал Вадим Туманов, но картина по всем лагерям была точно такой же [36].

Таким образом, в 1940–1950-е гг. северные города Коми АССР – Ухта, Печора, Инта, Воркута – превратились из кое-как сляпанных барачных временок в большие благоустроенные города с развитой инфраструктурой, театрами, библиотеками и музеями, художественными школами и мастерскими. Здесь были построены железные дороги и аэропорты, была устойчивая телефонная и почтовая связь и т.д. Уровню и качеству жизни вольнонаемного населения этих мест могли только завидовать жители средней полосы России – здесь были зарплаты, в 2–3 раза превышающие средние по стране, первоклассное снабжение всем необходимым, солидные бонусы и льготы за работу на Севере. Вот только построено было это благополучие на подневольном рабском труде, страданиях и жертвах двух поколений русских людей, переживших Октябрьский переворот 1917 г., социальную революцию 1920–1930-х гг.

Источники и литература

1. Некрасов Н.Н. Наука о регионах // Экономическая газета. 1967. № 25; Некрасов Н.Н. Советская система региональных исследований // Оптимальное планирование и совершенствование управления народным хозяйством. М.: Экономика, 1969. С. 157.
2. Завадский С. Основы регионального планирования. М., 1973. С.267.
3. Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 40 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 492).
4. Айзард У., Райнер Т. Региональная наука. Ход и перспективы ее развития // Региональная наука о размещении производительных сил. Новосибирск, 1968. С. 17.
5. Емельянов А.А. Методика определения историко-культурной оценки территорий исторического города // Информационные ресурсы и технологии охраны памятников. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции ИРИТОП–2002. М., 2002. С. 44–48.
6. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. М., 1983. 512 с.
7. Сегаль А. «В Воркуте должны жить», 23 июля 2010 г. // <http://komikz.ru/news/interview/?id=36>
8. Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / Коллектив авторов. Сыктывкар; Усинск, 2007. 140 с. (Б-ка демографа. Вып. 6).
9. Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты (1930–1950-е годы) // Стратификация в России: история и современность / Отв. ред. Ю.М. Раппопорт. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 1999.
10. Возобновление поколений нашей страны. М., 1978.
11. Satter D. It Was a Long Time Ago, and It Never Happened Anyway: Russia and the Communist Past, NY, Yale University Press, 2007 // <http://www.davidsatter.com>. (Последняя книга Саттера – итог его непрерывных и внимательных наблюдений за жизнью России в контексте ее политической и интеллектуальной истории. Центральное место в ней занимают тема исторической памяти и символы советского прошлого).
12. НАРК. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 319. Л. 139–140.
13. Канева А.Н. УхтПечлаг. 1929–1938 // Звенья. Истор. альманах. М.: Прогресс-Феникс-Atheneum, 1991. Вып. 1. С. 344, 349.
14. Угольная сокровищница Севера. Сб. док-тов и мат-ов / Науч. ред. А.Н. Александров. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. Приложение 3, с. 301; Appelbaum A. GULAG: A History. London-N.Y., The Penguin Press, 2003. P. 81.
15. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. М.: Звенья, 1998. С. 192, 368.
16. Серегин А. Воркутлаг // http://rechivraga.blogspot.ru/p/blog-page_13.html
17. Appelbaum A. GULAG: A History. London – N.Y., The Penguin Press, 2003. P. 307–333. См. также: Максимова Л.А. Положение женщины в лагерях ГУЛАГа // Политические репрессии в Коми и на Севере России: организаторы и жертвы: Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 28–29 октября 2005 г. Сыктывкар, 2006. С. 72–74; Маркова Е.В. Жили-были в XX веке. Сыктывкар, 2006. С. 334. (Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий «Покаяние»; прил. № 8).
18. НАРК. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 319. Л. 127.

19. Сулимов И. Эхо прожитых лет. Одесса: АстроПринт, 1997. С. 39–40; Розанов М.М. Завоеватели белых пятен // Покаяние. Т. 8, ч. 2. С. 154–155.
20. Система ИТЛ. С. 192–193.
21. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 554. Л. 26–27.
22. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 386. Л. 248.
23. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 248. Л. 250.
24. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 387. Л. 7.
25. URL: <http://menrights.mybb.ru/viewtopic.php?id=1399> (дата обращения 12.10.2013).
26. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 443. Л. 14–17, 32.
27. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
28. НАРК. Фонд архива ЗАГС. Оп. 1. Д. 2064, 20065, 20066.
29. Ясный В.К. Год рождения – девятьсот семнадцатый. М.: ИНТЭК ЛТД, 1997. С. 62.
30. Piddington R. Malinowski's theory of needs // Man and culture. London, 1957.
31. См.: Медведев Р. О Сталине и сталинизме // Знамя. 1989. № 3. С. 175.
32. Serenas A. Vorkutos mirties lageriai. Vilnius, 1998. S. 221; Samuelson L. Skolko stoit tjelovek // The Price of A Human Being. Stockholm, Rosspen, 2010. 851 s.
33. Рогачев М.Б. Усинское восстание: документы и комментарии // Покаяние: Коми республиканский мартиролог. Сыктывкар. 2005. Т. 7. С. 165–209.
34. Appelbaum A. GULAG: A History. London–N.Y., The Penguinn Press, 2003. P. 228.
35. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 443. Л. 184, 288.
36. Туманов В. Всё потерять – и вновь начать с мечты. М., 2004.

С.Н. Уваров*

Сравнительная характеристика младенческой смертности у русских, удмуртов и татар Удмуртии в конце 1950-х – 1960-е гг.**

В статье на основе неопубликованных материалов рассматриваются показатели младенческой смертности у русских, удмуртов и татар, проживавших в Удмуртии в конце 1950-х – 1960-е гг., дается их сравнительная характеристика. Делается вывод о том, что динамика младенческой смертности у всех трех этносов носила неравномерный, «скачкообразный» характер, амплитуда была заметнее. Если в конце 1950-х гг. младенческая смертность в Удмуртии была гораздо выше российской, то к концу 1960-х гг. она вплотную приблизилась к ней. Сильнее всего младенческая смертность сократилась у удмуртов, особенно – городских.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, младенческая смертность, эпидемиологический переход, русские, удмурты, татары, Удмуртия

S.N. Uvarov

Comparative characteristics of infant mortality in the Russian, Udmurt and Tatar Udmurt Republic in the late 1950 – 1960-ies

In article on the basis of unpublished materials, considers the indicators of infant mortality in the Russian, Udmurts and Tatars living in the Udmurt Republic in the late 1950s and 1960s, and their comparative characteristic is given. It is concluded that the dynamics of infant mortality in all three ethnic groups has been uneven, abrupt in nature, the amplitude was more noticeable. If at the end of the 1950s, infant mortality in the Udmurt Republic was much higher than the Russian, by the end of the 1960s, she came close to her. Especially much infant mortality has decreased the Udmurts, especially in the cities.

Key words: ethno-demographic processes, infant mortality, epidemiological transition, Russians, Udmurts, Tatars, Udmurt Republic

Одним из основных демографических показателей является младенческая смертность, от уровня которой сильно зависят воспроизводство и продолжительность жизни населения. Ее снижение служит важным свидетельством эпидемиологического перехода [1]. По уровню младенческой смертности, как и по величине продолжительности жизни, оценивают состояние здоровья и качество жизни населения, в более широком смысле – уровень экономического развития и социального благополучия общества, поскольку она крайне чутко реагирует на изменения всех социально-экономических параметров [2].

Если показатели младенческой смертности в России опубликованы в различных статистических сборниках и исследованы в многочисленных работах, как обобщающих [3], так и специальных [4], то этническая младенческая смертность пока не получила должного внимания исследователей. Можно назвать лишь ряд трудов, в которых затрагивается эта проблема [5]. В условиях недостатка этнодемографических работ на общероссийском уровне, существенное значение приобретают региональные исследования [6]. Этнодемографическое развитие Удмуртии также изучалось [7], но из-за того, что в качестве основного источника использовались переписи населения, проанализировать динамику смертности не удалось. В трудах, посвященных смертности населения Удмуртии, в том числе – младенческой, этнические аспекты не исследованы [8]. Опубликованы этнические особенности динамики смертности населения республики лишь за 2002–2006 гг. [9].

В силу слабой изученности проблемы рассмотрим показатели младенческой смертности у русских, удмуртов и татар, проживавших в Удмуртии в конце 1950-х – 1960-е гг. В статье рассматривается смертность

* Уваров Сергей Николаевич (Ижевск) – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории, социологии и политологии Ижевской государственной сельскохозяйственной академии, sergey.uvarov@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX – начале XXI века в целях сохранения полиэтнического многообразия и этнополитической стабильности» № 16-11-18005.

лишь этих этносов, поскольку по переписи 1959 г. на их долю пришлось 97,7% от всего населения, проживавшего в республике [10]. Выбор в пользу рассматриваемого периода сделан по двум причинам. Во-первых, с 1958 г. текущая статистика в СССР после долгого перерыва стала учитывать воспроизводство населения по национальностям, поэтому появилась возможность изучать особенности воспроизводства различных народов страны. Во-вторых, 1950–1960-е гг. – это наиболее длительный и успешный период спада младенческой смертности в российской истории. Если в 1950 г. из каждой тысячи родившихся по официальным данным умирало 88,4 младенца, то в 1960 г. – 36,6, а в 1970 г. – 23 [11]. По мнению исследователей, в России в начале 1950-х гг. завершился второй этап эпидемиологического перехода, а в период хрущевской оттепели были очень быстро преодолены начальные стадии третьего его этапа [12].

В Удмуртской АССР в конце 1950-х – 1960-е гг. младенческая смертность в общем была выше, чем по РСФСР в целом (табл. 1). Исключение составил лишь 1965 г., когда в Удмуртии на селе этот показатель опустился на 0,2 промилле ниже общероссийского. При этом динамика в регионе в отличие от общероссийской характеризовалась непостоянством. Если в РСФСР уровень младенческой смертности неуклонно снижался, лишь в 1967 г. незначительно повысившись в сельской местности, а годом позже – в городах, то в Удмуртской АССР снижение происходило скачкообразно. Здесь неоднократно спад сменялся подъемом, причем довольно значительным. Так, в 1960 г. смертность детей до года в городах повысилась на целых 4 промилле. В 1967 г. повышение также было, но не такое существенное. В сельской местности скачок сразу на 6 промилле произошел в 1963 г., менее значительные подъемы были в 1960, 1966, 1968 гг. С другой стороны, в рассматриваемый период в Удмуртии падение младенческой смертности неоднократно происходило резко. Так, в городах ее уровень упал на 7,1 в 1961 г., на 5,7 в 1962 г., на 3,8 в 1964 г., на 5,7 в 1970 г. В сельской местности он упал на 7,9 в 1961 г., на 5,8 в 1962 г., на 11 в 1964 г., в 1965 г. – на 5. В РСФСР падения больше чем на 3 промилле были зафиксированы лишь в 1960 г. (в городах – 3,5 и на селе – 5,6) и в 1961 г. (на селе – 3,9). Таким образом, характеризуя общую младенческую смертность в Удмуртии в рассматриваемый период, можно отметить, что ее динамика носила неравномерный, «скачкообразный» характер, амплитуда была заметнее. Если в конце 1950-х гг. младенческая смертность в Удмуртии была гораздо выше российской, то к концу 1960-х гг. она вплотную приблизилась к ней, особенно в городах.

Таблица 1

Коэффициент младенческой смертности, на 1000 родившихся*

Год	РСФСР		Удмуртская АССР							
			Всего		Русские		Удмурты		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1959	38,4	43,7	42,5	49,6	39,3	48,6	50,6	51,2	53,1	33,7
1960	34,9	38,1	46,5	50,2	44,3	49,0	46,8	51,0	68,4	35,4
1961	32,8	34,2	39,4	42,3	37,1	41,3	43,5	41,3	55,5	44,2
1962	30,4	33,7	33,7	36,5	32,0	33,2	26,2	37,1	43,8	28,1
1963	30,2	31,8	32,5	42,5	28,8	42,7	30,4	41,6	33,4	43,6
1964	28,5	28,9	28,7	31,5	27,1	29,5	28,4	30,6	40,4	40,5
1965	26,4	26,7	27,1	26,5	28,4	27,3	22,1	25,3	28,5	17,4
1966	25,1	25,9	27,0	27,5	28,3	20,2	26,4	30,3	24,4	18,8
1967	24,4	26,2	27,4	27,7	27,7	30,7	31,9	24,7	20,4	20,5
1968	24,8	26,1	25,3	29,4	26,6	28,4	23,3	28,7	26,1	20,3
1969	23,6	25,8	28,1	26,4	29,3	30,8	26,2	22,8	27,1	28,8
1970	22,1	24,5	22,4	26,1	23,9	26,9	19,6	25,1	25,1	23,0

* Коэффициент младенческой смертности у русских, удмуртов и татар, живших в городских поселениях и сельской местности УАССР, рассчитан автором по формуле Ратса. В связи с этим из таблицы «выпал» 1958 г. Использование формулы Ратса обусловлено тем, что в источниках нет сведений об умерших по количеству прожитых дней и месяцев по национальностям. Поэтому подсчитать данные о распределении умерших детей по поколениям родившихся не представлялось возможным. Коэффициенты общей смертности в РСФСР и УАССР взяты из официальных источников.

Источники: *Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. С. 86, 88; Естественное движение населения Удмуртской Республики в 1939–2015 гг. URL: http://udmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/udmstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 15.06.2016); Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 87. Л. 43–44об.; Д. 93. Л. 33–34об.; Д. 100. Л. 36–37об.; Д. 107. Л. 31–32об.; Д. 115. Л. 28–29об.; Д. 123. Л. 24–25об.; Д. 131. Л. 46–47об.; Д. 162. Л. 41–42об.; Д. 171. Л. 37–38об.; Д. 191. Л. 37–38об.; Д. 205. Л. 51–52об.; Д. 216. Л. 48–49об.*

Что касается младенческой смертности у русских, удмуртов и татар Удмуртии, то ее динамика также была неравномерной, причем у всех трех этносов. Особенно сильно она «скакала» у татар (табл. 1). Объясня-

ется это тем, что татар в Удмуртии было гораздо меньше русских и удмуртов, особенно в сельской местности. Поэтому любая несчастливая случайность в виде хотя бы нескольких преждевременных смертей существенно повышала коэффициент. Так, в 1963 г. младенческая смертность татар на селе увеличилась сразу на 15,5 промилле, хотя по сравнению с предыдущим годом умерло больше на пять малышей (табл. 2). Обратный пример: меньше всего колебаниям была подвержена динамика младенческой смертности у русских в городах, поскольку именно эта нация была самой многочисленной в республике, и именно в городах проживала большая ее часть. Тем не менее даже у городских русских в 1970 г. младенческая смертность упала на 8,6 промилле.

Таблица 2

Показатели младенческой смертности в Удмуртской АССР

Год	Число умерших в возрасте до одного года, чел.						Удельный вес в общей смертности национальности, %					
	Русские		Удмурты		Татары		Русские		Удмурты		Татары	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
1958	447	434	107	774	77	32	14,6	14,8	19,1	19,7	25,2	13,5
1959	423	458	131	757	81	27	12,8	14,6	21,8	18,6	23,5	13,4
1960	474	443	134	750	105	27	14,8	15,6	19,3	18,7	28,1	14,8
1961	402	325	132	556	87	29	11,6	11,6	17,1	14,9	21,8	17,9
1962	334	220	77	439	67	15	9,5	7,9	11	11,6	18,7	10,1
1963	282	258	81	448	49	20	7,8	10	10,3	12,3	14,2	17,7
1964	248	158	71	291	54	16	7,1	6,7	10,3	8,9	14,2	12,4
1965	235	122	55	221	34	6	6,4	5	7,7	6,6	9,9	3,6
1966	230	80	61	249	28	6	6	3,2	7,8	6,9	7,4	4,4
1967	223	114	70	185	23	6	5,5	4,6	7,8	5,1	5,6	3,8
1968	214	96	53	195	29	5	4,9	3,9	5,9	5,3	6,3	3,9
1969	247	97	65	144	30	7	5,5	3,7	6,8	3,8	6	4,2
1970	214	85	53	154	29	5	4,5	3,3	4,8	4	6,2	3,8

Источники: ЦГА УР. Ф. Р-845. Оп. 7. Д. 85. Л. 48–49об.; Д. 87. Л. 43–44об.; Д. 93. Л. 33–34об.; Д. 100. Л. 36–37об.; Д. 107. Л. 31–32об.; Д. 115. Л. 28–29об.; Д. 123. Л. 24–25об.; Д. 131. Л. 46–47об.; Д. 162. Л. 41–42об.; Д. 171. Л. 37–38об.; Д. 191. Л. 37–38об.; Д. 205. Л. 51–52об.; Д. 216. Л. 48–49об.

Если в целом в республике, как и в России, коэффициент младенческой смертности был выше в сельской местности (исключением стали 1965 и 1969 гг.), то по этносам наблюдались различия. У татар большую часть рассматриваемого периода относительная младенческая смертность в городах превышала сельскую. У удмуртов подобная ситуация существовала в 1961, 1967, 1969 гг., русских – лишь в 1965–1966 гг. (табл. 1). Кроме того, городские татары «отличились» и тем, что у них был аномально высокий удельный вес младенческой смертности в общей смертности: в 1958–1960 гг. в среднем каждый четвертый родившийся не доживал до года (табл. 2). К концу 1960-х гг. положение изменилось в лучшую сторону, но и в 1970 г. по этому показателю городские татары выделялись как самые неблагополучные. Высоким поначалу был удельный вес и у удмуртов (в среднем каждый пятый в конце 1950-х гг.), но к концу 1960-х гг. он практически сравнялся с русскими.

В течение рассматриваемого периода коэффициент младенческой смертности в Удмуртской АССР сократился в 1,9 раза. У русских в городах он сократился в 1,6 раза, на 15,4 промилле, в сельской местности снижение было большим: в 1,8 раза, на 21,7 промилле. Самое сильное падение произошло у городских удмуртов: в 2,6 раза, на 31 промилле. У сельских удмуртов оно также было значительным: в 2 раза, на 26,1 промилле. Наконец, у городских татар младенческая смертность сократилась на 28 промилле, или в 2,1 раза; у сельских татар – на 10,7 промилле, или в 1,5 раза (табл. 1).

Таким образом, материалы текущей статистики содержат подробную информацию о младенческой смертности у различных народов. Рассмотренные источники показывают, что в Удмуртии ее динамика носила более неравномерный, циклический характер, а амплитуда ее движения была заметнее. Больше всего младенческая смертность снизилась у удмуртов. Если в конце 1950-х гг. уровень младенческой смертности в Удмуртии был гораздо выше общероссийского, то к концу 1960-х гг. он вплотную приблизился к нему, особенно в городах. Остается надеяться, что материалы текущей статистики, показывающей естественное движение в разрезе национальностей, в будущем будут активнее использоваться учеными.

Источники и литература

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006. С. 257–270; Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографиче-

ских проблемах стран Запада / Под ред. Д.И. Валентя, А.П. Судоплатова. М., 1977. С. 57–91; Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М., 2005. 235 с.

2. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 60.

3. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.А. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993. 143 с.; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006. С. 279–289; Исунов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. 244 с.; Население России в XX веке. В 3-х т. М., 2000–2011.

4. Авдеев А.А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография. Сборник статей / Под ред. М.Б. Денисенко, И.А. Троицкой. М., 2008. С. 13–73; Андреев Е.М. Младенческая смертность в России // Вопросы статистики. 1995. № 5. С. 66–71; Андреев Е.М., Ксенофонтова Н.Ю. Младенческая смертность в СССР в 1979–1980 годах (результаты неизвестного исследования). URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/stati/stati01.html> (дата обращения: 11.06.2016); Жиромская В.Б. Младенческая и детская заболеваемость и смертность в России в условиях глобальных экологических изменений. URL: <http://ethno-photo.livejournal.com/13663.html> (дата обращения: 11.06.2016); Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–56.

5. Андреев Е.М., Добровольская В.М., Шабуров К.Ю. Этническая дифференциация смертности // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 43–49; Неравенство и смертность в России: коллективная монография / Под ред. В. Школьников, Е. Андреева и Т. Малевой. М., 2000. С. 48–59.

6. Баранцева Н.А. Этносциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в конце XIX – конце XX вв. Абакан, 2011. 208 с.; Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX века / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2012. 162 с.; Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005. 376 с.; Ламаханов Ц.В. Население Бурятии: этнодемографические процессы в 1960–1990 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 229 с.; Шабает Ю.П. Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005. 32 с.; Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2006. 184 с.

7. Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. Екатеринбург, 2009. 257 с.; Чернышева И.В. Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: Дис... канд. ист. наук. Ижевск, 2001. 247 с.

8. Баширова Г.А. Младенческая смертность в Удмуртской Республике в 90-е годы // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2003. № 12. С. 26–30; Ежова Н.Н., Молчанова Л.Ф. Младенческая смертность в Удмуртской Республике: ее динамика и перспективы // Формирование здоровья населения и пути оптимизации лечебно-профилактической деятельности: материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Ижевск, 2009. С. 33–36; Эволюция смертности населения Удмуртии: социально-гигиенические и исторические аспекты: монография / [Н.Н. Ежова и др.]. Ижевск, 2014. 212 с.

9. Об этнических особенностях смертности населения Удмуртской Республики в современных условиях. URL: <http://rmiac.udmmmed.ru/docs/ObEtnichOsobSmer.doc> (дата обращения: 13.06.2016).

10. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России: Удмуртская АССР. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=87 (дата обращения: 13.06.2016).

11. Население России за 100 лет (1897–1997): стат. сб. / Госкомстат России. М., 1998. С. 84–85.

12. Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М., 2005. С. 11.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 314.4-053.3(470+470.13+571)"19/201"

Л.А. Попова, Н.Н. Тараненко*

Младенческая смертность в России и Республике Коми в XX – начале XXI в.**

В статье рассматривается динамика младенческой смертности в России и Республике Коми на протяжении XX и в начале XXI в. Раскрывается эволюция структуры причин смерти на первом году жизни. Выявляются современные закономерности.

Ключевые слова: уровень младенческой смертности, структура по причинам смерти, региональные особенности

L.A. Popova, N.N. Taranenko

Infantile mortality in RUSSIA and in the Komi Republic in the 20th century and at the beginning of the 21st century

The article considers dynamics of infantile mortality in Russia and in the Komi Republic in the 20th century and at the beginning of the 21st century. The evolution of structure of causes of death on the first year of life is given. The modern regularities are considered.

Key words: level of infantile mortality, structure for causes of death, regional features

Показатель младенческой смертности, т.е. число детей, умерших в возрасте до одного года, в расчете на 1000 родившихся, наряду с показателем ожидаемой продолжительности жизни населения, признается важной характеристикой не только развития населения, но и прогресса общества в целом. Его уровень считается объективным признаком социально-экономического и культурного благополучия страны, отражающим также и состояние служб здравоохранения [1, с. 91]. За последние десятилетия в России достигнуты очень значительные успехи в снижении младенческой смертности. По сравнению с 1951 г., когда был зафиксирован максимальный послевоенный уровень смертности на первом году жизни в условиях отсутствия массового голода населения, его величина уменьшилась в России в 14,2 раза: (с 92,5 на 1000 родившихся до 6,5‰ [2]). В Республике Коми послевоенная динамика младенческой смертности была еще более впечатляющей: за 1951–2015 гг. показатель сократился в 28,8 раз (со 132,3‰ [3, с. 38] до 4,6‰ [4, с. 5]) (рис. 1).

---

* **Попова Лариса Алексеевна** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, popova@iespn.komisc.ru.; **Тараненко Наталья Николаевна** (Сыктывкар) – младший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, arphon1010@yandex.ru.

** Статья подготовлена в рамках Комплексной программы фундаментальных исследований УрО РАН, проект «Человеческий капитал северного региона: возможности расширенного воспроизводства среднего класса» (регистрационный номер 15-14-7-6).

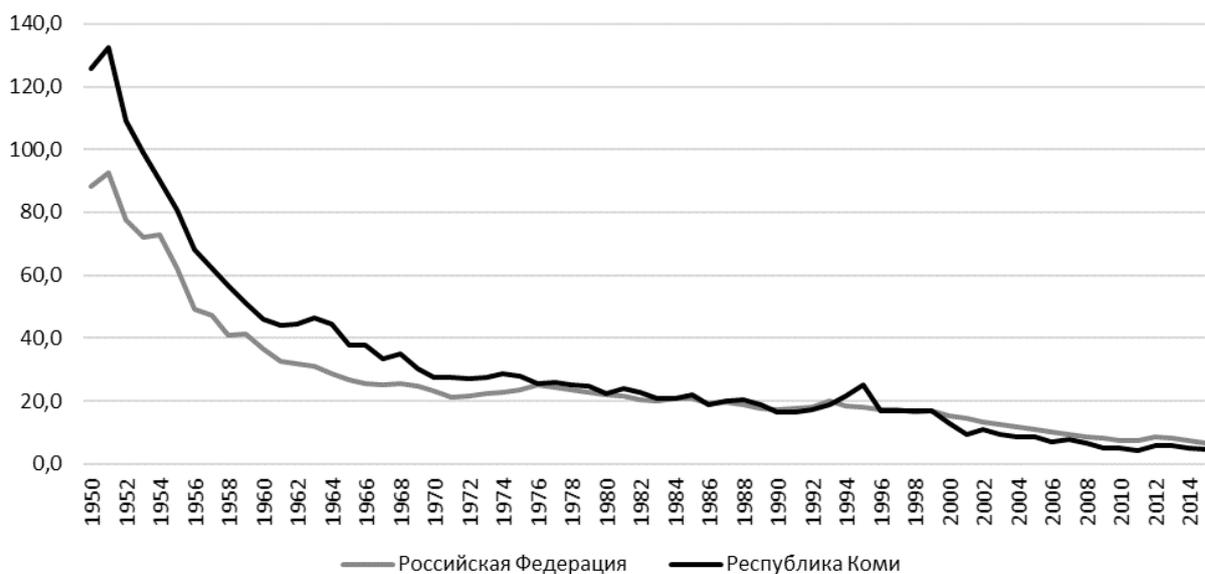

Рис. 1. Динамика коэффициента младенческой смертности в России и Республике Коми в 1950–2015 гг., на 1000 родившихся

На рисунке видно, что до середины 1970-х гг. коэффициент младенческой смертности в Республике Коми значительно превышал общероссийский уровень, во второй половине указанного десятилетия произошло существенное сближение траекторий, а с начала 1990-х гг., за исключением отдельных лет (1994, 1995 и 1998 гг.), смертность детей до одного года в Коми становится стабильно ниже среднего по стране. В статье производится сравнительный анализ динамики уровня младенческой смертности в России и Республике Коми на протяжении XX – начала XXI в., раскрываются изменения ее структуры по причинам, выявляются региональные особенности и современные закономерности.

В конце XIX – начале XX в. коэффициент младенческой смертности составлял в России 260–275 на 1000 родившихся [5]. Т.е. более четверти родившихся детей умирали, не дожив до года. Высокие показатели смертности на первом году жизни определялись неправильным кормлением, антисанитарными условиями жизни, тяжелым физическим трудом матерей в период беременности, плохим питанием, неумелым уходом за детьми, недостатком медицинской помощи [6, с. 149]. В последующий период младенческая смертность в России уменьшалась, хотя не раз снижение прекращалось и даже сменялось ростом. Но в целом все же преобладало снижение.

Весьма значительные темпы сокращения младенческой смертности были характерны для первой половины 1920-х гг., когда в результате революционных реформ здравоохранения и медицинской помощи населению снижение смертности затронуло практически все возрастные группы населения и все доминировавшие на тот момент причины смерти [7, с. 94]. В 1926 г. показатель смертности детей до одного года составил в России 188 на 1000 родившихся, т.е. за первую четверть XX в. он уменьшился примерно на 30%. На территории АО Коми (Зырян) в границах 1926 г. младенческая смертность в указанном году была оценена в 166,3 на 1000 родившихся. Однако это не дает оснований считать, что ее уровень в Коми в 1920-е гг. был ниже общероссийского: в предыдущем 1925 г. показатель в автономной области составил 361,3%, в следующем 1927 г. – 336,5% [3, с. 38]. В этот период динамика смертности на первом году жизни в Коми в принципе не характеризовалась сколько-нибудь явной тенденцией (рис. 2).

По России в целом уровень младенческой смертности в конце 1920-х – в 1930-е гг. также сильно колебался под влиянием экономических и социальных катаклизмов. Свертывание Новой экономической политики, начало индустриализации и особенно коллективизации сельского хозяйства привели к росту показателей до уровня первого десятилетия XX в. Своего пика они достигли в 1933 г. (295,1%), характеризовавшемся массовым голодом населения. Лишь к концу 1930-х гг. уровень младенческой смертности в России вновь стал устойчиво сокращаться. В основе лежало последовательное претворение в жизнь мер по охране материнства и детства, рост санитарной грамотности населения, улучшение качества медицинской помощи [8, с. 48].

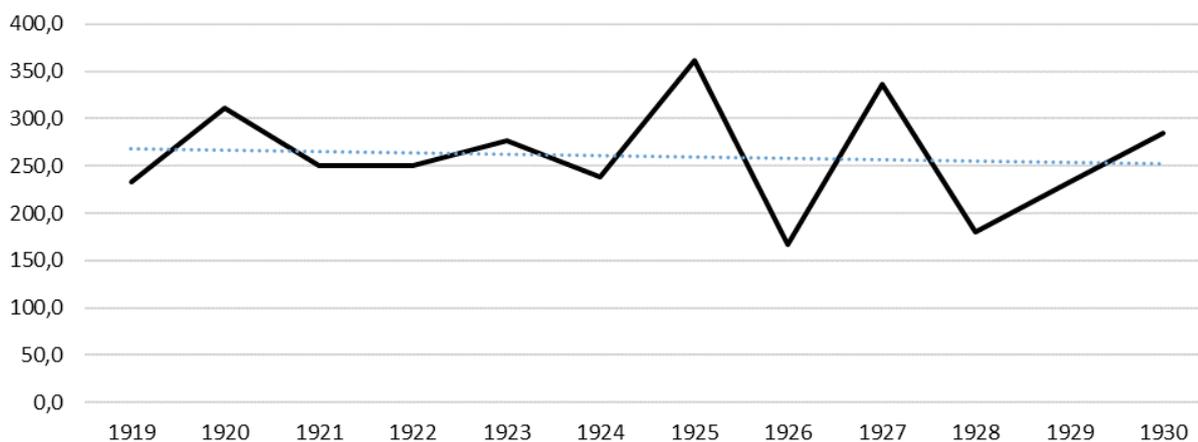

Рис. 2. Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Коми в 1919–1930 гг., на 1000 родившихся

В Республике Коми младенческая смертность продолжала характеризоваться крайне непоследовательной динамикой на всем протяжении 1930-х гг. (рис. 3). Как и ранее, ее уровень в этот период определяется показателями в сельской местности, поскольку сельские жители составляют более 90% населения автономной области. Какой-либо определенной закономерности в соотношении городского и сельского уровней младенческой смертности не прослеживалось, что свидетельствует о том, что до Великой Отечественной войны городские условия жизни в Коми незначительно отличались от сельских. А в голодные годы сельские жители оказывались даже в более благоприятной ситуации.

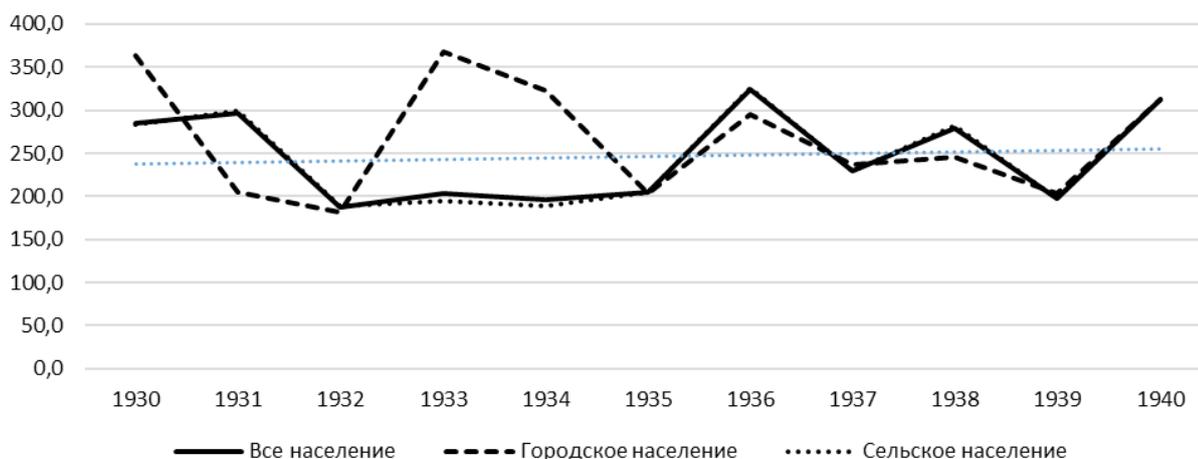

Рис. 3. Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Коми в 1930–1940 гг., на 1000 родившихся

В целом за десятилетие фиксируется небольшой возрастающий тренд младенческой смертности, во многом обусловленный значительным ростом уровня смертности, как на первом году жизни, так и в остальных возрастах, в 1940 г., когда в Коми АССР была произведена массовая высылка «неблагонадежного» населения из вновь присоединенных к СССР республик Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии. Общий коэффициент смертности увеличился в Коми в 1940 г. более чем в полтора раза (с 23,9% до 36,5%). При этом 63,4% умерших были детьми в возрасте до 9 лет [9, с. 12]. Уровень младенческой смертности вырос за год со 197,5 на 1000 родившихся до 312,8%. Болезни органов дыхания и пищеварения, инфекционные и паразитарные заболевания, которые в этот период определяли уровень младенческой смертности, зачастую принимали характер эпидемии. Очевидно, в 1940 г. в республике наблюдалась эпидемическая вспышка какого-то инфекционного заболевания, которая при отсутствии эффективных средств лечения, особенно в неблагоприятных, антисанитарных условиях жизни в поселках спецпоселенцев, привела к значительной детской смертности. Даже в первом военном году младенческая смертность, как и смертность взрослого населения, в Коми оказалась ниже, чем в 1940 г. (рис. 4).

Но в следующем 1942 г. ее величина достигла в республике небывалого уровня: 394,9 на 1000 родившихся. Особенно высокий показатель был зафиксирован в сельской местности: 421,6 на 1000 родившихся против 301,1‰ в городе [3, с. 38]. На фоне неблагоприятных условий жизни военного времени в 1942 г., по всей видимости, также произошла эпидемия инфекционной болезни, возможно, даже не одна, поскольку в 1943 г., который едва ли характеризовался лучшими в сравнении с 1942 г. условиями жизни, общий коэффициент смертности населения Коми АССР снизился достаточно существенно, а младенческая смертность сократилась почти в два раза (до 201,7‰). В 1944–1946 гг. снижение продолжалось.

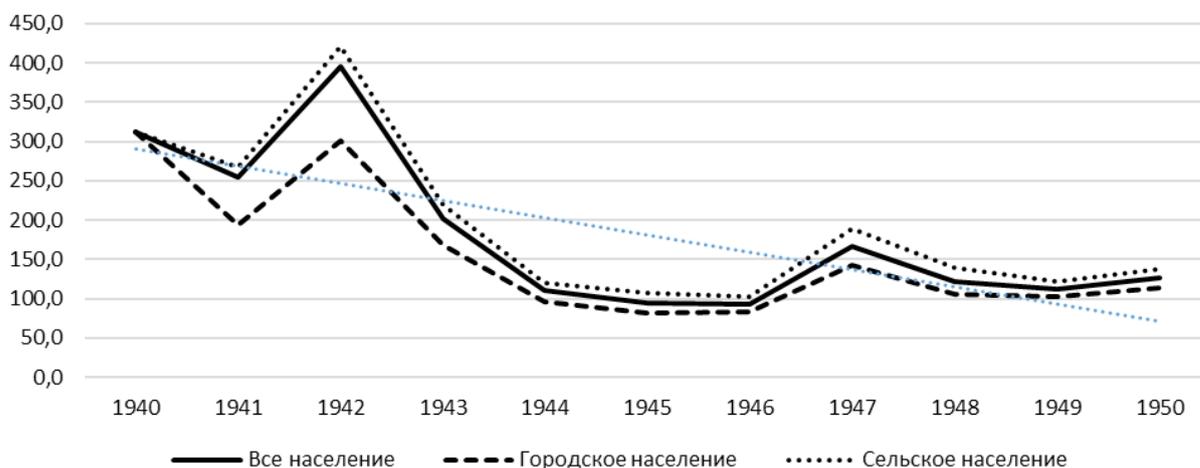

Рис. 4. Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Коми в 1940–1950 гг., на 1000 родившихся

Первые два десятилетия после Великой Отечественной войны оказались в России особенно успешными в плане снижения младенческой смертности. Принципиальное снижение ее уровня произошло еще в конце войны – с появлением и использованием при лечении желудочно-кишечных инфекций и пневмоний таких эффективных средств, как антибиотики и сульфаниламидные препараты, которые привели к значительному сокращению смертности детей до одного года от болезней органов дыхания и инфекционных заболеваний [10]. В результате уже в первом послевоенном 1946 г. коэффициент младенческой смертности составил в России 124,0‰ [11] по сравнению с 205,2‰ в 1940 г.

В Республике Коми последние военные и первые послевоенные годы также ознаменовались значительным снижением младенческой смертности. Увеличение показателя в 1947 г. было обусловлено тем, что в 1946–1947 гг. в стране произошел последний в истории Советского Союза массовый голод населения, обусловленный развалом сельского хозяйства в результате войны, засухой 1946 г. и политикой государства по увеличению экспорта зерна с целью валютных поступлений, а также создания его запасов на случай новой войны. В отличие от массовых голодов 1921–1922 и 1932–1933 гг. он сильно коснулся Республики Коми. По отчету Минздрава Российской Федерации за 1947 г. к числу наиболее неблагополучных по смертности относились южные и западные области России, ряд областей Поволжья, Урала, Сибири и Русского Севера. Высокий рост смертности наблюдался в 29 республиках, краях и областях. В Воронежской, Курской, Орловской, Ростовской, Тамбовской, Ульяновской областях число умерших было вдвое больше, чем в 1946 г., а в Вологодской, Костромской, Ленинградской, Молотовской, Новосибирской, Сталинградской, Читинской областях, Краснодарском крае, Башкирской и Коми АССР количество умерших в 1947 г. было на 70-80% больше, чем в предыдущем году [12, с. 152].

После этого в Республике Коми в целом прослеживается убывающая тенденция младенческой смертности с незначительным увеличением в отдельные периоды (рис. 1, 5). Так, например, в 1950–1951 гг. произошел заметный рост показателя в сельской местности, по всей вероятности, носящий эпидемический характер, повлиявший на уровень в целом по республике. Впоследствии, с ростом урбанизации (перепись 1959 г. зафиксировала в Коми 59,4% городского населения) республиканский уровень младенческой смертности начинает тяготеть к величине городского показателя.

С 1970-х гг. прослеживается заметное сближение республиканского показателя младенческой смертности со средним по стране. К началу 1980-х гг., когда в России удалось добиться значительного снижения смертности младенцев от болезней органов дыхания, являвшихся на тот момент главной причиной смертности на первом году жизни, в Коми был достигнут уровень, близкий к общероссийскому. А в 1990 г. пока-

затель в республике оказался ниже среднего по России (16,5‰ против 17,3‰). Следует заметить, что 1980-е и первая половина 1990-х гг., в отличие от России в целом, характеризуются в Республике Коми очень негладкой динамикой, особенно в сельской местности (рис. 6). По всей видимости, в условиях существенного уменьшения чисел рождений (в 1980-е гг. в сельской местности Коми ежегодно рождалось не более 7 тыс. детей, в начале 1990-х – по 3-4 тыс.) в уровне показателя, рассчитываемого на 1000 рождений, большую роль начинают играть случайные события.

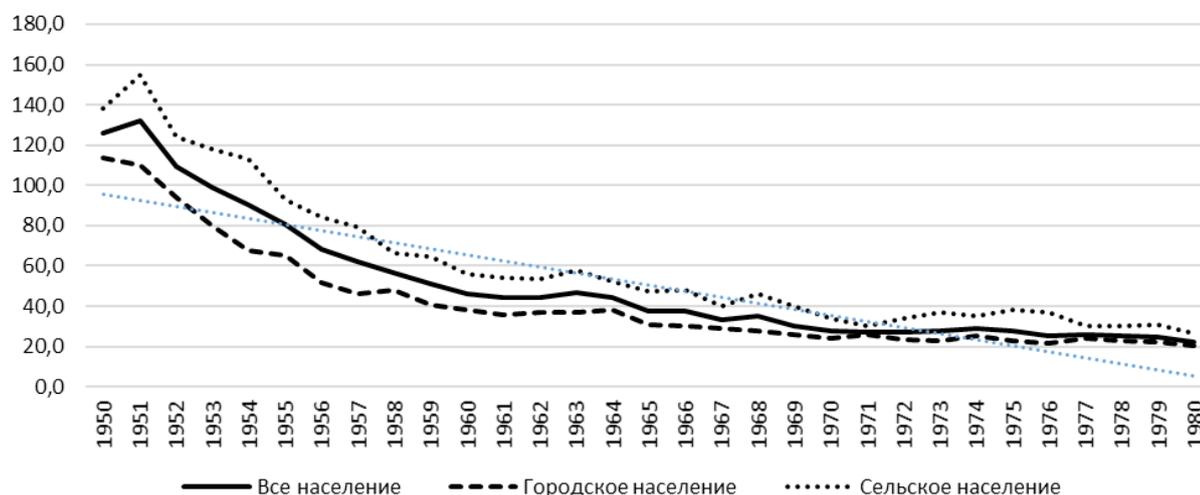

Рис. 5. Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Коми в 1950–1980 гг., на 1000 родившихся

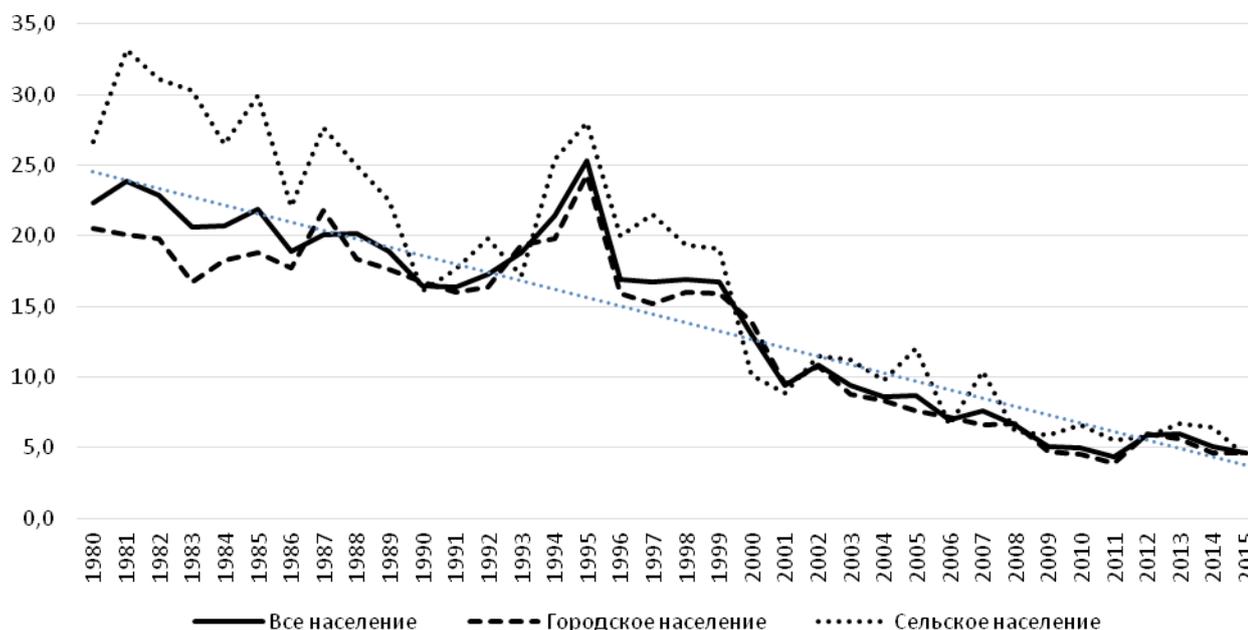

Рис. 6. Динамика коэффициента младенческой смертности в Республике Коми в 1980–2015 гг., на 1000 родившихся

В целом по стране тенденция снижения младенческой смертности также неоднократно прерывалась периодами роста: в 1971–1976, 1984, 1987, 1990–1993 и 1999 гг. Но лишь в начале 1970-х гг. возрастание показателя было достаточно продолжительным и существенным. За 1971–1976 гг. младенческая смертность увеличилась в России с 21,2 до 25,0‰. Заметный рост смертности на первом году жизни наблюдался в России также в 1990–1993 гг. (с 17,4 до 19,9‰). Однако основное увеличение произошло в 1993 г. (с 18,0 до 19,9‰), и оно во многом объясняется переходом страны с 1 января 1993 г. на новые критерии живорождения, т.е. носит по большей части формальный характер.

В Республике Коми повышение уровня младенческой смертности в эти годы происходило вплоть до 1995 г., причем оказалось весьма существенным: с 16,4‰ в 1991 г. до 25,3‰ в 1995 г. Особенно значительно смертность на первом году жизни увеличилась в сельской местности республики, достигнув в 1995 г. 28,0 на 1000 родившихся. Рост начался здесь на год раньше, чем в городе, и за пять лет с 1990 по 1995 г. составил 73,9%. В городской местности республики уровень смертности детей до одного года увеличился за 1991–1995 гг. на 51,9%, достигнув 24,3‰.

Как уже отмечалось, до начала 1990-х гг. республиканский уровень младенческой смертности был стабильно выше среднего по России. Лишь в отдельные годы (в 1984 и 1986 гг.) показатели оказывались ниже общероссийского уровня. В последние два с половиной десятилетия они ниже, как правило, и только в 1994–1995 и 1998 гг. коэффициент младенческой смертности в Коми превышал уровень в целом по стране. В 1998 г. разница была совсем незначительной, и ее можно отнести на действие случайных факторов. А в 1994–1995 гг. превышение оказалось весьма заметным. Обусловлено оно было, главным образом, очень существенными в эти годы в республике показателями смертности детей от состояний, возникших в перинатальном (до седьмых суток жизни) периоде, и врожденных аномалий (табл. 1). Поэтому можно предположить, что высокие показатели младенческой смертности 1994–1995 гг. были определены – по крайней мере, отчасти – некоторой «постепенностью» перехода в Республике Коми к введенным в 1993 г. новым критериям живорождения. С другой стороны, безусловно, сказались и общая неблагоприятная социально-экономическая ситуация первых лет реформ, неудачная стратегия реформирования российского здравоохранения, приведшая к значительному сокращению сети медицинских учреждений и снижению ее доступности для населения, характерная для начала 1990-х гг. утрата контроля над санитарно-эпидемиологической ситуацией, обнищание и маргинализация населения и пр.

Таблица 1

Динамика уровня младенческой смертности в Республике Коми по основным классам причин смерти в 1990–2004 гг., на 1000 родившихся живыми

Годы	1990	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Умершие в возрасте до 1 года от всех причин	165,2	213,8	252,8	169,1	167,4	168,8	166,7	129,8	93,7	109,4	93,8	86,2
В том числе от:												
Инфекционных и паразитарных болезней	8,3	4,2	11,6	4,6	3,8	3,7	6,1	2,0	3,9	5,5	4,4	1,7
Болезней органов дыхания	14,8	22,7	16,1	11,0	9,6	12,1	7,1	7,1	5,9	4,6	3,5	2,6
Болезней органов пищеварения	–	–	–	–	–	–	1,0	–	1,0	–	–	1,7
Врожденных аномалий	32,5	46,3	42,9	40,2	42,1	35,4	34,5	31,4	21,5	19,1	19,0	22,6
Состояний, возникших в перинатальном периоде	94,5	110,2	159,0	93,3	90,9	89,5	91,5	58,8	44,9	54,7	47,3	39,2
Несчастных случаев, отравлений и травм	10,6	11,8	14,3	9,1	9,6	14,9	17,3	12,2	3,9	6,4	4,4	7,8

Источник: [13, с. 90].

После этого подъема начала 1990-х гг. в Коми, как и в целом по стране, наблюдается устойчивая позитивная динамика показателя смертности на первом году жизни. Рост показателя в 2012 г. был обусловлен переходом России к рекомендованным Всемирной организацией здравоохранения критериям живорождения в полном объеме. В указанном году стали учитываться случаи рождения живыми и смерти детей с массой тела от 500 до 999 грамм, в то время как в 1993–2011 гг. новорожденные с массой тела менее 1000 грамм регистрировались лишь в тех случаях, если они прожили более 168 часов после рождения, т.е. полных семь суток. В целом за 1995–2015 гг. показатель смертности детей до одного года сократился в Республике Коми в 5,5 раз (с 25,3 до 4,6 на 1000 родившихся), в городской местности в 5,3 раза (с 24,3 до 4,6‰), в сельской – в 6,4 раза (с 28,0 до 4,4‰) [4, с. 5]. В среднем по стране коэффициент младенческой смертности уменьшился за это время в 2,8 раз (с 18,1 до 6,5‰), в городской местности – в 2,9 раз (с 17,4 до 5,9‰), в сельской – в 2,4 раза (с 19,8 до 8,4‰) [2].

В настоящее время по всем основным группам причин младенческая смертность в Республике Коми заметно ниже среднероссийского уровня. Смертность детей от состояний, возникших в перинатальном периоде, составляет, как и в целом по стране, около половины случаев младенческой смертности (табл. 2). Сегодня это основная группа причин смерти детей до одного года в России. На первое место она вышла в середине 1980-х гг., потеснив болезни органов дыхания, которые до конца указанного десятилетия оставались на второй позиции. К началу 1990-х гг. на второе место вышли врожденные аномалии. Таким образом, 1980-е гг. были периодом активных позитивных сдвигов в структуре младенческой смертности по причинам, в результате которых в России была достигнута структура, характерная для промышленно развитых стран: смертность на первом году жизни стала определяться эндогенными причинами. На третьем месте шли болезни органов дыхания, затем инфекционные и паразитарные болезни, и замыкали пятерку основных причин младенческой смертности несчастные случаи, отравления и травмы.

Как известно, в последнем десятилетии XX в. в России развернулся беспрецедентный по глубине кризис смертности населения, который сопровождался реставрацией традиционной патологии смертности, когда смертность от некоторых экзогенных болезней выросла в разы, а внешние причины смерти надолго заняли вторую позицию в структуре причин – по мнению ряда ученых, в стране произошел обратный эпидемиологический переход. При этом в некоторых регионах он сопровождался неблагоприятными изменениями и в структуре младенческой смертности по причинам. Так, в Республике Коми во второй половине 1990-х годов на третье место после причин перинатальной смерти и врожденных аномалий устойчиво вышли несчастные случаи, отравления и травмы, которые еще в середине 1980-х гг. были на пятой позиции, пропуская вперед не только болезни органов дыхания, но и инфекционные и паразитарные заболевания. В последнее время лишь в отдельные годы они оказываются в Коми на четвертой позиции или делят третье-четвертое место.

Таблица 2

Динамика уровня младенческой смертности в Республике Коми по основным классам причин смерти в 2005–2015 гг., на 10000 родившихся живыми

Годы	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Умершие в возрасте до 1 года от всех причин	86,6	69,8	76,4	65,9	50,7	50,4	43,6	59,4	59,5	51,1	46,1
В том числе от:											
Инфекционных и паразитарных болезней	6,3	1,8	3,5	2,6	–	2,6	1,7	3,3	4,8	0,8	–
Болезней органов дыхания	3,6	–	1,8	1,7	1,7	1,7	0,9	–	–	–	0,8
Болезней органов пищеварения	–	–	–	–	0,8	–	–	–	–	–	–
Врожденных аномалий	13,5	18,4	15,8	14,6	14,4	11,1	6,0	10,6	8,0	9,7	8,4
Состояний, возникших в перинатальном периоде	46,0	31,2	34,2	24,8	21,1	19,7	23,9	31,7	35,4	30,0	26,0
Несчастных случаев, отравлений и травм	8,1	2,8	10,5	2,6	4,2	4,3	3,4	3,3	4,0	2,4	5,0

Источники: [4, с. 61; 14, с. 108].

По стране в целом структура младенческой смертности в 1990-е гг. изменений не испытала. Главными причинами смерти на первом году жизни в России оставались состояния, возникшие в перинатальном периоде, врожденные аномалии и болезни органов дыхания, четвертую и пятую позицию занимали инфекционные и паразитарные болезни и несчастные случаи, отравления и травмы [8, с. 50]. Однако в последние годы несчастные случаи в России также вышли на третье-четвертое место в структуре причин младенческой смертности, деля его с болезнями органов дыхания [15, с. 195–196]. Смертность детей до одного года от несчастных случаев, конечно, зависит от доступности и своевременности медицинской помощи, но в еще большей степени она определяется образом жизни семьи, желанием и возможностью уделять малышам достаточно внимания. Поэтому ее выход на третье место в структуре причин младенческой смертности – это, безусловно, очень неблагоприятное явление, свидетельствующее о неблагополучии в развитии и жизнедеятельности современной семьи. Такая структура младенческой смертности в определенной степени лимитирует эффективность государственной демографической политики в области рождаемости, которая активно проводится в стране на протяжении последних 10 лет.

В заключение отметим, что в настоящее время коэффициент младенческой смертности в России довольно невысок. В 2015 г. по стране в целом он составляет 6,5 на 1000 родившихся [2], в Республике Коми – 4,6‰ [4, с. 5]. Но это по-прежнему выше, чем в абсолютном большинстве промышленно развитых стран. В 2014 г. в среднем по 28 странам Евросоюза был зафиксирован уровень в два раза ниже (3,7 на 1000 родившихся), чем в России в указанном году (7,4‰). В Финляндии и Швеции он составил 2,2‰, в Исландии – 2,1‰, на Кипре – 1,4‰ [16]. Таким образом, резервы снижения младенческой смертности в России еще достаточно существенны. И хотя основной объем младенческой смертности дают перинатальная смертность и внутренние аномалии развития, на наш взгляд, резервы снижения лежат, прежде всего, в плоскости сокращения смертности детей до одного года от несчастных случаев и экзогенных болезней, которая в цивилизованном обществе должна быть сведена к нулю.

Источники и литература

1. Харченко В.И., Акопян А.С., Михайлова Р.Ю., Михайлов А.Ю. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1. С. 78–92.
2. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 17.06.2016).
3. Безносова Н.П. Динамика и размеры младенческой смертности в Республике Коми в 1921–1990 гг. // Историческая демография. 2013. № 2 (12). С. 37–40.
4. Естественное движение населения Республики Коми в 2015 году: информационно-аналитический бюллетень № 06-57-60/4. Сыктывкар, 2016.
5. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Тип. МВД, 1916.
6. Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в прошлом, настоящем и будущем // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1. С. 148–163.
7. Захарова О.Д., Акопян А.С., Харченко В.И. Эволюция рождаемости в России во второй половине XX века: история, современность и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2002. № 6. С. 94–106.
8. Кваиа Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–55.
9. Безносова Н.П. Демографическая ситуация в Коми АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Сыктывкар, 2003. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 460).
10. Сифман Р.И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. М.: Статистика, 1979. С. 50–60.
11. Демоскоп Weekly, № 21-22, 21 мая – 4 июня 2001 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/021/index.php> (дата обращения 17.06.2016 г.).
12. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. 265 с.
13. Демографический ежегодник Республики Коми. 2009: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2009.
14. Демографический ежегодник Республики Коми. 2015: стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2015.
15. Демографический ежегодник России. 2015: Стат.сб. / Росстат. М., 2015.
16. Официальный сайт Евростата. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения 17.06.2016).

Л.А. Попова, Н.А. Бутрим*

История реализации просемейной демографической политики в Республике Коми**

В статье рассмотрен опыт реализации политики стимулирования рождаемости в Республике Коми в 1990-х гг. Проанализированы возможности просемейной демографической политики на региональном уровне в условиях неблагоприятного социально-экономического контекста.

Ключевые слова: рождаемость, демографический кризис, демографическая политика, Республика Коми

L.A. Popova, N.A. Butrim

History of pronatal demographic policy's realization in the Komi Republic

Article considers experience of implementation of policy of birth rate stimulation in the Komi Republic in the 1990th years. Possibilities of pronatal demographic policy at the regional level in the conditions of an adverse social and economic context are analysed.

Key words: birth rate, demographic crisis, demographic policy, the Komi Republic

В последние годы в стране достигнуты серьезные успехи в повышении уровня рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости (число детей, которое в среднем родит одна женщина в течение всего своего детородного периода от 15 до 49 лет при условии сохранения на протяжении этого времени повозрастных коэффициентов рождаемости расчетного года) увеличился в России с 1,157 детей в 1999 г. до 1,750 детей в 2014 г., т.е. вырос более чем в полтора раза. Городской показатель повысился с 1,045 до 1,588, сельский – с 1,534 до 2,318 [1, с. 45]. В Республике Коми рост суммарного коэффициента оказался еще более значительным – на 70%: с 1,184 детей до 2,013. Среди городского населения республики показатель суммарной рождаемости увеличился в полтора раза (с 1,096 до 1,672), в сельской местности – почти в три раза (с 1,583 до 4,741) [2, с. 40]. Такой существенный рост суммарного коэффициента, с одной стороны, является следствием изменения календаря рождений: реализации отложенных рождений старшими поколениями женщин и уплотнения графика рождений у молодых поколений, особенно в сельской местности. Но с другой – это результат увеличения детности семей, о чем свидетельствует возрастание удельного веса рождений старших очередностей. В последние годы произошли положительные сдвиги и в качественной структуре рождаемости: после двух десятилетий роста устойчиво сокращается доля рождений вне брака. За 2005–2014 гг. в целом по стране она уменьшилась с 30,0% до 22,2 [1, с. 68], в Республике Коми – с 42,3% до 30,0 [2, с. 47]. Очень во многом все эти благоприятные изменения в рождаемости обусловлены демографической политикой, последовательно проводимой в стране с 2006–2007 гг., сначала на федеральном уровне, а в 2011 и 2013 гг. подкрепленной региональными мероприятиями. При этом государственные демографические инициативы позволили не только продлить позитивный тренд рождаемости уже в условиях начавшегося ухудшения возрастной структуры женщин репродуктивного возраста, реализовать ранее отложенные старшими поколениями рождения, повысить детность семей и усилить семейную компоненту рождаемости, но и способствовали увеличению репродуктивных установок населения, т.е. они имеют положительное значение и для перспектив рождаемости [3]. На фоне успехов современной государственной демографической политики есть повод вспомнить о просемейной демографической политике, проводившейся в Республике Коми на протяжении 1990-х гг., которая оказалась далеко не такой успешной, и проанализировать возможности региональной демографической политики в условиях неблагоприятного социально-экономического контекста.

* **Попова Лариса Алексеевна** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, popova@iespn.komisc.ru; **Бутрим Наталья Александровна** (Сыктывкар) – старший преподаватель Института социальных технологий Сыктывкарского государственного университета, butrim_dom@mail.ru.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

До второй половины 1980-х гг. Республика Коми характеризовалась повышенным уровнем рождаемости. Но вместе с тем здесь всегда был более значительный удельный вес внебрачных рождений, которые являются одной из проблемных компонент рождаемости. Т.е. рождаемость в республике имела как позитивные, так и негативные особенности, во многом обусловленные спецификой демографического поведения коренного этноса, составляющего около четверти населения. К концу 1980-х гг. у коми в основном завершился переход к малодетности [4]. Поэтому совпавшее с этим снижение уровня рождаемости после роста в начале – середине 1980-х гг. под воздействием мероприятий Постановления 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [5] в Республике Коми оказалось более значительным, чем в среднем по стране. В результате суммарный коэффициент рождаемости в 1988–1990 гг. опустился ниже общероссийского уровня.

Поэтому с самого начала 1990-х гг., когда вследствие радикальных социально-экономических реформ, проводившихся в форме «шоковой терапии», в стране развернулся демографический кризис, а депопуляция приняла явный характер: превышение смертности над рождаемостью – демографическим проблемам в Республике Коми уделялось весьма заметное внимание, особенно вопросам рождаемости. Комитетом по вопросам семьи и детства при Верховном Совете республики еще до начала естественной убыли на ее территории был принят Закон Республики Коми «О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства и детства» [6]. Закон был подписан 20 октября 1992 г. и с начала 1993 г. вступил в действие. Разработанный «в целях создания социальных гарантий для женщин, проживающих и работающих в условиях Севера, формирования условий для укрепления семьи, обеспечения государственного приоритета интересов материнства и детства в социальной политике», он предусматривал на территории республики гораздо более длительные, чем в целом по стране, сроки отпусков по беременности и родам: 126 календарных дней до родов и 238 календарных дней – после. Иными словами, жительницы республики получили право на целый год декретного отпуска, который женщинам, подлежащим государственному социальному страхованию, на тот момент оплачивался в размере среднего заработка по месту работы за последние 12 календарных месяцев – без всякого ограничения (максимум пособия по беременности и родам был установлен в стране лишь в 2002 г.). Обучающиеся женщины получили право на такую же продолжительность дородового и послеродового отпусков – с оплатой из расчета минимальной заработной платы, установленной в Российской Федерации, с учетом районного коэффициента и северных надбавок.

Безусловно, с точки зрения целей просемейной демографической политики, в том числе и с точки зрения ее качественных целей, этот закон был весьма прогрессивным, и от его реализации можно было ожидать значительного положительного эффекта. При такой продолжительности отпуска по беременности и родам рождение ребенка работающей женщиной наносило не очень значительный материальный ущерб семье в связи с необходимостью для матери на какое-то время оставить работу. В случае, если женщина полностью использовала свое право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, снижение уровня совокупных доходов работающих членов семьи при практически 8-месячной продолжительности послеродового отпуска наблюдалось лишь в течение последующих семи месяцев. Более того, при развитии в нашей стране институте бабушек мама 8-месячного ребенка спокойно могла выйти на работу, вообще не используя отпуска по уходу за ребенком до полутора лет или используя его лишь частично (согласно некоторым исследованиям, подобная практика широко применяется и при стандартной продолжительности послеродового отпуска в 70 календарных дней [7, с. 283]). В этом случае рождение ребенка практически не снижало уровня совокупных доходов работающих членов семьи или уменьшало его совсем незначительно.

Таким образом, Закон РК 1992 г. давал преимущества работающим, социально более зрелым женщинам, способствуя тем самым росту сознательной компоненты рождаемости. Значительная продолжительность дородового отпуска также содействовала качеству рождаемости, поскольку давала возможность будущим мамам лучше подготовиться к рождению ребенка, что при прочих равных условиях способствует повышению показателей здоровья матерей и детей.

Этот Закон действовал в Республике Коми в течение пяти с половиной лет. Отчасти по причине недостатка должного объема финансовых средств, но в основном ввиду необходимости привести в соответствие с федеральным уровнем длительность «нестраховых периодов», которые согласно закону «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» [8] с 1 февраля 1998 г. были исключены из расчета трудового стажа, дающего право на пенсию, в 1998 г. правительство республики вынуждено было отказаться от дальнейшей его реализации.

В соответствии с Законом от 12 мая 1998 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Коми «О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства и детства» [9], вступившим в силу со дня его опубликования, в Коми была установлена продолжительность отпуска по беременности и родам согласно законодательству Российской Федерации: 70 календарных дней до родов (в случае многоплодной

беременности – 84) и 70 (в случае осложненных родов – 86, при рождении двух или более детей – 110) календарных дней после родов. Женщинам, которым отпуск по беременности и родам был предоставлен до вступления в силу этого Закона, оплата родового отпуска была произведена в полном объеме до истечения отпуска в соответствии с порядком, действовавшим до вступления в силу Закона 1998 г., оплата послеродового отпуска – уже в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации.

Следует, однако, отметить, что в соответствии с Законом РК 1998 г. были предусмотрены «дополнительные к установленным законодательством Российской Федерации социальные гарантии по охране материнства, отцовства и детства в целях создания наиболее благоприятных условий для воспитания ребенка». За счет средств республиканского бюджета, выделяемых Фонду социального страхования республики и органам по социальным вопросам, была установлена доплата в размере двух минимальных размеров оплаты труда (с применением районного коэффициента) к ежемесячному пособию на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет. Кроме того, была установлена доплата к единовременному пособию женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель) – в размере одного минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на день предоставления отпуска по беременности и родам (также с применением районного коэффициента). В редакции Закона от 29.12.2000 г. № 86-РЗ доплата к ежемесячному пособию на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет установлена в размере 200 руб. (с применением районного коэффициента), доплата к единовременному пособию женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель) – в размере 100 руб. (также с применением районного коэффициента).

Как известно, в соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [10], кроме пособия по беременности и родам, единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности и ежемесячного пособия на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет, существует еще два вида государственных пособий гражданам, имеющим детей: единовременное пособие при рождении ребенка и ежемесячное пособие на ребенка. Размеры выплат этих видов пособий в Республике Коми соответствовали установленным федеральным законодательством.

В 1998 г., в соответствии с редакцией Федерального закона от 29.07.1998 г. № 134-ФЗ, в Республике Коми, как и по стране в целом, перешли на заявительную форму получения ежемесячного пособия на ребенка лишь семьями со среднедушевым доходом ниже критерия малообеспеченности (по разным редакциям закона, 200% или 100% величины прожиточного минимума). Хотя в соответствии с редакцией Федерального закона от 17.07.1999 г. № 171-ФЗ субъекты Российской Федерации получили право предоставлять ежемесячное пособие на ребенка и семьям с более высоким среднедушевым доходом (без последующего учета объема средств на эти цели при взаиморасчетах федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации), правительство Республики Коми этим правом не воспользовалось.

На протяжении 1990-х гг. в Коми были приняты и другие нормативно-правовые акты, целью которых было улучшение ситуации в сфере рождаемости. Так, Постановлением Госсовета Республики Коми от 19 июня 1996 г. № 1–6/64 была утверждена Концепция государственной семейной политики Республики Коми [11], в которой был сделан определенный шаг к соблюдению принципа комплексности – одного из важнейших условий демографической политики. 19.11.1996 г. был принят республиканский Закон № 36-РЗ «О защите прав детей в Республике Коми» [12]. Таким образом, проблемам в области рождаемости в Коми уделялось достаточно значительное внимание. Однако, как это часто бывает с реализацией тех или иных мероприятий политики в области демографического поведения населения, позитивных результатов это практически не принесло. А результаты применения Закона РК 1992 г., в качестве которых можно рассматривать особенности рождаемости, а также уровень и структуру младенческой смертности в республике в период его действия, при анализе по прошествии некоторого времени, мягко говоря, обескураживают.

В свое время одним из мотивов отказа от дальнейшей реализации Закона РК 1992 г. было также и то, что он не достиг количественной цели, ради которой был разработан. Повышения уровня рождаемости, на которое рассчитывало правительство республики, подписывая его, не произошло. Более того, в 1994–1995 гг. суммарный коэффициент рождаемости в Коми оказался ниже среднероссийского. А увеличение его уровня наблюдалось здесь также, как и в целом по стране, в 1998 г., в мае которого действие указанного Закона было уже отменено.

Не случилось в республике и улучшения качественных аспектов рождаемости, которое, по логике, должно было бы быть достигнуто попутно. Средний возраст матери в 1993–1997 гг. оказался минимальным (25,03–25,09 лет) за два последних десятилетия. Учитывая слишком молодую возрастную структуру российской рождаемости и концентрацию в молодых возрастах случайных, незапланированных рождений, это, безусловно, свидетельствует об усилении в эти годы несознательной компоненты рождаемости.

Об этом же свидетельствуют темпы роста удельного веса и динамика возрастной структуры внебрачных рождений. За 5 лет с 1992 по 1997 г. доля внебрачных рождений увеличилась в Республике Коми почти на 70% (с 20,6 до 34,9%), тогда как за предшествующее пятилетие 1987–1992 гг. она повысилась на 40% (с 14,7 до 20,6%), а за последующие 1997–2002 гг. – менее чем на 14% (с 34,9 до 39,7%). В 1997 г. – в последнем полном календарном году реализации Закона РК 1992 г. – омоложение внебрачной рождаемости достигло максимального уровня: четверть всех внебрачных рождений была совершена женщинами моложе 20 лет, 8,5% внебрачных детей были рождены несовершеннолетними матерями. Для брачных рождений соответствующие цифры составили 11,8 и 2,1%. После 1997 г., наряду с «постарением» общей рождаемости (повышение среднего возраста матери при рождении детей всех очередностей наметилось в республике еще с 1995 г.), наблюдается и «постарение» возрастной структуры внебрачной рождаемости. Иными словами, меры просемейной политики достигли большего результата в так называемых альтернативных формах семейной организации, причем способствовали увеличению доли самых уязвимых их категорий – молодых неполных семей.

На ухудшение качественных аспектов рождаемости, по крайней мере, в первые годы действия Закона РК 1992 г., указывает и то, что в 1992–1995 гг. в Коми наблюдался очень значительный рост коэффициента младенческой смертности, приведший к значительному отрыву этого показателя от уровня в целом по России (в 1995 г. 25,3 на 1000 родившихся против 18,1‰ в среднем по стране, в сельской местности республики – 28,0‰).

Кроме того, в структуре младенческой смертности по причинам на третье место с 1997 г. устойчиво вышли несчастные случаи, отравления и травмы, которые еще в середине 1980-х гг. были на пятой позиции. По стране в целом структура младенческой смертности в эти годы изменений не испытала. Конечно, смертность детей до одного года от несчастных случаев сильно зависит от доступности и своевременности медицинской помощи, но в еще большей степени она определяется образом жизни семьи, степенью родительской ответственности. Иными словами, сложившаяся в республике с 1997 г. структура младенческой смертности по причинам свидетельствует о крайнем неблагополучии в развитии и жизнедеятельности семьи, т.е. опять-таки об ухудшении качественной структуры рождаемости.

Безусловно, все это не было следствием реализации Закона 1992 г. Это результат значительнейшей социально-экономической обусловленности демографических процессов. В условиях экономического кризиса, обусловившего снижение жизненного уровня большей части населения и сопровождавшегося нравственным кризисом, затронувшим самые молодые категории населения, а также переоценкой ценностей, отодвинувшей ценность детей в иерархии ценностных ориентаций человека на последние места, паллиативные меры демографической политики, проводимой на региональном уровне, не могли привести к радикальному улучшению демографической ситуации. Для стабильного улучшения ситуации в сфере рождаемости, обусловленного не структурным или тайминговым фактором, прежде всего, необходимы были стабилизация социально-экономического развития и повышение уровня жизни населения, подкрепленные серьезными мероприятиями демографической политики на федеральном уровне. Региональные демографические программы могут дополнять, усиливать общегосударственную стратегию демографической политики, но не подменять ее отсутствие, поскольку зачастую они воспринимаются населением как временные, ограниченные возможностями регионального бюджета или сроком полномочий действующего руководства региона. Кроме того, нормативно-правовые акты регионального уровня, принятые без учета или в разрез с федеральным законодательством, всегда находятся под угрозой вступления в противоречие с ним.

Таким образом, просемейная демографическая политика должна быть долговременной, свободной от кампанейщины, систематически наращивающей и расширяющей мероприятия, использующей широкий спектр мер воздействия на механизм репродуктивного поведения населения, ориентированной не на сиюминутные результаты, а на перспективу: на повышение ценности детей в глазах человека и общества. И она обязательно должна быть общегосударственной. Демографические инициативы региональных властей могут дополнять, усиливать федеральные мероприятия, учитывая региональную специфику демографического развития, но при этом они должны быть в русле общегосударственной демографической стратегии. Только такая демографическая политика может рассчитывать на успех.

Источники и литература

1. Демографический ежегодник России. 2015: Стат.сб. / Росстат. М., 2015.
2. Демографический ежегодник Республики Коми. 2015: стат.сб. / Комистат. Сыктывкар, 2015.
3. Попова Л.А. Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 79–93.
4. Попова Л.А. Этнические особенности репродуктивного поведения населения Республики Коми // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2003. № 3 (17). С. 44–52.

5. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 235 от 22 января 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // СП СССР. 1981. № 13, ст. 75.
6. Закон Республики Коми от 20.10.1992 г. «О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства и детства» // Красное знамя. 1992. 31 окт.
7. Демографическое поведение и его детерминация. М.: ТЕИС, 2005.
8. Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 113-ФЗ «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий» // Российская газета. 1997. 24 июля.
9. Закон Республики Коми от 12.05.1998 г. № 15-РЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Коми «О дополнительных социальных гарантиях по охране материнства и детства» // Республика. 1998. 26 мая.
10. Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Российская газета. 1995. 24 мая.
11. Постановление Госсовета Республики Коми № 1–6/64 от 19.06.1996 г. «О концепции государственной семейной политики Республики Коми» // Республика. 1996. 9 июля.
12. Закон Республики Коми № 36-РЗ «О защите прав детей в Республике Коми» // Республика. 1996. 10 дек.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 314(470.13)

В.В. Фаузер*

История развития демографической науки: от теории к практике**

В статье рассмотрена история демографической науки от Граунта до Ломоносова; анализируется ее развитие в России и Республике Коми; приводятся персоны ученых-демографов; дается обзор первых работ и монографических исследований по демографии Коми края, список защищенных диссертаций по «экономике народонаселения и демографии», «экономической социологии и демографии»; показаны основные результаты, характеризующие вклад демографической науки в развитие территории.

Ключевые слова: Республика Коми, демография, демографические исследования, население

V.V. Fauzer

History of demographic science: from theory to practice

The article describes the history of the demographic science from Graunt to Lomonosov; it made an analysis of the science development in Russia and in the Komi Republic; the article presents the person of eminent scientists-demographers and gives an overview of the first works and monographs on demography in the Komi region; It provides an overview of the first works and monographs on demography Komi region, and the list of protected dissertations on "Population Economics and Demography", "Economic Sociology and Demography"; It shows the main results characterizing the demographic contribution of science to the territory development.

Key words: Komi Republic, demography, population studies, population

Введение

Слово «демография» образовано из двух греческих слов: «*демос*» – народ и «*графо*» – писать, т.е., если трактовать это словосочетание буквально, оно будет означать «народописание», или описание населения. Наука демография имеет точную дату рождения – январь 1662 г. Это связано с выходом в Лондоне книги английского купца и капитана, впоследствии майора городской милиции, ученого-самоучки Джона Граунта (1620–1674), имевшей длинное, как тогда было принято, и весьма красноречивое название: «Естественные и политические наблюдения, перечисленные в прилагаемом оглавлении и сделанные на основе бюллетеней о смертности. По отношению к управлению, религии, торговле, росту, воздуху, болезням и другим изменениям названного города. Сочинение Джона Граунта, гражданина Лондона». Уже из названия книги виден широкий социальный замысел ее автора. Приведем определение демографии, данное Дж. Граунтом. «Можно было бы задать вопрос, какова цель этого трудоемкого выщепивания и этой систематизации? Узнать численность населения? Сколько имеется мужчин и женщин? Сколько состоящих и не состоящих в браке? Сколько женщин способно родить? Сколько есть семи- или десятилетних детей?»

---

* **Фаузер Виктор Вильгельмович** (Сыктывкар) – доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, fauzer@iespn.komisc.ru; <http://vvfauzer.ru>.

** Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-03-00078.

Книга Граунта была встречена тогдашней интеллектуальной элитой очень хорошо. В течение трех лет после первого издания она переиздавалась еще четыре раза, причем второе издание было осуществлено уже в конце того же года, что и первое. Книга так понравилась королю Карлу II, что уже через месяц после ее опубликования Граунт был принят в Королевское общество. Тоненькая книжка Граунта (всего 90 с.) послужила зачатием сразу трех наук: статистики, социологии и демографии.

Свое название «демография» получила лишь в середине XIX в. Своим названием она обязана французскому ученому Ашию Гийяру (Achille Guillard, 1799–1876). В 1855 г. в Париже он опубликовал книгу «Элементы человеческой статистики или сравнительная демография». А. Гийяр определял демографию очень широко, как «естественную и социальную историю человеческого рода» или, в более узком значении, как «математическое познание человеческих популяций, их общего движения, их физического, гражданского, интеллектуального и морального состояния».

К числу основоположников демографической науки можно отнести также выдающегося ученого XIX в. – Жака Бертийона (по другой транскрипции – Бертильон) (Jacques Bertillon, 1851–1922).

В 1880 г. он писал в книге «Статистика движения населения во Франции»: «Демография занимается изучением коллективной жизни. Цель ее состоит в изучении причин, в силу которых общества развиваются, восстанавливаются, и, в конце концов, приходят в упадок и погибают. Она рассматривает как физический, так и нравственный склад каждого народа; рассматривает, какие занятия доставляют ему средства к жизни; она исследует, как и почему люди вступают в брак, в каком количестве они размножаются и как воспитывают своих детей и пр. Она указывает, наконец, при каких обстоятельствах, в каком возрасте и в силу каких причин люди умирают» [43, с. 13–16].

Вклад российских ученых в развитие демографической науки

К числу первых ученых, обративших внимание на демографические проблемы общества, можно отнести Семенова-Тяньшанского, Менделеева и Ломоносова. В историческом плане особое значение имеет работа М.В. Ломоносова (1711–1765) «О сохранении и размножении российского народа». Написанная в 1761 г. в форме письма к графу П.И. Шувалову данная работа есть свидетельство глубины понимания процессов, происходящих в народонаселении России в тот период.

Ломоносов сформулировал 13 причин, препятствующих развитию населения России, и перечислил возможные меры поощрения роста населения: наличие семей с большой разницей в возрасте супругов^{*}; распространенность принудительных браков; запрет на вступление в четвертый (тем более пятый) брак; запрет на вступление во второй брак для духовенства; отсутствие богадельных домов для незаконнорожденных детей, что снизило бы число случаев детоубийства; низкий уровень «повивального искусства»; негативное влияние церковных обрядов и правил: младенцы часто простужаются и погибают из-за того, что их крестят в церкви в холодной воде; возникновение серьезных проблем со здоровьем в связи с неумеренным употреблением пищи и алкоголя после окончания постов; острый дефицит лечебных учреждений, аптек, врачей-профессионалов; избыточная смертность в результате эпидемий и гибели от неестественных причин, что требует применения ряда специальных мер; гибель людей в результате грабежей и воровства, драк; чтобы россияне не уезжали навсегда из своей страны, а возвращались; привлечение в Россию на постоянное жительство иностранцев как фактор улучшения демографической ситуации [14].

Демографическая наука в XX веке

В 1919 г. в г. Киеве создается первое государственное научно-демографическое учреждение «Институт демографии АН УССР» (с 1934 г. – Институт демографии и санитарной статистики). Ставятся грандиозные планы по изучению народонаселения. Однако в 1938 г. принимается решение о его закрытии [3, с. 150]. В 1930–1934 гг. в Ленинграде (ныне – С-Петербург) работал единственный специализированный демографический институт за всю историю существования Российской академии наук [2, с. 239]. Но и его судьба была недолговечной. Причина закрытия была «проста» – демография наряду с генетикой была признана буржуазной наукой.

В корне меняется отношение к демографии в конце XX в. Многие видные ученые из других отраслей знаний уделили демографической науке пристальное внимание. Например, Питер Друкер, – выдающийся

^{*} В обычае вошло во многих российских пределах, а особенно по деревням, что малых ребят, к супружеской должности неспособных, женят на девках взрослых, и часто жена могла бы по летам быть матерью своего мужа. Сему с натурой спорному поведению следуют худые обстоятельства: слезные приключения и рода человеческого приращению вредные душегубства. Первые после женитьбы лета проходят бесплодны, следовательно, такое супружество не супружество и, сверх того, вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла бы родить несколько детей обществу. Мальчик, побуждаем будучи от зазорной взрослой жены, усилением себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужеский возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее.

ученый в области менеджмента: «Самая характерная черта нашего времени – хотя бы в силу абсолютной беспрецедентности в мировой истории – это резкое снижение рождаемости в развитых странах. Снижение рождаемости несет с собой также гигантские политические и социальные последствия, о которых мы пока не имеем никакого представления. Но этот процесс неизбежно скажется на экономике и бизнесе. Кроме того, любой вид подготовки сегодняшних ресурсов к возможностям, которые могут открыться в будущем, должен начинаться с демографии, а точнее с рассмотрения проблемы падения рождаемости в развитых странах. Из всех современных процессов этот наиболее заметен, непредсказуем и абсолютно беспрецедентен. В ближайшие 20–30 лет демографическая ситуация в развитых странах будет определять политическую. И политика будет очень нестабильной. Ни одна из стран не готова к проблемам, к которым приведет снижение численности населения» [4, с. 69, 72, 77].

В советский и постсоветский период демографическая наука получила широкое распространение. Она активно изучалась в Институте социологических исследований АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте социологии РАН, Институте социально-политических исследований РАН, Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН и ряде других научных учреждений. Высшая аттестационная комиссия вводит две научные специальности по демографическим наукам: 08.00.18 – экономика народонаселения и демография; 22.00.03 – экономическая социология и демография.

Развитие демографической науки в Республике Коми

Республика Коми относится к числу тех регионов России, где к демографическим проблемам обратились уже в начале XX в. Родоначальником демографических исследований в Коми крае по праву можно считать А.С. Забоева, известного под псевдонимом «Сан-Антус». В 1928 г. в журнале «Коми му» он публикует научную статью: «Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми» [39]. В ней автор ставит проблемы, которые не потеряли своей актуальности и по сей день. Учитывая, что данная работа стала библиографической редкостью, позволим себе привести максимум выдержек из статьи – в авторской редакции.

Одна из проблем, поднятых Сан-Антусом – относительное аграрное перенаселение: «В настоящее время для всех уже является истиной, что в Коми обл. существует относительное аграрное перенаселение. Но в чем заключается экономическое существо перенаселения? Перенаселение следует понимать, как некоторый избыток сельского населения по отношению к полезной сельскохозяйственной территории. Таким образом, избыточным следует считать такое сельское население, которое не может при данных условиях применять свой труд экономически рационально на имеющейся в его распоряжении сельскохозяйственной территории и которое в то же время вследствие ряда причин не отрывается от земледелия. В виду этого происходит не рациональное применение фактических запасов рабочей силы и связанный с этим упадок производительных сил района.

Стоит ли доказывать, что относительное аграрное перенаселение мы не только имели, но и имеем сейчас. Об этом довольно много говорят и пишут в настоящее время. Едва ли следует доказывать, что перенаселение имеет исторические корни, что оно (перенаселение) – относительное, что при других способах производства не только не было бы, но и было бы недостаточно современного населения. Также очевидно, что перенаселение является фактом, характеризующим современное состояние народонаселения области, что перенаселение препятствует более быстрому росту народонаселения» [39, с. 7, 9].

В своей работе Сан-Антус уделяет значительное внимание рациональному расселению населения по территории области. Причем расселение населения он связывает с миграционными процессами: «Перенаселение – тяжелая гиря на всем хозяйстве Области, оно мешает поступательному движению и развитию производительных сил. При настоящих исторически создавшихся условиях, даже если описанный процесс расселения на языке Облстатбюро действительно соответствовал действительности, то и тогда он был не достаточен и его (расселение) необходимо было усилить. Данные показывают, что расселение идет в массе своей внутри своего уезда. Необходимо расселение сделать внутриобластным т.к. только оно действительно разрешит вопрос. Надо всячески содействовать заселению Печоры и некоторых еще не заселенных притоков Вычегды. Расселение даст могучий толчок развитию хозяйства, улучшит положение народа и даст выход из «вечного» тупика бедности, «оскудения», малоземельности, которые до сих пор не уничтожены и субъективно в чем мы начинаем быть виноватыми, благодаря нашему невниманию к этой проблеме» [39, с. 11].

Не менее острой для края стояла проблема убыли населения: «...не надо упускать из виду постоянную «утечку» населения в форме переселений. За это время большое число людей из этой территории переселилось в Сибирь, на Печору, на Урал и т.д. За это время происходили три войны, из них две невиданные в мире по числу истребленных людей и разрушений хозяйства и невиданный голод, которые значительно уменьшили число населения» [39, с. 8].

К числу достоинств работы следует отнести то, что автор пишет о необходимости регулирования миграционных процессов экономическими стимулами, отмечает важность донесения информации о местах, требующих заселения: «Свобода расселения не отрицает воздействия мерами экономической политики на

направление расселенческого русла. Нужно будет путем этих мер и поощрений направить расселение в такие районы, куда наиболее необходимо для развития производительных сил Области (скажем в верховья Печоры в связи с постройкой Печорско-Камского канала). Печора, несомненно, требует заселения, но переселяются из Вычегды (из Вишеры) только единицы. Переселения из Вычегды на Печору могут быть только при условии материальной помощи, долгосрочного кредитования, поощрения и широко и правильно поставленной информации о Печоре, т.к. население Вычегды мало что знает о Печоре. К тому же до сих пор не изучено, какие районы могут быть заселены и в каких из них наиболее благоприятные условия» [39, с. 10–11].

В заключительной части работы Сан-Антуас дает оценку колонизации области: «... колонизация Области при настоящих условиях не выдерживает никакой критики. Абсурдно, экономически пагубно и политически недопустимо, чтобы основное население переселялось из Области, а Область заселялась, хотя даже сомнительно, что могли придти большие массы колонистов «в наш благодатный край» [39, с. 12]. О последствиях колонизации Коми края с привлечением большого количества мигрантов достаточно полно сказано в работах Т.С. Лыткиной [13; 15; 16; 17; 18]. В них делается вывод о том, что коми оказались исключенными из освоения и распределения социально-экономических благ, получаемых от эксплуатации природных ресурсов.

Демографические исследования в Республике Коми

В 1944 г. в Коми АССР создается База академии наук на основе эвакуированных Карельского и Кольского филиалов АН СССР (с 1949 г. – Коми филиал АН СССР). В числе приоритетных научных направлений филиала значится и демография. Развитию демографической науки способствовало и то обстоятельство, что в 1960–1970-е гг. Республика Коми превращается в строительную площадку. Идет интенсивное освоение природных богатств: нефти, газа, угля, леса. Как следствие, остро встала проблема обеспечения промышленных строек и вводимых объектов нефтегазового и лесного секторов квалифицированными и образованными кадрами [6]. Требовалось научное обоснование потребности республики в трудовых ресурсах. Необходимо было знать, сколько трудовых ресурсов воспроизведет сама республика, а сколько необходимо будет привлечь из регионов России, из областей Союза ССР [47].

В этой связи встает вопрос о проведении демографических исследований в Коми АССР, о научном потенциале, который мог бы быть задействован на этом направлении. Организатором демографического направления стал проф. В.П. Подоплелов, которым был поставлен вопрос о разработке долгосрочных планов развития и размещения производительных сил в республике [56, с. 9–16]. Первые результаты исследований нашли отражение в отчетах: «Основные направления развития и размещения производительных сил Коми АССР на период до 1990 г. с учетом формирования Тимано-Печорского ТПК», «Концепция развития и размещения производительных сил Коми АССР на период 1976–1990 гг.».

К числу заслуг В.П. Подоплелова можно отнести построение таблиц смертности, разработанных совместно с А.И. Таскаевым и И.К. Косенко, которые позволили методом передвижек возрастов выполнить долгосрочные прогнозы численности и половозрастного состава населения. На тот момент для областей и автономных республик такие прогнозы не разрабатывались. Благодаря этим ученым были построены полные таблицы смертности и средней продолжительности ожидаемой жизни для Коми и Карельской АССР, Архангельской и Мурманской областей, Европейского Севера в целом [23].

С конца 1960-х гг. начинают выходить работы по демографии [21; 22]. В 1973 г. В.П. Подоплеловым защищается докторская диссертация: «Население и трудовые ресурсы как фактор развития и размещения производительных сил экономических районов (на примере Коми АССР)» – 08.00.04 – экономика районов СССР и зарубежных стран.

В 1980-х гг. демографические исследования, основанные на статистических данных, дополняются методическими инструментами социологической науки – анкетными опросами населения и опросами экспертов. Первое социологическое исследование по демографической тематике было проведено среди женщин Ижемского района в 1989 г. Основной научный интерес состоял в изучении репродуктивного поведения коренных женщин-коми [42].

Первые демографические исследования нашли свое практическое применение в хозяйственном проекте: «Комплексный план социально-экономического развития Ижемского района на период до 2010 года». Определяющее место в проекте занял первый том: «Население Ижемского района в переходный период к рыночной экономике». Большинство заложенных параметров/индикаторов развития Ижемского района были выполнены. С отдельными результатами проекта можно ознакомиться в опубликованных работах [5; 20; 42].

Для 1990-х гг. характерно то, что результаты демографических исследований начинают публиковаться в монографических работах: «Проблемы формирования населения Республики Коми, 1993» [53]; «Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми, 1994» [49]; «Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения, 1996» [26], «Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости, 1998» [48].

Особое место в изучении демографических процессов в Коми занимают две монографии: «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи), 2001» [40] и «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция, 2001» [55]. В данных работах обобщено развитие народонаселения Республики Коми с 1897 г. до конца XX в. Подробнее с этими и другими работами по демографии можно ознакомиться на персональном сайте автора: <http://vyfauzer.ru>.

Особо следует отметить совместный вклад историков и экономистов/демографов в изучение демографических процессов, начиная от первобытных стоянок до конца XX в. [1; 7–12; 24; 25; 27–38; 60–68]. С 2008 г. в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН издается научный журнал «Историческая демография», что способствует популяризации демографии как науки, доводит результаты демографических исследований до широкой российской общественности (<http://illhkomisc.ru/library/nauchnye-zhurnaly>).

Новой вехой в демографических исследованиях 1990–2000-х гг. стало изучение демографических процессов у финно-угорских народов. В опубликованных работах рассматривается демографическая динамика коми на фоне родственных финно-угорских народов [41; 54; 57; 58; 59].

Вклад демографии в развитие территории

В начале 1980-х гг. автором было обосновано предложение «расширить круг лиц, которым начисляется районный коэффициент; в частности, это должно было относиться к студентам и неработающим пенсионерам» [52, с. 21]. Данное предложение было законодательно закреплено в Постановлении Совмина РСФСР от 20.03.1991 № 162, установившем, что в районах и местностях, где применяются коэффициенты к заработной плате за проживание в тяжелых природно-климатических условиях, стипендии, пенсии и пособия выплачиваются с учетом коэффициентов, применяемых для работников непромышленных отраслей.

Был обоснован принципиально новый подход к формированию населения, созданию иной среды жизнедеятельности, отличной от старообжитых районов. Как результат, учеными ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН была предложена новая концепция освоения Севера России. Главный её лозунг: от освоения к обживанию.

В 1990-е гг. был сделан важный вывод: демографический потенциал, созданный в северных районах, является достаточным для дальнейшего развития производительных сил. Его сохранение в последующие годы позволило бы иметь на Севере постоянное население при минимальной внешней миграции высококвалифицированных кадров.

Было сделано обоснование, что при сложившемся развитии производительных сил и масштабах государственного инвестирования наиболее важных отраслей, Север является перенаселенным, и, в первую очередь, лицами пожилого возраста, что ведет, с одной стороны, к социальной напряженности, а с другой – к неэффективному использованию бюджетных средств по поддержанию социальной сферы.

Обоснована концепция формирования населения в северных районах, которая содержит ряд взаимосвязанных блоков: «экономика и хозяйство», «расселение», «экология», «региональная демографическая политика». Их последовательное раскрытие позволяет определить путь предпочтительного демографического развития Российского Севера. Предложенная концепция формирования населения учитывает этническую и историческую особенность половозрастного состава коренного населения, сырьевую направленность развития экономики, степень дискомфорта для проживания пришлого населения; в ней обосновывалось, что наличие депопуляционных процессов в районах Севера является крайне опасным социальным явлением, а отток дееспособного населения приведет к необратимым изменениям демографических структур. Это, в конечном счете, станет тормозом в развитии экономики не только северных территорий, но и экономики страны в целом [50, с. 8–9, 18].

Опыт освоения Российского и Зарубежного Севера позволил сделать вывод о том, что природные ресурсы, необходимые для экономики страны, должны осваиваться собственными производительными силами. Кроме того, наряду с ресурсной «кладовой», северные районы являются важнейшим экологическим и территориальным резервом для будущих поколений россиян.

Выявлена зависимость между системой расселения и эффективностью формирования населения; доказано, что учет демографических структур в разные периоды освоения при формировании системы расселения позволяет значительно повысить приживаемость новоселов [51, с. 178–183].

Показано, что миграционная убыль последних десятилетий привела к потере постоянного населения наиболее дееспособных возрастов, замене их представителями стран дальнего и ближнего зарубежья, где особое место занимают мигранты из Средней Азии и Закавказья. Обозначена проблема роста этнических диаспор, меняющих национальный состав населения северных территорий, устоявшийся уклад жизни местных сообществ, обеспеченность предприятий человеческими ресурсами необходимого качества. Высказано опасение, что, несмотря на положительный обмен населением со странами Средней Азии и Закавказья, отсутствие продуманной миграционной политики по отношению к этим государствам привело к снижению интенсивности миграции в Россию и ее северные регионы. Это свидетельствует о появлении негативной

тенденции, когда Россия становится непривлекательной страной в миграционном плане. Вызывает озабоченность рост миграционных настроений среди коренных жителей, что свидетельствует о продолжающемся отчуждении их от среды исконного обитания, не восприятия самой территории Севера, как «дома». Данные тенденции требуют продуманной миграционной политики, которая по-прежнему не сформулирована [16; 45].

Выявлено, что Север России перестал быть привлекательным местом как регион для постоянного или длительного проживания; раскрыто, что такой настрой у населения вызван экономической непривлекательностью, социальной дезорганизацией, потерей ряда льгот и гарантий, характерных для пионерного периода освоения. Предлагается проблему обеспечения отраслей народного хозяйства человеческими ресурсами решать вахтовым методом организации труда под контролем государства и региональных правительств [44; 46].

В Республике Коми создана своя демографическая школа

Наряду с широкой публикацией результатов демографических исследований в республике формируется своя школа демографов. Активно защищаются кандидатские и докторские диссертации. По специальности: 08.00.05 – экономика и управление народным хозяйством (специализация – экономика народонаселения и демография): Фаузер В.В. «Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР)» (1983 г., к.э.н.); «Проблемы демографического развития Российского Севера» (1996 г., д.э.н.); Попова Л.А. «Проблемы демографического развития семьи в Республике Коми» (1996 г., к.э.н.), «Особенности современного популяционного кризиса в северном полиэтничном регионе» (2005 г., д.э.н.); Рожкин Е.Н. «Этнические особенности демографического развития Республики Коми» (2002 г., к.э.н.); Клепиков Н.В. «Демографическая дифференциация потребительских предпочтений жителей северных городов» (2006 г., к.э.н.); Черных А.И. «Демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов в условиях всероссийской депопуляции» (2007 г., к.э.н.); Климочкина Н.И. «Формирование населения и использование его трудового потенциала в нефтегазовом секторе Республики Коми» (2007 г., к.э.н.); Макарова В.Н. «Экономические инструменты регулирования демографических процессов северного региона» (2009 г., к.э.н.); Фаузер В.В. «Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений» (2010 г., к.э.н.). По специальности: 22.00.03 – экономическая социология и демография: Лыткина Т.С. «Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации» (2005 г., к. соц. н.).

С 1983 г. демографические исследования получают официальную прописку и проводятся на регулярной основе в Отделе экономики Коми филиала АН СССР, а затем в Институте социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН: 1) в секторе «Воспроизводства населения и трудовых ресурсов», заведующие Подоплелов В.П. (1983–1988 гг.), Фаузер В.В. (1988–1992 гг.); 2) в отделе «Социальной демографии и проблем занятости», заведующий Фаузер В.В. (1992, 1995–1999 гг.); 3) в секторе «Социального менеджмента», заведующий Фаузер В.В. (1999–2003 гг.); 4) в лаборатории «Демографии и социального управления», заведующий Фаузер В.В. (2003 г. по н/в).

Источники и литература

1. Атлас Республики Коми. М., 2001.
2. Демографическая энциклопедия / Редкол.: А.А. Ткаченко, А.В. Аношкин, М.Б. Денисенко и др. М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. 944 с.
3. Демографический энциклопедический словарь / Редкол.: Д.И. Валентей (гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 608 с.
4. Друкер П. Ф. Задачи менеджмента в XXI веке. : Пер. с англ. Уч. пос. М.: Издательский дом «Вильямс», 2001. 272 с.
5. Забоева Н.Г. Продолжительность жизни населения Ижемского района Коми ССР // Социально-экономическое развитие районов Севера. Сыктывкар, 1991. С. 69–71 (Тр. Коми научного центра УрО АН СССР. № 119).
6. Задорожный В.Н., Залевский В.А., Фаузер В.В. Республика Коми: социально-экономическое развитие / Отв. ред. докт. экон. наук, проф. В.В. Фаузер. М.: Экон-информ, 2011. 150 с. (Б-ка менеджера. Вып. 20).
7. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000. 36 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 429).
8. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демография сельского населения Коми края // Столетний вклад Российской академии наук в становление и развитие сельского хозяйства на европейском Севере: перспективы использования достижений фундаментальной науки. Сыктывкар, 1999. С. 11–12.
9. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.
10. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал – 2001» в Республике Коми. Сыктывкар, 2004. С. 361–383.
11. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1, 2.
12. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1, 2.
13. Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003. 120 с.

14. *Ломоносов В.М.* Сочинения / Сост., предисл. и примеч. Е.Н. Лебедева. М.: Современник, 1987. 444 с. (Классическая библиотека «Современника»).
15. *Лыткина Т.С.* Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3. С. 33–47.
16. *Лыткина Т.С., Фаузер В.В.* Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 1 (84). С. 90–109.
17. *Лыткина Т.С.* Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 3. С. 144–151.
18. *Лыткина Т.С.* Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации: дис. ... канд. социол. наук. М., 2005. 177 с.
19. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / Жеребцов И.Л., Безносова Н.П., Вишнякова Д.В., Игнатова Н.М., Рожкин Е.Н., Фаузер В.В., Шабаяев Ю.П. Сыктывкар, 2014. 296 с.
20. *Подоплелов В.П., Загайнова Г.В.* Социально-демографические факторы формирования трудовых ресурсов в Ижемском районе Коми ССР // Социально-экономическое развитие районов Севера. Сыктывкар, 1991. С. 53–60 (Тр. Коми научного центра УрО АН СССР. № 119).
21. *Подоплелов В.П.* Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. 61 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 3).
22. *Подоплелов В.П.* Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР (по данным переписи 1959 г.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1969. 70 с.
23. *Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К.* Население Европейского Севера СССР (Смертность и продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1974. 450 с.
24. *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // Региональная демография. Выпуск первый. Сыктывкар, 2003. С. 72–79.
25. *Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Жеребцов И.Л.* Население Республики Коми на рубеже веков: исторический опыт и перспективы развития // XXI век: взаимодействие языков и культур (бесконфликтное существование). Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 1999. С. 45–52.
26. Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова, В.П. Подоплелов и др. Сыктывкар, 1996. 112 с.
27. *Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2005. 20 с.
28. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. 40 с.
29. *Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф., Жеребцов И.Л.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с.
30. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005. 376 с.
31. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Коми края (конец XV – XVI вв.) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 3–13.
32. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в Коми крае (XVII – начало XX в.) // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 99–104.
33. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Освоение территории Коми края и демографические процессы в XV – начале XX века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005. С. 479–481.
34. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Региональные и этнические особенности рождаемости и смертности в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. (к постановке проблемы) // Историческая демография. 2012. № 2. С. 41–44.
35. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Этнодемографические процессы на Европейском Северо-Востоке России во второй половине XX века // Формирование межэтнического согласия, построения толерантных отношений в молодежной среде в условиях многонационального общества и профилактики этнического экстремизма. Материалы конференции. Сыктывкар: КГПИ, 2012. С. 26–31.
36. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Central-Asian minorities in Russia in 21 century: Dynamics, structure and new areas for migration // Acta Historica Neosoliensia. Vedecký časopis pre historické vedy. 16/2013. Vol. 1–2. P. 200–204.
37. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Диаспоры среднеазиатских народов в России в XXI веке: новые векторы миграции // Теоретико-прикладные аспекты социально-экономического и политического развития стран Центральной Азии и СНГ. Алматы, 2013. Т. 1. С. 185–189.
38. *Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Влияние миграции на динамику этнической структуры населения в Республике Коми во второй половине XX – начале XXI веков: мусульманизация откладывается // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. М., 2014. Вып. 4. С. 264–268.
39. *Сан-Антус.* Заметки о народонаселении Коми области в связи с историей Коми (К вопросу о внутриобластном расселении) // Коми му. 1928. № 1. С. 7–12.
40. *Сквозников В.Н., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 202 с.

41. Фаузер В.В. Демографическое развитие финно-угорских народов: общие черты и специфические особенности // Социальная и демографическая политика. 2006. № 3. С. 40–51.
42. Фаузер В.В. Детность семьи и некоторые установки репродуктивного поведения // Социально-экономическое развитие районов Севера. Сыктывкар, 1991. С. 61–68 (Тр. Коми НЦ УрО АН СССР. № 119).
43. Фаузер В.В., Конакова О.И. Управление социальными процессами: учебное пособие. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета, 2012. 140 с.
44. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Вахтовый метод и демографический потенциал Российского Севера // Управленческие аспекты развития Северных территорий России: материалы Всерос. науч. конф. (20–23 октября 2015 г., Сыктывкар): в 4 ч. Сыктывкар: ГОУ ВО КРАГСнУ, 2015. Ч. 2. С. 302–307.
45. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2015. № 3. С. 151–168.
46. Фаузер В.В., Назарова И.Г. Российский Север: проблемы работающих вахтовым методом и государственная политика переселений // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ (электронный журнал). 2011. № 2.
47. Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. ред. Н.Д. Цхадая. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа. Вып. 13).
48. Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. 176 с.
49. Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми. Сыктывкар, 1994. 104 с.
50. Фаузер В.В. Проблемы демографического развития Российского Севера: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 1996. 34 с.
51. Фаузер В.В. Проблемы демографического развития Российского Севера: дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. М., 1996. 328 с.
52. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения в районах Севера (на примере Коми АССР): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1983. 22 с.
53. Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М.: Союз, 1993. 93 с.
54. Фаузер В.В. Прошлое и настоящее демографического развития финно-угорских народов // Здоровье, демография, экология финно-угорских народов. 2008. № 3–4. С. 27–36.
55. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.
56. Фаузер В.В. Социально-экономические и демографические исследования в Республике Коми в трудах В.П. Подоплелова // Социально-экономические, демографические и исторические исследования в Республике Коми. Сыктывкар, 2004. С. 9–6.
57. Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 3. С. 111–125.
58. Фаузер В.В. Финно-угорские народы в современном мире: демографическое измерение // Идентичность и изменяющийся мир: Материалы V Всемирного конгресса финно-угорских народов (Ханты-Мансийск, 2008). Сыктывкар, 2008. С. 150–165.
59. Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития / Отв. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2005. 24 с.
60. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Этнодемографические процессы в Коми в XX веке // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. 7–13.8.2000 Tartu. Tartu, 2001. Pars VII: Dissertationes sectionum: Folkloristika & Ethnologia. S. 491–499.
61. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Ethnodemographische Prozesse in der Komi Region im XX. Jahrhundert // Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum. 7–13.8.2000 Tartu. Tartu, 2000. Pars III: Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Folkloristika & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Genetica. S. 229–230.
62. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Русские в Коми крае: тысяча лет миграций // Финно-угорские народы: проблемы этнической и языковой идентификации. Сыктывкар, 1999. С. 36–38.
63. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Переписи населения // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. Т. 2. С. 424–425.
64. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Демографическое развитие Республики Коми // Человек на Севере в XXI веке: горное дело, ТЭК, экология, народонаселение. Сыктывкар, 2001. Ч. 1. С. 390–397.
65. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Этнодемографические процессы в Коми в XX – начале XXI века // Историческая демография. 2008. № 1. С. 77–85.
66. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н. Демографическая ситуация в Республике Коми // Историческая демография. 2009. № 2. С. 82–93.
67. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л., Фаузер Г.Н., Макарова В.Н. Особенности социально-демографических структур населения Республики Коми // Историческая демография. 2009. № 1. С. 82–95.
68. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения / Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2006. 184 с.

В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова*

Российская эмиграция и комплексы документов зарубежной архивной России

В статье рассматривается влияние российской эмиграции, возникшей после октября 1917 г. на формирование комплексов документов зарубежной архивной России, эмигрантских архивов, географию их размещения.

Ключевые слова: российская эмиграция, зарубежная архивная Россия, документальные источники

V.L. Gentshke, I.V. Sabennikova

Russian emigration and array of foreign archives Rossika

The article considers the influence of the Russian emigration evolved after October 1917. The impact on development and formation of Russian emigrants' archives, their geographic location.

Key words: Russian emigration, foreign archives Rossika, documents' sources

Российскую эмиграцию можно условно разделить на три периода: до 1917 г.; после Октябрьской революции и до середины 1980-х гг.; с начала перестройки и до настоящего времени. Особый интерес у исследователей вызывают политические эмиграции, отличающиеся специфическими особенностями. Представители политической эмиграции были в составе дореволюционной эмиграции, эмиграции вызванной Второй мировой войной, а также эмиграции конца 1970-х гг., так называемой диссидентской.

Рассмотрим российскую постреволюционную, наиболее массовую политическую эмиграцию, в плане создания архивов русского зарубежья с целью сохранения национальной памяти. Массовая эмиграция российских граждан, начавшаяся после октября 1917 г. и интенсивно продолжавшаяся до начала 1920-х гг., вывела за пределы России около 2 млн. чел., в основном беженцев, а не депортантов, разных сословий и возраста, с преобладанием этнических русских. После этого общая численность этой эмиграции оставалась относительно постоянной, но непрерывно менялось ее распределение по странам. В 1920-х гг. Лига Наций, Международный Красный Крест и Международное Бюро труда пытались определить численность русских беженцев, но полученные данные весьма разнились – от 750 тыс. до 2,5 млн. [1]. Подсчеты не учитывали беженцев, живущих в Америке, Африке, Австралии, части Азии.

Русская эмиграция создала несколько крупных диаспор и культурных центров. Наиболее заметные находились в Западной Европе (Франция и Германия), в славянских странах (Чехословакия, Югославия, Болгария), в приграничных государствах (Польша, Балтика), на Дальнем Востоке (Китай). Период их существования был относительно недолгим (около 20 лет). Эмиграция приобрела некую организационную структуру, объединявшую ее составные части. Бывшие русские консульства за рубежом выполняли функции правовых учреждений, Земско-городской комитет (Земгор) стал продолжением российского земского самоуправления, сложились сеть профессиональных военных и гражданских организаций, учебных заведений, периодическая печать. Действовали политические партии и объединения. В то же время она не была монолитной, ее раскалывали идейно-политические разногласия.

Эмигранты, хлынувшие в страны мира, попадали в разную политическую и правовую среду, что создавало многообразие поведенческих вариантов и способов адаптации. Процесс интеграции и социокультурной адаптации русских беженцев в различные социальные условия европейских стран и Китая в основном завершился к 1939 г., когда большинство эмигрантов убедилось в невозможности возвращения на родину, а начавшаяся Вторая мировая война вызвала новую эмиграцию, в том числе вторичную.

Формирование русского зарубежья на Американском континенте, в первую очередь в США, шло постепенно, отличаясь от других регионов. Основу заложила экономическая эмиграция начала XX в. Другой

* **Гентшке Валерия Львовна** (Москва) – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, vlgent@mail.ru; **Сабенникова Ирина Вячеславовна** (Москва) – доктор исторических наук, заведующий сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, sabennikova@mail.ru.

частью стали беженцы, прибывшие в США после 1917 г., принесшие специфические особенности и запросы русских постреволюционных эмигрантов. В США в 1920 г. было зарегистрировано 732 тыс. чел. (0,7% от всего населения страны), которые отнесли себя к русским, а к концу 1930-х гг., после эмиграции русских с Дальнего Востока и из стран Европы, их число увеличилось до 1 млн. чел. (0,9%). [2] После Второй мировой войны, в результате расширения социалистической политической системы, многие эмигранты, жившие ранее в странах Восточной Европы и Китая, вынуждено вторично эмигрировали в США, в меньшей степени – в другие страны. К ним присоединилась и часть эмиграции, возникшей в ходе этой войны, так называемые ди-пи (Displaced Persons – перемещенные лица). Позже в США активно прибывали и участники последующих эмиграционных потоков из России. Ныне вне пределов России проживает, по различным оценкам, от 35 до 45 наших соотечественников. Из них около 25 млн. – этнические русские [3].

Русская эмиграция, в основном постреволюционная, ставившая своей стратегической целью возвращение в Россию, оставила потомкам богатое документальное наследие. Именно оно в значительной степени формирует современную Зарубежную архивную Россию, включающую в себя источники различного содержания и происхождения. Это документы, созданные на территории России и вывезенные за рубеж или созданные бывшими россиянами в эмиграции, документы посольств, консульств Российской империи, оставшиеся вне ее пределов после 1917 г., и т.п. Карта их размещения во многом зависит от географии размещения эмигрантов.

Документы российской эмиграции отложились в государственных архивах многих стран мира (Национальный архив США, Вашингтон; Национальный архив Финляндии, Хельсинки и т.д.); в архивных фондах университетов, музеев, библиотек (Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса; Литературный Архив Музея национальной письменности в Праге и т.д.); в архивах научных, общественных организаций (Архив истории общества Макса Планка и т.д.); в архивах религиозных организаций (Архив Свято-Троицкой семинарии, Джорданвилль, США и т.д.); в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами (Музей русской культуры в Сан-Франциско и т.д.); в архивах различных эмигрантских организаций, находящихся у них, в личных архивах эмигрантов и их потомков (Архив Толстовского фонда в Вэлли Коттедж, США; Личное собрание А. Копршиковой-Вуколовой, Чехия и т.д.); в различных фондах (Фонд «Russia Cristiana», Италия и т.д.) [4].

Архивы российской эмиграции представляют собой структуру, для которой характерно чрезвычайное многообразие организационных форм (архивы, музеи, коллекции, смешанные, трансформирующиеся формы), многоуровневость (общеэмигрантские архивы например, Русский Заграничный Исторический Архив – РЗИА, архивы отдельных партий, политических, общественных и профессиональных, военных, учебных организаций и объединений, частные архивы и коллекции) и открытость, т.е. постоянная пополняемость новыми документами и возможность объединения с другими архивами в качестве самостоятельной единицы (при соблюдении недробимости фондов).

Эмигранты, понимая важность сохранения документального наследия русского зарубежья, много сделали для этого: создавали музеи, архивы, библиотеки, собравшие уникальные свидетельства жизни «второй России». К концу 1930-х гг. вне СССР существовало более 20 таких организаций в Париже, Белграде, Варне, Харбине и т.д. Позднее к ним добавились архивы, музеи, созданные после Второй мировой войны [5].

Крупнейшим являлся РЗИА (Прага), начавший работу с 1923 г. С 1924 г. он был подчинен МИД Чехословацкой республики и ассигновался правительством Масарика. Архив приобретал рукописи, документы, книги, журналы, газеты, проводил научную экспертизу. Фонды РЗИА содержали сведения о деятельности различных эмигрантских учреждений, организаций, объединений, редакций изданий, личные фонды деятелей российской эмиграции и охватывали широкую географию их нахождения. Для ведения научной работы при руководстве архива была создана комиссия экспертов под руководством проф. А.А. Кизеветтера. В 1925 г. архив имел 14 эмиссаров в различных центрах русской эмиграции. Основные направления сбора и хранения документов отразились в структуре фондов архива. В 1925 г. он включал семь основных подразделений: библиотека, журнальный фонд, газетный фонд, фонд рукописей, фонд исторических материалов, иконографический фонд, фонд денежных знаков. В годы оккупации Чехословакии Германией РЗИА оказался под контролем МВД фашистского рейха. После окончания Второй мировой войны эмигрантские архивы были вывезены в СССР. О том, какое значение придавалось им, говорит то, что руководство НКВД об обнаружении РЗИА докладывало лично Сталину [6].

События Второй мировой войны и послевоенное строительство социализма в Восточной Европе, советская политика на Дальнем Востоке привели к катастрофическим потерям эмигрантских библиотек, архивов и частных коллекций. Среди утраченных П.Е. Ковалевский назвал русскую библиотеку в Белграде, Тургеневскую общественную библиотеку, библиотеки П.Н. Милокова, П.Л. Апостола, Архив Земско-Городского Союза, РЗИА в Праге, Рубакинскую библиотеку-архив в Лозанне, Приходскую библиотеку Св. Владимирского Братства в городе Тегель под Берлином, и др. Основанное в 1945 г. Д.П. Рябушинским Общество охра-

нения Российских культурных ценностей за рубежом разыскивало русские архивы [7]. Найденные документы передавались в Национальный Архив Франции, в Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса (с крупнейшим собранием документов русской эмиграции в Великобритании).

Решение вопроса о создании нового общественного архива документов русской эмиграции в США в послевоенный период было ускорено передачей РЗИА СССР, вопреки договору между чешским правительством и эмиграцией (от 31 марта 1928 г.). Данный факт рассматривался эмиграцией как поражение и заставлял искать новые, более надежные центры хранения документации. Таким архивом, гарантировавшим сохранность документов и недробимость фондов, стал Музей русской культуры в Сан-Франциско (основан в 1948 г.). Документы архива могут быть объединены в группы: документы по русской революции и гражданской войне, прежде всего, в Сибири и на Дальнем Востоке; документы по русско-японской и Первой мировой войнам; история русской эмиграции (архивы различных организаций и обществ); личные архивы представителей эмиграции; воспоминания; документы Российской Духовной Миссии в Пекине; документы, связанные с КВЖД в Маньчжурии; материалы, относящиеся к жизни русских эмигрантов во всем мире, материалы о жизни Императорской Фамилии Романовых до их последних дней в Сибири; материалы, о жизни в России до революции [8].

Архив российской и восточноевропейской истории и культуры (Бахметевский архив) был создан в 1951 г. как самостоятельное учреждение под общим руководством Библиотеки Колумбийского университета, для хранения документов из России и Восточной Европы, оказавшихся за границей после революции 1917 г., Гражданской войны, а также в дальнейшем. Инициатором его создания выступил Б.А. Бахметев – бывший посол Временного правительства в Вашингтоне, проф. Инженерной школы Колумбийского университета. Фонды архива в русской части подразделяются на три группы, каждая из них содержит документы частных лиц и организаций. Первая группа – это документы видных литературных деятелей русской эмиграции или имеющие к ним отношение (М. Алданов, И. Бунин, А. Ремизов, М. Цветаева и др.). Здесь же материалы деятелей музыки, балета, театра, ученых, литературных критиков и журналистов. Вторая группа – документы учреждений и организаций. Прежде всего это эмигрантские благотворительные и профессиональные организации из Франции, такие как Союз писателей и журналистов, ассоциации членов войсковых союзов (включая Российский общевоинский союз – РОВС), Комитет просвещения российской молодежи за границей и т.п. Сюда входят и документы церковных организаций, мирских и духовных деятелей, участвовавших в русской церковной жизни за границей. Имеется несколько фондов (часть из них личного происхождения), относящихся к основным политическим партиям России. Широко представлены мемуары общественных, государственных деятелей, лидеров политических партий, участников войн. Собрание документов третьей группы было хронологически продолжено приобретением материалов, принадлежавших так называемым ди-пи или созданных ими. Они предоставляют информацию о ситуации в СССР в предвоенные и военные годы. В основном это мемуары и интервью, записанные в связи исследовательскими проектами в 1950-е гг.

Особый интерес, в смысле богатства документов, вызывают коллекции Архива Гуверовского института войны, революции и мира (основан в 1919 г. Г. Гувером), существующего в системе университета Стенфорда. Его цель – коллекционирование материалов, относящихся к Первой мировой войне и ее последствиям. Ныне архив – это крупный исследовательский центр, одно из крупнейших зарубежных хранилищ документов по истории России исследуемого периода. Подавляющая часть русских коллекций была доверена архиву эмигрантами. В нем хранится около 50 млн. документов, из них 12,5 млн. – на славянских языках. Это документы аналитического плана, содержащие сведения о численности и положении русской диаспоры в мире, документы, характеризующие выдающихся ее представителей. Уникальна коллекция архивиста и коллекционера, бывшего меньшевика, эмигранта Бориса Николаевского. В нее включены документы политических партий, известных политических деятелей (Л. Троцкий, И. Церетели и др.), материалы, относящиеся к русской культуре [9].

Важные документы имеются и в архивах других учебных заведений мира: Архив Центра российской культуры при колледже г. Амхерст (США); Библиотека университета штата Квинсленд (Австралия); Библиотека Университета Васэда (Япония) и др.

Анализируя процесс создания коллекций, картину размещения документальных комплексов, их состав, отметим, что направления эмиграционных потоков, особенности формирования основных центров русской эмиграции оказали непосредственное влияние на состав и функционирование архивов российского зарубежья. Очевидно, что эмигрантские архивы возникли как отражение глубокой потребности в осмыслении русским зарубежьем своего места в мировой цивилизации, как стремление преодолеть кризис культурной и национальной идентификации в сложных условиях тех лет. В этом качестве они сыграли важнейшую роль в обеспечении преемственности всей русской культуры, разорванной революцией и десятилетиями авторитарного режима. В них отразились культурные и научные достижения эмиграции как целостной системы, деятельность основных ее политических центров, осмысление положения в России.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5764. Оп. 1. Д. 89. Л. 3.
2. Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: БЛИЦ, 1996. С. 30–31.
3. Справочник российского соотечественника. М.: Дрофа, 2004. С. 3, 10.
4. Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россия: география размещения, выявление, публикация источников. М.: Новый хронограф, 2014. С. 23–24.
5. Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 1966. 125 с.
6. Павлова Т.Ф. Архивы российской эмиграции // Проблемы изучения истории русского зарубежья. Сборник статей. М.: Институт Российской истории РАН, 1993. С. 78.
7. Ковалевский П.Е. Русские культурные ценности за границей // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. Сан-Франциско: Музей русской культуры, 1966. С. 78–85.
8. Волкова И.В. Документы русской эмиграции в Сан-Франциско // Отечественные архивы. 2002. № 2. С. 48.
9. Даниельсон Е. Архивы русских эмигрантов в Гуверовском институте // Вестник архивиста. 2001. № 1(61). С. 202–211.

А.М. Мацук*

Новый документ по демографии Коми АССР начального периода Великой Отечественной войны

В статье приводится описание и текст нового документа по демографии Коми АССР, обнаруженного в Национальном Архиве Республики Коми. Кроме того, проведено сравнение данных обнаруженного документа с данными, опубликованными ранее.

Ключевые слова: демография, Коми АССР, новый документ

A.M. Matsuk

New document on demography of the Komi ASSR of the initial period the Great Patriotic War

The article provides a description and text of the new document on the demography of the Komi ASSR, discovered in the National Archives of the Republic of Komi. In addition, a comparison of data of a document with data previously published.

Key words: demography, Komi ASSR, new document

В Национальном архиве Республики Коми, в его хранилище № 2 (бывший Партийный архив Коми обкома КПСС) нами обнаружен документ под названием «Численность населения Коми АССР на 1/XII – 1941 года» [1]. Насколько нам известно, ранее этот документ не публиковался в научной литературе. Документ был составлен, судя по почерку, начальником сектора населения и здравоохранения Статистического Управления Коми АССР Жеребцовой. Документ на одном листе с оборотом. Состоит из заголовка (названия), таблицы и двух примечаний. Таблица расчерчена карандашом. Она состоит из двух граф: 1. Наименование районов; 2. Количество населения. Документ заполнен от руки чернилами перьевой ручкой. Документ скреплен подписями Начальника Статуправления Коми АССР (подпись неразборчива) и Начальника сектора населения и здравоохранения Жеребцовой.

Данный документ находится в деле, составленном сотрудниками военного отдела Коми обкома ВКП (б). Название дела: «Информация райкомов ВКП(б), Наркомзема Коми АССР о состоянии фондовых лошадей и технической готовности автомашин и тракторов для поставки в Красную Армию». Дело начато 1 января 1941 г., окончено 13 декабря 1941 г. Объем дела – 64 листа. Обнаруженный нами документ находится в начале дела под номером 1.

Текст документа:

(Л. 1)

Численность населения Коми АССР на 1/XII – 1941 года

Наименование районов	Количество населения
Гор. Сыктывкар	34641
Прилузский р-н	20320
Летский	14353
Сысольский	30883
Сыктывдинский	27325
Сторожевский	18009
Удорский	15228
Устьцилемский	17842
Ижемский	25958
Тр(оицко -) Печорский	9249

* **Мацук Александр Михайлович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археографии и публикации документов по истории освоения Европейского Севера России Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, almatsuk@gmail.com.

Устькуломский	34585
Корткеросский	13527
Устьвымский	27463
Устьусинский	13566
Железнодорожный	21393
Ухтинский	21352
Кожвинский	12652
Итого	358346

Примечание: 1) Сведения показаны по исчислению естественного и механического движения населения являющиеся как ориентировочные.

2) По Кожвинскому району сведения взяты по пе // (Л. 1 об.) реписи населения 1939 года, плюс механическое движение (за. – А.М.) VII – XI м-цы (месяцы. – А.М.) и естественное движение населения за м-цы (месяцы. – А.М.) X – XI – 1941 г.

Подписи.

Итак, статистики принимали во внимание как естественное, так и механическое движение населения, поэтому данный документ показывает новые данные по народонаселению республики по сравнению с переписью 1939 г.

Теперь сравним данные, приведенные в публикуемом нами документе (1 декабря 1941 г.), с данными, опубликованными в работе Н.П. Безносовой за начало 1941 – начало 1942 гг. [2]. Для этого сведем данные, выявленные нами, и данные, приведенные Н.П. Безносовой в ее работе (табл. 1).

Таблица 1
Сравнительные данные по численности населения Коми АССР в начале 1941 – начале 1942 гг.

Год	Численность населения Коми АССР (всего, тыс. чел.)
Нач. 1941	342,1
1.12.1941	358,4
Нач. 1942	380,3

Источники: Безносова Н.П. *Население Республики Коми в годы Второй Мировой войны (1939–1945)*. Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2014. С. 11; НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 832. Л. 1.

Как видно из табл. 1, данные, полученные нами из исследуемого документа, дополняют данные, ранее опубликованные исследователями вопроса народонаселения Коми АССР в годы Великой Отечественной войны.

Сравним также данные о численности населения районов Коми АССР, приведенные в данном документе, с данными, опубликованными Н.П. Безносовой в ее статье «Половозрастная структура населения Республики Коми в годы войны (1941–1945 гг.)» [3]. Так как в обнаруженном нами документе только город Сыктывкар выделен отдельно, то для более точного сравнения данных по районам республики мы объединили данные, представленные Н.П. Безносовой по районам и городам

в табл. 1 и 2 ее статьи. В результате сравнения данные объединены нами в табл. 2, в которой также проведен подсчет прироста населения в процентах.

Таблица 2

Сравнительные данные по численности населения районов и столицы Коми АССР за период 01.01.1941 – 01.12.1941 г.

Наименование районов	Количество населения		Прирост населения
	01.01.1941	01.12.1941	
г. Сыктывкар	32476 (27342+5134)	34641	6,7%
Прилузский р-н	19751	20320	2,9%
Летский	13816	14353	3,9%
Сысольский	29929	30883	3,2%
Сыктывдинский	26754 (25545+1209)	27325	2,1%
Сторожевский	15834	18009	13,7%
Удорский	15060	15228	1,1%
Усть-Цилемский	16501	17842	8,1%
Ижемский	23499	25958	10,5%
Троицко-Печорский	8559	9249	8,1%
Усть-Куломский	29532	34585	17,1%
Корткеросский	13357	13527	1,3%
Усть-Вымский	27185	27463	1%

Наименование районов	Количество населения		Прирост населения
	01.01.1941	01.12.1941	
Усть-Усинский	12575 (11205+1370)	13566	7,9%
Железнодорожный	25507 (18560+6947)	21393	-16,1%
Ухтинский	11880 (4154+7726)	21352	79,7%
Кожвинский	9809	12652	29%
Итого	332024 (287430+44594)	358346	7,9%

Источники: Безносова Н.П. Половозрастная структура населения Республики Коми в годы войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). Сыктывкар, 2010. С. 51, 53 (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 67); НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 832. Л. 1.

Из табл. 2 наглядно видно, как в течение 1941 г. изменилась численность населения г. Сыктывкара и районов Коми АССР. В разрезе прироста населения четко выделяются несколько районов-«лидеров», в первую очередь, это Ухтинский район (прирост около 80%), Кожвинский (прирост 29%), Усть-Куломский (17,1%), Сторожевский (13,7%) и Ижемский районы (10,5%). Также отмечены районы с наименьшим приростом населения, такие как Корткеросский (1,3%), Удорский (1,1%) и Усть-Вымский (1%). Отдельно стоит отметить Железнодорожный район, где отмечен не прирост, а убыль населения более чем на 16%. Всего же по республике, по имеющимся данным, прирост населения в обозначенный период составил 26 322 чел., или 7,9%.

Таким образом, новый документ позволяет в определенной мере расширить диапазон имеющихся статистических данных по численности населения районов Коми АССР, а также внести дополнения в проведенные ранее подсчеты.

Источники и литература

1. НАРК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 832.
2. Безносова Н.П. Население Республики Коми в годы Второй Мировой войны (1939–1945). Saarbrücken, LAP Lambert Academic Publishing, 2014. С. 11.
3. Безносова Н.П. Половозрастная структура населения Республики Коми в годы войны (1941–1945 гг.) // Советский тыл в годы Великой Отечественной войны (по материалам Коми АССР). Сыктывкар, 2010. С. 51, 53. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 67).

Н.В. Чернышева*

Переселенческая политика и ее реализация в Кировской области в 1945–1967 гг.: источниковедческий анализ**

Статья посвящена переселенческой политике и ее реализации на территории Кировской области в 1945–1967 гг. Автор дает анализ видам и группам источников, позволяющим изучить переселенческую политику в регионе-выхода.

Ключевые слова: переселенческая политика, миграция населения, Кировская область, исторические источники

N.V. Chernysheva

Resettlement policy and its implementation on the territory of the Kirov Region in 1945–1967: the source analysis

The article is devoted to the Soviet resettlement policy and its implementation on the territory of the Kirov Region in 1945–1967. The author gives an analysis of the types and groups of sources, allows you to explore resettlement policy in the region-exit.

Key words: resettlement policy, population migration, Kirov region, the historical sources

Для изучения советской переселенческой политики использовался комплекс опубликованных и неопубликованных источников. Подробный анализ источников, осуществляемого в СССР в 1940–1960-е гг. сельскохозяйственного переселения, представлен в работах Л.В. Зандановой, С.А. Пискунова, О.В. Горбачева и др. [1–3]. Однако в большинстве работ по проблемам переселения делается акцент на регионы-вселения. Источники изучения переселенческой политики в регионах-вселения не дают полной картины, так как содержат в основном информацию о вселении, последующем устройстве и адаптации переселенцев. В данной статье будет дана попытка источниковедческого анализа (виды и группы источников) проводимой переселенческой политики региона-выхода (Кировской области).

Изучение переселенческой политики невозможно без привлечения сведений, опубликованных в статистических сборниках. К таким источникам можно отнести опубликованные данные переписей населения СССР и РСФСР 1939 и 1959 гг.; статистические сборники и ежегодники «Народное хозяйство РСФСР» за изучаемый период, а также статистические сборники, обобщающие историю региона (Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность. Киров, 2000 г.; 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области. Киров, 1996 г. и пр.) [4–11]. Последние содержат общие сведения о населении, административно-территориальных изменениях, трудовых ресурсах региона.

Нормативно-правовой материал включает различные указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления, распоряжения, приказы ЦИК СССР, СНК СССР и ЦК ВКП (б), а после проведения реформ в системе государственного управления – Совета Министров СССР и Совета Министров РСФСР. Указанная выше группа источников содержится в следующих опубликованных документах и материалах: Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов в 4 томах. Т. 2. 1929–1945 гг. (М., 1957 г.); Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. (М., 1967–1968 гг.); Твердов А. А. Льготы для переселенцев (М., 1961) и др. [12–14].

Современные электронные ресурсы позволяют использовать в открытом доступе нормативные документы изучаемого периода, главным образом компании Консультант плюс, а также статистические документы проекта «Исторические материалы» [15–16].

В качестве отдельных видов источников стоит отметить опубликованные издательствами ведомственных органов плакаты и памятки. В местных издательствах печатались памятки о переселении, например: «Пере-

* **Чернышева Наталья Викторовна** (Киров) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры отечественной истории и этнологии Вятского государственного университета, natiche84@mail.ru.

** Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, номер проекта МК-6607.2016.6.

селяйтесь в наш лесной край» (Вологда, 1956 г.), «Переселяйтесь в колхозы Томской области» (Томск, 1956 г.), «Переселяйтесь в колхозы Калининградской области» (Калининград, 1967 г.) и др. [17–19]. Такого рода источники выявлены в фондах центральных и региональных архивов, а также в библиотечных фондах (например, Российской государственной библиотеке).

Широкий круг информации содержат периодические издания того времени. Проведенный анализ данных источников позволяет отметить, что во всесоюзных и местных газетах («Правда», «Труд», «Кировская правда», «Комсомольское племя») имеется лишь общая информация о переселенческой политике (главным образом публикации нормативных актов, широкое освещение целинной кампании) [20–21]. В районных газетах чаще всего встречаются опубликованные письма и заметки переселенцев о «новой» жизни.

Наиболее полную картину позволяют дать сведения центральных и региональных архивов.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) имеются фонды Главного переселенческого управления при Совете Министров РСФСР и его предшественников (Ф. А-327), Главного управления организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР (Ф. А-373), Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР (Ф. А-518), Комитета по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР (Ф. Р-9517), а также Совета Министров РСФСР (Ф. А-259) и Совета Министров СССР (Ф. Р-5446). В них содержатся положения, приказы и иная делопроизводственная переписка, планы и отчеты о переселении по стране в целом, республикам, краям и областям и пр. Имеются дела с письмами и обращениями переселенцев, что позволяет представить не только официальную картину, но и взгляд самих переселенцев, а также письма руководителей слабозаселенных районов и районов-выхода, которые описывают и анализируют ситуацию на управляемых ими территориях [22].

Материалы Учреждений по руководству переселением в СССР представлены фондом 5675 Российского государственного архива экономики (РГАЭ), а также фондом Государственного планового комитета Совета Министров СССР (Ф. -4372). Данные фонды также содержат разнообразные документы, освещающие работу органов и учреждений, осуществляющих переселение [23].

Основной объем архивных дел содержится в фондах архивов Кировской области. Главным образом это документы по организации переселения, документы личного происхождения и документы, определяющие социально-экономические проблемы региона. Большинство документации, касающейся деятельности местных органов власти – Исполнительного комитета Кировского областного совета народных депутатов (Ф. Р-2169), районных исполнительных комитетов, находится в фондах Государственного архива Кировской области (далее – ГАКО) [24]. Фонды местных органов управления сельскохозяйственным переселением также хранятся в ГАКО. В фонде Р-3071 отложились документы переселенческого отдела Кировского облисполкома (1945–1953 гг.), переселения и организованного набора рабочих Кировского облисполкома (1956–1967 гг.).

Среди документов райисполкомов о сельскохозяйственном переселении назовем характеристики, заявления граждан и решения по ним райисполкомов, справки сельсоветов о трудовых показателях заявителей (количество выработанных трудодней, отсутствие задолженности по налогам), медицинские справки о состоянии здоровья, ведомости выдачи переселенческих билетов, списки переселенцев, ведомости на выдачу денежных пособий. Заявления о переселении в основном стандартные, мотивы редко приводятся либо указываются формально, например, у заявителя есть желание переселиться; могут приводиться доказательства политической благонадежности. Анкеты переселенцев содержат зачастую стандартные ответы; встречаются письма граждан с просьбой пересмотреть отказ в переселении. К документам личного происхождения можно отнести и заявления о возвращении, письма переселенцев и пр.

Для понимания социально-экономической ситуации в регионе и последствий трудовых миграций, в том числе и переселения важны документы Кировской областной плановой комиссии (Ф. Р-2756), содержащие комплексную экономическую характеристику Кировской области и г. Кирова.

Решению этой задачи способствуют и документы Кировского областного комитета государственной статистики (Ф. Р-2344):

1) Годовые отчеты Облстата о механическом движении населения за интересующий период сохранились достаточно полно. Первичным массовым документом, на основе обработки которого получали сведения о мигрантах, служили отрывные талоны адресных листов, заполнявшиеся в паспортных столах или сельсоветах. Кировский облстат формировал отчет по полным и сокращенным программам Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. Отчеты включали следующие данные: города и области СССР, откуда и куда прибывали жители области, количество прибывших/выбывших (из города, сельской местности, неизвестного места, общее число прибывших/выбывших). Отдельно подсчитывалось количество выбывших и приехавших из-за границы.

В отчетах есть так же сведения о распределении прибывших и выбывших из области по полу и возрасту. Группировка учитываемых возрастов с течением времени изменялась.

Дополнительным источником могут служить данные единовременного учета о возрастном и половом составе сельского населения по районам области по состоянию на 1 января каждого года.

2) Балансы трудовых ресурсов Кировской области отложились в фонде Облстата, начиная с 1961 г. Баланс содержит данные обо всех трудовых ресурсах области, в городах и сельской местности отдельно по следующим разделам: общее число, распределение трудовых ресурсов рабочих и служащих по отраслям хозяйства, колхозников по занятости в отраслях, остального занятого населения в трудоспособном возрасте (единоличники, некооперированные кустари и др.), учащихся в возрасте 16 лет и старше, обучавшихся с отрывом от производства, трудоспособного населения, занятого в домашнем и личном хозяйстве.

В Государственном архиве социально-политической истории Кировской области имеются архивные документы следующих фондов. Уполномоченный партийного контроля при ЦК ВКП (б) по Кировской области (Ф. П-1291) – фонд содержит справки о мобилизации и использовании рабочей силы, переписку с органами, осуществляющими переселенческую политику.

Кировский обком КПСС (Ф. П-1290) – фонд содержит разноплановые документы, затрагивающие вопросы использования труда жителей Кировской области. К таким документам можно отнести: отчеты Обкома партии, руководящие указания Совмина СССР, протоколы совещаний, приказы, докладные записки о переселении, делопроизводственная переписка с Совмином СССР и ЦК партии и пр.

Фонды Кировского сельского обкома КПСС (Ф. П-6281) и Кировского промышленного обкома КПСС (Ф. П-6282) содержат руководящие указания, постановления ЦК КПСС, переписку с Совмином СССР, справки партийных органов за период с 7 декабря 1962 г. по 25 ноября 1964 г.

В ГАСПИ КО имеется фонд Кировского обкома ВЛКСМ (Ф. П-1682). Документы фонда содержат информацию (в том числе и фотодокументы) об участии молодежи в освоении целинных и залежных земель. В фонде Обкома ВЛКСМ также имеются документы личного происхождения: заявления молодежи с просьбой отправить их на целину, письма участников целинной кампании и фотодокументы [25].

Анализ фондов позволяет говорить, что основными источниками изучения переселенческой политики являются делопроизводственные документы, представленные:

- организационными документами (положения об отделах, занимающихся сельскохозяйственным переселением, их штатными расписаниями и др.);
- распорядительными документами (решения, распоряжения центральных и местных органов власти, циркулярные письма о наборе, планировании и учете работы по переселению);
- организационно-распорядительными документами (протоколы, стенограммы заседаний Кировского областного комитета ВКП (б)–КПСС, Кировского областного исполнительного комитета);
- планово-отчетной документацией (планы набора, переселения союзных, республиканских и местных органов власти, отчеты, сведения об их выполнении);
- документами статистики.

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить следующие виды источников: опубликованные статистические сборники; опубликованные нормативно-правовые акты; плакаты, памятки и другая организационно-распорядительная документация; периодическая печать; неопубликованные делопроизводственные документы центральных и местных партийных и исполнительных органов власти; документы личного происхождения.

Источники и литература

1. Горбачев О. В. Миграция сельского населения Центрального Нечерноземья, 1945–1985 гг.: Дис. ... д-ра ист. н. М., 2003. 472 с.
2. Занданова Л. В. Переселение крестьянства в азиатскую Россию (конец 40-х – сер. 60-х гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 1997. 158 с.
3. Пискунов С. А. Государственная политика переселения в земельные районы Дальнего Востока (сер. 1940–1960-х гг. XX века). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 198 с.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР / Ред. Ю.С. Чупрова. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
5. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Сводный том / Ред. А.А. Слемзин, В.А. Солдатов. М.: Госстатиздат, 1962. 284 с.
6. Народное хозяйство РСФСР. Статистический сборник. 1956 г. М.: Госстатиздат, 1957. 380 с.
7. Народное хозяйство РСФСР в 1960 году. Статистический ежегодник. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1961. 903 с.
8. Народное хозяйство РСФСР в 1963 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1964. 600 с.
9. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1966. 616 с.
10. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность: историко-статистический сборник. Киров: Киров. обл. комитет гос. статистики, «Триада-С». 2000. 680 с.
11. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области: стат. сборник. Киров: ГИПП Вятка, 1996. 448 с.

12. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. В 4 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2: 1929–1945 гг. 888 с.
13. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 3. 1941–1952 гг. / Сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Изд-во полит. лит., 1968. 751 с.
14. *Твердов А. А.* Льготы для переселенцев. М.: Госюриздат, 1961. 40 с.
15. Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru>.
16. Проект «Исторические материалы». URL: <http://istmat.info>.
17. Переселяйтесь в колхозы Калининградской области. Калининград: Калининград. кн. изд-во, 1967. 55 с.
18. Переселяйтесь в колхозы Томской области. Томск: Томское кн. изд-во, 1956. 34 с.
19. Переселяйтесь в наш лесной край. Вологда: Вологодское кн. изд-во, 1956. 48 с.
20. Областное управление трудовых резервов // Кировская правда. 1957. № 143. 19 июля. С. 4.
21. Отдел переселения и организованного набора рабочих // Кировская правда. 1957. № 213. 25 окт. С. 4.
22. Государственный архив Российской Федерации.
23. Российский государственный архив Российской Федерации.
24. Государственный архив Кировской области.
25. Государственный архив социально-политической истории Кировской области.

И.Л. Жеребцов*

Историография работ по демографии, экономике труда и социологии, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России

В статье приводится обзор опубликованных работ по демографии, экономике труда и социологии за 1980–2000-е гг. Представлены труды ученых, работающих в научных и учебных заведениях Республики Коми. Работа будет полезной начинающим исследователям, поможет им быстрее войти в мир демографии и социологии.

Ключевые слова: Север России, Республика Коми, демография, экономика труда, социология, расселение населения

I.L. Zherebtsov

Historiography work on demography, labor economics and sociology, performed on the Komi Republic and the Russian North

The article provides an overview of publications on demography, labor economics and sociology for 1980-2000. It presents the works of scientists working in the scientific and educational institutions in the Komi Republic. The study will be interesting for young researchers to help them master the course in demography and sociology.

Key words: Russian North, Komi Republic, demography, labor economics, sociology, population resettlement

Рано или поздно наступает время дать оценку, или хотя бы краткую опись научным трудам экономистов, демографов и социологов, посвященных проблемам демографии, занятости, рынка труда, социально-трудовым отношениям, трудовому потенциалу, социальным сетям и практикам, расселению населения.

Работам, написанным в разные социально-экономические периоды жизни страны: до рыночных отношений и в период становления рынка и возвращения в законодательное русло частной собственности. Необходимо показать/зафиксировать, как развивались региональные демография и социология, что они фиксировали. Насколько актуальными были проблемы, рассматриваемые в опубликованных работах. Или хотя бы сделать достоянием научной общественности опубликованные работы, вышедшие малым тиражом, но имеющими и научную, и практическую ценность.

Стоит особо подчеркнуть, что это, наверное, редкий случай в истории, когда доподлинно известна дата или точка отсчета между работами, написанными между «не рынком и рынком». Это время распада СССР и становление новой России. Известен и день – 8 декабря 1991 г., когда Россия, Белоруссия и Украина подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). Этот акт вошел в историю как «Беловежское соглашение».

Почему важно учитывать при анализе публикаций их выход до начала 1990-х гг. и после? Много изменилось буквально в первые годы становления рынка. Статистическая отчетность стала приводиться/подгоняться под международные стандарты, а это сделало сложным/невозможным сравнивать опубликованные/используемые статистические данные до 1990-х гг. и после. Приведем ряд примеров:

В России до 1993 г. живорожденным считался ребенок, родившийся при сроке беременности 28 недель и более, с массой тела 1000 г и более, с длиной тела 35 см и более и который после рождения начал дышать. Если дети родились при меньшем сроке беременности, весе или длине тела, то они включались в число живых только в случае, если прожили 7 полных суток (168 часов). По сравнению с ситуацией до 1993 г. в число живорожденных входят: дети, у которых отсутствовало дыхание, но имелись другие признаки жизни, такие как сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры; дети с массой тела от 500 до 1000 г, родившиеся при многоплодных родах и умершие в ранний неонатальный период. В 2013 г. этот перечень был дополнен: критерием рождения является также срок беременности менее 22 недель или масса тела ребенка при рождении менее 500 г, или в случае, если масса тела при рождении неизвестна, длина тела ребенка менее 25 сантиметров – при продолжительности жизни более 168 часов после рождения (7 суток).

* **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, zherebtsov@mail.illhkomisc.ru

При переписи населения 1989 года выехавшие на временную или сезонную работу, в командировку, на производственную практику, краткосрочную учебу считались временно отсутствующими, если их отсутствие не превышало 6 месяцев. Выехавшие на 6 месяцев и более учитывались как постоянное население по новому адресу. В 2002 году этот временный ценз составил 1 год.

Отличие в методологии переписи 2002 года от предыдущих переписей состоит в том, что численность военнослужащих, проходивших при переписи военную службу по призыву, включена в численность населения регионов, где дислоцируются воинские подразделения. При переписи 1989 года и других послевоенных переписях часть итогов по военнослужащим включалась в численность населения регионов по месту призыва военнослужащих, а не по месту прохождения переписи.

С 2008 года из листка статистического учета мигранта исключена графа «национальность» (т.е. 2007 год будет последним годом разработки этих сведений), но при этом улучшены формулировки подсказок к другим вопросам, например, о цели переезда.

Федеральный Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 (ред. от 28.12.2016) «О занятости населения в Российской Федерации» внес существенные изменения в сферу занятости. Настоящий Закон определил правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы. Было дано определение занятости: занятость – это деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству Российской Федерации и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход. В законе подчеркивалось, что гражданам принадлежит исключительное право распоряжаться своими способностями к производительному, творческому труду. Принуждение к труду в какой-либо форме не допускается, если иное не предусмотрено законом. Незанятость граждан не может служить основанием для привлечения их к административной и иной ответственности.

Впервые после 1930-х гг. в стране официально признавалась безработица. Был определен и статус безработных. Безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. При этом в качестве заработка не учитываются выплаты выходного пособия и сохраняемого среднего заработка гражданам, уволенным в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя.

Анализ публикаций до начала 1990-х гг. показал, что монографических работ по демографии, экономике труда и социологии было очень мало. Больше было препринтов и статей. Объясняется это тем, что большинство работ по демографии и трудовым ресурсам, прикладной социологии имели служебный гриф и были закрыты для публикаций в открытой печати.

Не претендуя на полный охват всех работ, вышедших из-под пера коми ученых (здесь практические не представлены работы ученых историков), приведем перечень работ, которые имеются в библиотеках Коми научного центра УрО РАН и ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН.

Обзор работ, опубликованных до 1992 г.

Подоплелов В.П. Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР (по данным переписи 1959 г.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1969. 70 с.

Основой данной работы являются таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Коми АССР. Эти таблицы – один из самых надежных инструментов исследования естественного движения населения. Первая публикация таблиц смертности и средней продолжительности жизни населения нашей республики особенно значима и актуальна в канун переписи населения страны. Они имеют как научное, так и большое практическое значение.

Подоплелов В.П. Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. 61 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал Академии наук СССР. Вып. 3).

Рациональные направления развития и территориального размещения производительных сил экономических районов Коми республики определяются на основе изучения особенностей отдельных частей страны. Освоение этих районов может дать наибольший экономический эффект на данном этапе коммунистического строительства. Автор рассматривает проблему населения и рационального использования трудовых ресурсов как одну из первостепенных задач современного состояния и дальнейшего развития производительных сил. В работе показано, как общие и частные демографические, экономические и социальные вопросы, имеющие самостоятельное значение, переплетаются со сложной и многогранной проблемой населения. В соответствии

с этим возникает необходимость применения комплексного исследования данной проблемы. Результаты этого исследования представляют содержание настоящего доклада.

Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К. Население Европейского Севера СССР (Смертность и средняя продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1974. 452 с.

Основой данной работы являются таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Европейского Севера СССР. Эти таблицы – один из самых надежных инструментов исследования естественного движения населения. Их построение проведено с помощью малой электронной вычислительной машины «Наири-С». В связи с этим в работе подробно рассматриваются вопросы статистической обработки материалов переписи населения, приводятся алгоритмы и программы для построения полных таблиц, что позволяет использовать их для аналогичных исследований.

Подоплелов В.П. Заселение Коми АССР. Сыктывкар, 1985. 28 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 133).

В работе в краткой форме излагается исторический путь заселения территории Коми АССР с древнейших времен до наших дней, показано изменение численности в результате развития производительных сил республики, его расселения, что способствовало освоению природных богатств северного региона нашей страны.

Терентьев В.В. Трудовые ресурсы села. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1986. 96 с.

В книге дается характеристика социально-экономических условий воспроизводства трудовых ресурсов сельской местности. Освещаются вопросы формирования, распределения и использования рабочей силы в сельском хозяйстве Коми АССР – важнейшем звене агропромышленного комплекса. Особое место уделено вопросам обеспечения сельского хозяйства квалифицированными кадрами.

Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В. Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990. 20 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО АН СССР. Вып. 231).

Освещается динамика демографических процессов, раскрываются региональные особенности воспроизводства населения и тенденции брачно-семейных отношений. Рассматриваются основные направления региональной демографической политики.

Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992. 32 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 293).

Рассматривается влияние миграции на формирование населения Республики Коми в исторической ретроспективе. Исследуется взаимовлияние миграционных и этнических процессов, воздействие миграции на структуру населения. Даются направления по управлению миграцией.

Монографии и брошюры, опубликованные после 1992 г.

Для 1990-х гг. характерно то, что результаты демографических исследований начинают публиковаться в монографических работах. Особое место в изучении демографических процессов в Коми занимают две монографии: «Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи, 2001)» и «Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция, 2001». Новой вехой в демографических исследованиях 1990–2000-х гг. стало изучение демографических процессов у финно-угорских народов. Ниже приводится список работ, отражающий вклад ученых Республики Коми в изучение социально-демографических, трудовых и социологических проблем республики.

Монографии

Подоплелов В.П. Воспроизводство населения в Коми АССР / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1970. 126 с.

В работе приведены обширные сравнительные данные по Коми АССР, позволяющие раскрыть демографические процессы и явления, такие как рождаемость, смертность, естественный прирост, половозрастная структура населения и продолжительность жизни. Эти данные отражают, прежде всего, изменения в социально-экономической среде, которые, в свою очередь, оказывают влияние на экономическое и социальное развитие республики.

Фаузер В.В. Проблемы формирования населения Республики Коми. М.: Союз, 1993. 93 с.

В монографии рассматриваются теоретические вопросы формирования населения, анализируется динамика численности населения, освещаются проблемы естественного и миграционного движений населения. Даются динамика и анализ средней продолжительности предстоящей жизни. На основе проведенного анализа и предложенного сценария протекания демографических процессов в монографии представлены варианты прогноза населения на ближайшие 20 лет.

Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В. Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 1994. 104 с.

В монографии рассматриваются региональные проблемы формирования населения; анализируется динамика его численности и структуры в разрезе городов и районов; дается оценка основным тенденциям, направленности и качественным характеристикам миграции; обосновываются меры региональной демографической политики.

Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова, В.П. Подоплелов и др. Сыктывкар, 1996. 112 с. (Коми научный центр УрО Российской академии наук).

Рассматриваются основные тенденции и характерные изменения в рождаемости, смертности и продолжительности жизни за период 1985–1994 гг. Эти изменения исследуются в разрезе городов и районов Республики Коми. Книга содержит обширный материал по расселению населения, занятости, рынку труда и безработице.

Республика Коми: демография, социальная политика, занятость / В.В. Фаузер, А.И. Терентьев, В.В. Жиделева, В.А. Витязева и др. / Отв. ред. А.И. Терентьев. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1996. 130 с.

В данной работе рассматриваются проблемы демографического развития Республики Коми, основные направления социальной политики, становление рынка труда и его регулирование на региональном уровне.

Фаузер В.В., Парначев А.А. Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1998. 176 с.

В монографии рассматриваются особенности жизнедеятельности сельского населения; анализируются его численность и состав, воспроизводство и миграции; выявляется специфика расселения; исследуются особенности формирования рынка труда и проблемы занятости, вопросы кадровой политики. Приводится богатый статистический и социологический материал.

Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 202 с.

В книге впервые в научно-популярной форме рассказывается об истории проведения переписей в Коми крае со времен первого писцового описания 1481 года до современности. Читатель узнает о том, насколько важны переписи населения, как они проводились в разные исторические эпохи, какие цели преследовали, какие данные содержали. В работе говорится и о том, на основании какой информации статистические органы получают различные сведения о численности и составе населения страны в межпереписные периоды. В издании приводятся сведения о том, сколько было жителей на территории современной Коми республики в различное время, где они жили, каков был национальный состав населения, а также другие сведения о демографических процессах, происходивших в регионе на протяжении более чем тысячелетия. Показаны изменения как в численности населения Республики Коми, так и в его основных качественных характеристиках в результате огромных социально-экономических преобразований, в распределении населения по отдельным территориям, в изменении доли городских и сельских жителей. Сведения, содержащиеся в материалах переписей населения, позволяют увидеть большие изменения и в сфере социальных отношений. Авторы дают прогноз демографического развития на будущее.

Издание приурочено к 80-летию Коми государственности, тысячелетию коми народа, 520-летию первой переписи населения Коми края и предстоящей первой в новой России Всероссийской всеобщей переписи населения.

Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.

В монографии рассматриваются особенности формирования населения; анализируется его численность и состав, воспроизводство и миграция; отдельный раздел посвящен расселению населения, его взаимосвязи с характером размещения производительных сил. Приводится богатый статистический и социологический материал. Работа выполнена в рамках исследований, осуществляемых при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 00-02-00001^а).

Социально-экономические проблемы развития северной деревни / В.А. Иванов, В.В. Терентьев, Л.А. Кузванова, И.С. Мальцева, В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова. Сыктывкар, 2002. 336 с. (Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук).

Рассматривается северная деревня как поселенческая, производственно-экономическая и культурно-бытовая среда существования населения. Выявлена степень влияния аграрных преобразований на состояние уровня жизни населения северной деревни, дана сводная оценка ситуации в социально-трудовой сфере села и предложен комплекс мер по ее улучшению, обобщены и выработаны направления социально-экономической политики на селе. Обоснован механизм финансового обеспечения сельского развития на основе формиро-

вания многоканальной системы финансирования государственных (федеральных, региональных, местных) программ социально-экономического развития села.

Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С. Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003. 120 с.

Монография является результатом совместной работы социологов Республики Коми и США. Как влияют место работы, образование, возраст, длительность проживания в городе, иными словами, принадлежность человека к определенной социальной группе на то, где он живет, каковы тенденции формирования нового социально-жилищного облика города и в чем его отличия от западного города – таковы основные вопросы, на которые авторы пытаются дать ответ. Впервые предложена теоретическая модель взаимодействия трех классов (жилищного, экономического и социального), позволяющая концептуализировать изменения в советской системе жилищного обеспечения. В то же время работа имеет и конкретно-исторический характер, поскольку в значительной мере основывается на архивных источниках, мемуарах, исторических исследованиях и посвящена истории формирования жилищных классов столицы Республики Коми – г. Сыктывкара.

Попова Л.А. Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми). Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 203 с.

В монографии рассматриваются особенности развития демографических процессов в Республике Коми на протяжении последнего десятилетия. Определяется влияние на уровень демографических показателей изменений возрастной структуры населения, предшествующих трендов демографического развития и неблагоприятного социально-экономического контекста, обусловившего ухудшение условий реализации демографического выбора населения и изменение моделей его демографического поведения. Оцениваются последствия современного демографического кризиса, условия, необходимые для выхода из него, и перспективы демографического развития Республики Коми.

Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004. 176 с.

В монографии рассмотрен отечественный и зарубежный опыт формирования и использования человеческих ресурсов; раскрыты особенности протекания демографических процессов в межпереписной период 1989–2002 гг., показана взаимосвязь демографических процессов и стратегии организаций; описаны ресурсы труда современных организаций. На основе материалов социологического опроса раскрыты особенности формирования и использования человеческих ресурсов энергетического комплекса республики, раскрыта сущность трудового потенциала; выявлена дифференциация денежных доходов и материальной обеспеченности работников по природно-экономическим зонам. Разработаны три модели социальной адаптации населения к социально-экономическим условиям Севера.

Бочкова С.В., Стукалов И.Е., Фаузер В.В. Оценка нематериальных активов и кадрового потенциала. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. 104 с.

В книге сделана попытка классификации объектов интеллектуальной собственности, дано определение сущностных характеристик их видов, приведены методы оценки стоимости, интеллектуальной собственности как специфического актива предприятия, дана характеристика правовой защищенности отдельных объектов интеллектуальной собственности.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.

В монографии, написанной на основе обширного комплекса архивных и опубликованных источников, охарактеризована динамика сельского населения региона с середины XIX в. до конца XX в. Анализируются его численность и состав, воспроизводство и миграции, выявляется специфика расселения.

Стукалов И.Е., Фаузер В.В. Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. 95 с. (Серия «Библиотека демографа»).

Рассматриваются теоретические и практические вопросы подготовки и переподготовки кадров для организаций и отраслей народного хозяйства и аппарата государственной службы. Наряду с российским опытом приводится практика профессиональной подготовки персонала экономически развитых стран. Предлагается программа развития человеческих ресурсов Республики Коми на среднесрочную перспективу. Приводится оригинальный статистический и социологический материал.

Фаузер В.В., Черных А.И. Профессиональное и дополнительное образование: историко-социологический анализ. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2006. 124 с.

В монографии рассмотрены исторические особенности развития образования в России, приводится зарубежный опыт организации высшего образования. Особое внимание уделяется профессиональному и дополнительному образованию. В научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса экспертов по проблеме подготовки и переподготовки кадров в организациях Республики Коми.

Человек на Севере: демография, здоровье, экология / М.П. Рощевский, А.Н. Попов, А.И. Таскаев, В.В. Фаузер, Н.А. Черных. Сыктывкар, 2006. 96 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Представлен развернутый вариант доклада, прочитанного в апреле 2005 г. на Первом северном социально-экологическом конгрессе в г. Сыктывкаре. Научный доклад посвящен демографическим проблемам Российского Севера, формированию населения и человеческих ресурсов Республики Коми, этнодемографической оценке здоровья человека на Севере в XVIII–XX вв. и экологическим проблемам восстановления нефтезагрязненных земель.

Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / д.э.н., проф. В.В. Фаузер, д.э.н., доц. Л.А. Попова, к.э.н. Вит.В. Фаузер, М.В. Худозарова. Сыктывкар; Усинск, 2007. 140 с. (Б-ка демографа. Вып. 6).

Рассматриваются основные этапы социально-экономического развития Усинского района, дается анализ динамики численности населения, его половозрастной и этнической структуры. На большом фактическом материале обсуждаются проблемы воспроизводства и брачно-семейных отношений, оценивается влияние миграции на развитие населения района. Приводятся результаты социологического опроса 1980-х гг., даются рекомендации по дальнейшему изучению демографических процессов на уровне муниципального образования.

Попова Л.А. Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2007. 92 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Рассматриваются современные тенденции уровня и структуры внебрачной рождаемости в России и Республике Коми. Раскрываются факторы повышенного удельного веса рождений вне официально зарегистрированного брака и выявляются причины его значительного роста за последние два десятилетия. Предлагается авторская типология внебрачных семей и оценивается степень распространения различных моделей их дальнейшей эволюции. Определяются последствия высокого уровня внебрачной рождаемости для количественных и качественных характеристик населения и перспектив демографического развития.

Фаузер В.В., Бочкова С.В., Залевский В.А. Методы аудита трудовых ресурсов: Монография / Отв. ред. д-р экон. наук, проф. В.Ф. Скляр. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2007. 92 с. (Б-ка менеджера. Вып. 8).

В монографии рассматриваются современные подходы и направления аудита трудовых ресурсов, дается широкое трактование рынка труда, стоимости рабочей силы; рассматриваются формы и способы начисления заработной платы; подробно описано понятие кадрового потенциала и способы его оценки.

Фаузер В.В., Климочкина Н.И. Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / В.В. Фаузер, Н.И. Климочкина. Ухта: УГТУ, 2007. 150 с. (Б-ка демографа. Вып. 9).

В монографии рассматриваются общие вопросы формирования населения северных территорий, обеспеченности отраслей народного хозяйства трудовыми ресурсами, значительное внимание уделяется вопросам рождаемости и смертности населения России и Республики Коми за последние 15-17 лет. Более подробно рассмотрены воспроизводственные процессы городского населения Дальнего и Среднего Севера республики, чья экономика тесно связана с отраслями топливно-энергетического сектора. В научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса работников нефтегазового сектора республики, где основной акцент сделан на проблемы труда и жизненные установки респондентов. Даются рекомендации по формированию и использованию человеческих ресурсов НГС.

Фаузер В.В., Стукалов И.Е., Конакова О.И. Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие региона / Коллектив авторов. Сыктывкар, 2007. 140 с. (Б-ка демографа. Вып. 7).

В монографии исследуется взаимосвязь демографических процессов, образования и экономики. Особое внимание уделяется качественным характеристикам человеческих ресурсов. Делаются выводы и приводятся примеры, как качество ресурсов труда и их демографические характеристики влияют на экономическое развитие региона. Приводятся результаты социологического опроса работников нефтегазового сектора Республики Коми. Используются результаты НИР «Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие Республики Коми», ГК-1-2006.

Фаузер В.В., Черных А.И. Социально-демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов Республики Коми / В.В. Фаузер, А.И. Черных. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. 262 с.

В монографии рассмотрены теоретические основы профессионального развития человеческих ресурсов; раскрывается роль демографических факторов формирования трудового потенциала региона; приводится опыт социально-демографического измерения профессиональных кадров управления; исследуются особенности профессионального развития человеческих ресурсов в отраслевом аспекте; приводится уникальный опыт подготовки и переподготовки профессиональных кадров организаций Республики Коми и индустриально развитых стран; в научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса экспертов по проблеме подготовки и переподготовки кадров с учетом демографической динамики.

Социальные режимы постсоветского производства / С.С. Ярошенко, Т.С. Лыткина, К.Н. Колегов, В.Г. Вячеславов, Е.Л. Омельченко. Сыктывкар, 2008. 144 с. (Коми научный центр УрО Российской АН).

Определены основные теоретические подходы к анализу, объяснению и описанию процесса трансформации трудовых отношений. Разработаны методологические и методические основы их исследования на примере успешных предприятий. В аналитических целях определен тип «капиталистического» предприятия и предложены критерии его сравнения по отношению к «традиционным» предприятиям. Выделены основные тенденции: минимизация государственного влияния на трансформацию социальных практик на производстве; усиление управленческого контроля; снижение социального статуса рабочих. Основу исследования составили данные официальной статистики, развернутого монографического исследования, состоящего из серии «кейс-стади» на успешных промышленных предприятиях, проведенных в 2002–2005 гг.

Фаузер В.В., Макарова В.Н. Кредитное поведение населения северного региона: социально-демографический анализ. Москва; Сыктывкар, 2008. 169 с. (Б-ка демографа. Вып. 11).

Рассматриваются проблемы демографического развития северного региона, влияния миграции на численность и состав населения; освещаются теоретические и практические аспекты кредитного поведения населения; анализируется социально-демографический состав членов КПКГ «КредитЪ»; приводятся оригинальные данные социологического опроса экспертов, на основе которых раскрывается кредитное поведение населения с учетом их социально-демографических характеристик и то, как при помощи кредитной политики можно решить демографические и миграционные проблемы общества.

Фаузер В.В., Стукалов И.Е. Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ. М.: Экон-Информ, 2009. 310 с. (Б-ка демографа. Вып. 12).

В монографии анализируется демографическое развитие северного региона, приводится пример социально-демографического развития муниципального образования, имеющего положительный естественный прирост; рассматриваются теоретические вопросы непрерывного профессионального развития человеческих ресурсов и их практическая реализация в отраслях народного хозяйства; отдельный раздел работы посвящен формированию и использованию человеческих ресурсов нефтегазового сектора Республики Коми.

Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. редактор д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа. Вып. 13).

В монографии рассмотрены теоретические положения и опыт развития социально-трудовых отношений в трансформируемой экономике; проанализировано демографическое развитие северных регионов России; анализ статистической и социологической информации позволил раскрыть территориально-отраслевые особенности развития социально-трудовых отношений на городских предприятиях Республики Коми. Отличает монографию от аналогичных работ по данной проблематике то, что социально-трудовые отношения рассмотрены с позиций демографического развития общества.

Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар-Ухта: ИУИБ, 2010. 102 с. (Б-ка менеджера. Вып. 15).

В работе рассмотрены теоретико-методологические подходы к определению сущности и содержания социально-трудовых отношений; раскрыты приоритеты и инструменты государственного регулирования социально-трудовых отношений; показаны особенности регулирования социально-трудовых отношений в муниципальных образованиях; проанализирован зарубежный опыт регулирования трудовых отношений (ряда стран Европы, США и Японии, Украины); приводится методология и опыт мониторинга социально-трудовых отношений.

Задорожный В.Н., Залевский В.А., Фаузер В.В. Республика Коми: социально-экономическое развитие / Отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2011. 150 с. (Б-ка менеджера. Вып. 20).

В монографии рассмотрены проблемы социально-экономического развития Республики Коми на рубеже XX и XXI вв.; дается оценка экономическому и природному потенциалу, социально-трудовым отношениям и уровню жизни населения. Особое внимание уделено демографическим проблемам и экономической активности населения республики. В научный оборот вводится оригинальная социологическая информация о репродуктивных установках студенческой молодежи и о межнациональных отношениях в Республике Коми.

Фаузер В.В., Фаузер Вл.В. Социально-трудовые отношения: демографическое измерение. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 192 с.

В последние десятилетия социально-трудовые отношения претерпели существенные изменения, что привело к неравенству в доступе к экономическим и социальным ресурсам у разных групп населения. Дифференциация стала особенно заметна при найме/увольнении, оплате труда, карьерном росте работников в зависимости от их социально-демографических характеристик. В первой главе раскрывается сущность

социально-трудовых отношений, оценивается их развитие в современной России, в условиях экономического и демографического кризисов. Во второй главе рассмотрены демографические и миграционные факторы формирования населения Севера России, для каждого субъекта определен детерминирующий фактор, оценена демографическая ситуация и ее влияние на трудоустроенность. В третьей главе приводятся результаты социологического опроса работников городских предприятий Республики Коми, позволяющие оценить возможность решения проблемы демографической дифференциации в развитии социально-трудовых отношений.

Фаузер В.В. Демографическое измерение социально-экономических процессов / Отв. редактор д.э.н., профессор Л.Л. Рыбаковский. М.: Экон-Информ, 2012. 179 с. (Б-ка демографа. Вып. 16).

В монографии рассматриваются теоретические и практические аспекты потребительского поведения населения северных городов; выявлена демографическая дифференциация потребительских предпочтений населения при покупке продовольственных и промышленных товаров; демографические характеристики респондентов оказались важными при выборе товаров отечественного или импортного производства, наибольшей дифференциации потребительские предпочтения респондентов подвержены в зависимости от их возраста. Освещаются теоретические и практические аспекты кредитного поведения населения; анализируется социально-демографический состав членов КПКГ «КредитЪ»; приводятся оригинальные данные социологического опроса экспертов, на основе которых раскрывается кредитное поведение населения с учетом их социально-демографических характеристик и то, как при помощи кредитной политики можно решить демографические и миграционные проблемы общества.

Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В. Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2012. 311 с. (Б-ка демографа. Вып. 15).

В монографии рассмотрены теоретические аспекты становления и развития социально-трудовых отношений; аргументированы приоритеты и инструменты государственного регулирования социально-трудовых отношений; проанализирован зарубежный опыт регулирования трудовых отношений; проанализировано демографическое развитие северных регионов России; анализ статистической и социологической информации позволил раскрыть территориально-отраслевые особенности развития социально-трудовых отношений на городских предприятиях Республики Коми; в отдельный блок вынесены вопросы расселения населения. Отличает монографию от аналогичных работ по данной проблематике то, что социально-трудовые отношения рассмотрены с позиций демографического развития общества.

От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова, Д.В. Вишнякова, Н.М. Игнатова, Е.Н. Рожкин, В.В. Фаузер, Ю.П. Шабаев. Сыктывкар, 2014. 296 с.

В книге в научно-популярной форме рассказывается об истории заселения территории современной Республики Коми со времени появления первых людей до рубежа XX и XXI вв. В издании приводятся сведения о том, сколько было жителей на территории современной Коми республики в различное время, что заставляло их переселяться с места на место, где и когда возникали населенные пункты, каков был национальный состав населения, а также другие данные об этнодемографических процессах, происходивших в регионе на протяжении многих веков. Читатель узнает о том, насколько важны переписи населения, как они проводились в разные исторические эпохи.

Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах / Отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с. (Коми научный центр УрО РАН).

Рассмотрены особенности российской модели демографического старения, факторы, тенденции и последствия постарения населения северных регионов. На основе социологических исследований выявлены основные проблемы населения третьего возраста, уровень жизни, ресурсный потенциал и социальное самочувствие пожилых людей, раскрыты особенности межпоколенческих взаимоотношений и представления о старости у людей трудоспособного возраста.

Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; Отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа. Вып. 17).

В монографии рассмотрены теоретические и практические аспекты репродуктивного и миграционного поведения молодежных контингентов населения Республики Коми; аргументированы приоритеты и инструменты государственного регулирования рождаемости и миграционных процессов; проанализировано демографическое развитие северных регионов России; в отдельный блок вынесены вопросы расселения населения, особое внимание уделено сельскому населению. В научный оборот вводится оригинальная социологическая информация.

Брошюры

Терентьев В.В., Фаузер В.В., Парначев А.А. Формирование рынка труда и проблемы занятости сельского населения: социально-демографический аспект. Сыктывкар, 1996. 32 с.

Рассматриваются особенности формирования рынка труда на селе, основные тенденции и проблемы занятости сельского населения, вопросы стимулирования работников АПК и кадровая политика.

Фаузер В.В., Жиделева В.В., Загайнова Г.В. Расселение населения и его особенности в северных районах. Сыктывкар, 1996. 29 с.

В брошюре рассматриваются региональные проблемы расселения населения, присущие Российскому Северу; устанавливаются характерные особенности расселения населения в северных районах, определяемые суровостью климата, видом разрабатываемых природных ресурсов и их долговечностью; предлагается стратегическая и тактическая цель совершенствования системы расселения по природно-климатическим зонам и ресурсным факторам.

Ботош Н.Н., Фаузер В.В. Сельское население в этнотерриториальных образованиях Российского Севера. Сыктывкар, 1997. 37 с.

Рассматриваются динамика сельского населения, ее источники и особенности расселения, присущие Российскому Северу; устанавливаются характерные особенности сельского расселения, определяемые суровостью климата и спецификой производства; анализируется половой и возрастной состав сельского населения; исследуются отдельные аспекты материального благосостояния сельского населения.

Гвоздарев О.А., Фаузер В.В. Рынок труда и проблемы занятости. Сыктывкар, 1997. 40 с.

Рассматриваются отраслевые, региональные и демографические факторы формирования рынка труда. Дается оценка состоянию охраны труда и технике безопасности. Обоснованы прогноз и направления политики занятости на ближайшую перспективу.

Фаузер В.В. Этнодемографический потенциал Республики Коми. Сыктывкар: ИЭСПС Коми НЦ УрО РАН, 1998. 25 с.

В докладе дана оценка формированию этнодемографического потенциала Республики Коми в исторической ретроспективе. Показано влияние воспроизводства населения и миграции на его количественные структуры, этнический состав и качественные характеристики. Сделаны выводы и предложения.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000. 36 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 429).

Рассмотрено этнодемографическое развитие Республики Коми с рубежа XIX–XX до рубежа XX–XXI вв.: миграции населения, его размещение на территории региона, изменения в численности, половозрастном и этническом составе жителей.

Попова Л.А., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н. Развитие этнических процессов в Республике Коми. Сыктывкар, 2001. 20 с.

Работа посвящена особенностям развития этнических процессов в Республике Коми, связанным с уровнем межэтнической брачности и спецификой этнической самоидентификации детей из национально-смешанных семей в разные периоды времени. Основное внимание уделено особенностям ассимиляции коренного этноса коми.

Теоретические основы демографической политики: цели, приоритеты, принципы / д.э.н., проф. В.В. Фаузер, к.э.н. Л.А. Попова, Г.В. Загайнова, В.Я. Сквозников / Под ред. проф. В.В. Фаузера. Сыктывкар, 2001. 24 с.

В брошюре излагается авторское представление по таким категориям как демографическая политика, концепция и программы действий. Дается обоснование основных элементов Концепции демографической политики для Республики Коми.

Фаузер В.В., Климашевская Е.В. Теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов северных районов. Сыктывкар, 2002. 20 с.

В брошюре рассматриваются теоретические основы и практические аспекты формирования населения и трудовых ресурсов в северных районах, сравнивается российский и зарубежный опыт; делаются выводы и обобщения.

Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.

Работа представляет собой пленарный доклад на Всероссийской научной конференции по исторической демографии «Этнодемографические процессы на Севере Евразии (XI–XX вв.)» (Сыктывкар, 28–30 сентября 2005 г.). В работе выявляются общие тенденции и специфические особенности демографического развития финно-угорских народов в XX в.

Демографическая ситуация в Республике Коми. 2006: Аналит. записка / В.Я. Сквозников, В.В. Фаузер, д.э.н., проф., Л.А. Попова, д.э.н., доц., С.Ю. Баженова. Сыктывкар: Комистат, 2006. 86 с.

В аналитической записке проведен комплексный анализ актуальных проблем демографических процессов в контексте с социально-экономической ситуацией в республике с 1990 по 2005 г. Рассмотрены тенденции изменения численности, возрастно-полового состава населения, рождаемости, семейно-брачных отношений, смертности, продолжительности жизни, миграционных процессов, а также – оценка перспективы демографического развития республики до 2026 г.

Фаузер В.В. Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 492).

Рассмотрены проблемы демографического развития России, Российского Севера и Республики Коми за последний межпереписной период. Особое внимание уделяется демографическому развитию Республики Коми, где все процессы рассмотрены с Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Отмечается особая роль миграции в формировании населения северных территорий, его структур. Раскрываются причины низкой рождаемости и высокой смертности. Показывается взаимосвязь между демографическими процессами и трудовым потенциалом республики, раскрываются причины его неудовлетворительного использования. Даются рекомендации по улучшению демографической ситуации и использованию трудового потенциала.

Фаузер В.В., Назарова И.Г., Климочкина Н.И. Роль миграции в формировании населения северных территорий. Сыктывкар; Ухта, 2007. 34 с. (Б-ка демографа. Вып. 8).

В брошюре рассмотрены теоретические и практические вопросы миграции населения Российского Севера и Республики Коми. Особое внимание уделено миграционным процессам городского населения Дальнего и Среднего Севера республики. В научный оборот вводится оригинальная информация социологического опроса работников нефтегазового сектора Республики Коми.

Фаузер В.В. Смертность населения городских поселений Дальнего и Среднего Севера Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 36 с. (Серия препринтов «Научные доклады по исторической демографии и исторической географии»). Вып. 5).

В работе рассматриваются проблемы смертности населения России и Республики Коми за последние 15–17 лет. Особое внимание уделяется смертности городского населения Дальнего и Среднего Севера, чья экономика тесно связана с отраслями топливно-энергетического комплекса. Даются рекомендации по снижению смертности и увеличению ожидаемой продолжительности жизни.

Попова Л.А. Младенческая смертность: история, современные тенденции, региональная специфика. Сыктывкар, 2010. 32 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 511).

Рассматриваются закономерности динамики младенческой смертности в Российской Федерации на протяжении последнего столетия и ее современные тенденции. Раскрывается эволюция основных причин смертности на первом году жизни. Выявляются ее региональные особенности на примере одного из северных регионов России.

В завершение отметим, что в данной статье приведен только обзор монографий и брошюр, выполненных на материалах Республики Коми и Севера России. Не приведены материалы конференций и сборники статей по выбранной и смежной тематике. Не отражены статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях. Представляется, что невозможно в одной статье сделать полный обзор всех опубликованных работ. Это предстоит сделать или автору в других работах, или молодым исследователям, которых не страшит исследовательский труд.

Источники и литература

Ботош Н.Н., Фаузер В.В. Сельское население в этнотерриториальных образованиях Российского Севера. Сыктывкар, 1997. 37 с.

Бочкова С.В., Стукалов И.Е., Фаузер В.В. Оценка нематериальных активов и кадрового потенциала. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. 104 с.

Гвоздарев О.А., Фаузер В.В. Рынок труда и проблемы занятости. Сыктывкар, 1997. 40 с.

Демографическая ситуация в Республике Коми. 2006: Аналит. записка / В.Я. Сквозников, В.В. Фаузер, д.э.н., проф., Л.А. Попова, д.э.н., доц., С.Ю. Баженова. Сыктывкар: Комистат, 2006. 86 с.

Демографическое развитие Усинского района: история и современное состояние / д.э.н., проф. В.В. Фаузер, д.э.н., доц. Л.А. Попова, к.э.н. Вит.В. Фаузер, М.В. Худозарова. Сыктывкар; Усинск, 2007. 140 с. (Б-ка демографа. Вып. 6).

Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар, 2005. 376 с.

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В. Демографические процессы в Коми в XX веке. Сыктывкар, 2000. 36 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 429).

Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX–XX веке: население, состав, численность. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2005. 220 с.

Задорожный В.Н., Залевский В.А., Фаузер В.В. Республика Коми: социально-экономическое развитие / Отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2011. 150 с. (Б-ка менеджера. Вып. 20).

- История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1, 2.
- История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар: Анбур, 2011. Т. 1, 2.
- Кротов П.П., Буравой М., Лыткина Т.С.* Жилищная стратификация города: рыночная эволюция советской модели. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2003. 120 с.
- Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / В.В. Фаузер, Т.С. Лыткина, Г.Н. Фаузер, В.А. Залевский; отв. ред. В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа. Вып. 17).
- От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века / И.Л. Жеребцов, Н.П. Безносова, Д.В. Вишнякова, Н.М. Игнатова, Е.Н. Рожкин, В.В. Фаузер, Ю.П. Шабаев. Сыктывкар, 2014. 296 с.
- Подоплелов В.П.* Средняя продолжительность жизни населения Коми АССР (по данным переписи 1959 г.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1969. 70 с.
- Подоплелов В.П.* Воспроизводство населения в Коми АССР / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1970. 126 с.
- Подоплелов В.П.* Проблемы воспроизводства населения, формирования трудовых ресурсов и их рационального использования. Сыктывкар, 1972. 61 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал Академии наук СССР. Вып. 3).
- Подоплелов В.П., Таскаев А.И., Косенко И.К.* Население Европейского Севера СССР (Смертность и средняя продолжительность жизни по данным переписей населения 1959–1970 гг.) / Коми филиал Академии наук СССР. Сыктывкар, 1974. 452 с.
- Подоплелов В.П.* Заселение Коми АССР. Сыктывкар, 1985. 28 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми филиал АН СССР. Вып. 133).
- Подоплелов В.П., Фаузер В.В., Загайнова Г.В.* Население Коми АССР. Сыктывкар, 1990. 20 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО АН СССР. Вып. 231).
- Попова Л.А.* Сущность, причины и последствия современного демографического кризиса (на примере Республики Коми). Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 203 с.
- Попова Л.А., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н.* Развитие этнических процессов в Республике Коми. Сыктывкар, 2001. 20 с.
- Попова Л.А., Зорина Е.Н.* Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах / Отв. ред. д.э.н., проф. В.В. Фаузер. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с. (Коми научный центр УрО РАН).
- Попова Л.А.* Внебрачная рождаемость: тенденции, причины, модели развития внебрачной семьи / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2007. 92 с. (Коми научный центр УрО РАН).
- Попова Л.А.* Младенческая смертность: история, современные тенденции, региональная специфика. Сыктывкар, 2010. 32 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО Российской академии наук. Вып. 511).
- Региональные проблемы воспроизводства и занятости населения / В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова, В.П. Подоплелов и др. Сыктывкар, 1996. 112 с. (Коми научный центр УрО Российской академии наук).
- Республика Коми: демография, социальная политика, занятость / В.В. Фаузер, А.И. Терентьев, В.В. Жиделева, В.А. Витязева и др. / Отв. ред. А.И. Терентьев. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1996. 130 с.
- Рожкин Е.Н.* Этнодемографические процессы и административные границы на Европейском Севере России / Отв. редактор И.Л. Жеребцов. Сыктывкар, 2005. 20 с.
- Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. 40 с.
- Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П.* Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар: Госкомстат Республики Коми, 2001. 202 с.
- Сметанин А.Ф., Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001. 48 с.
- Социальные режимы постсоветского производства / С.С. Ярошенко, Т.С. Лыткина, К.Н. Колегов, В.Г. Вячеславов, Е.Л. Омельченко. Сыктывкар, 2008. 144 с. (Коми научный центр УрО Российской АН).
- Социально-экономические проблемы развития северной деревни / В.А. Иванов, В.В. Терентьев, Л.А. Кузиванова, И.С. Мальцева, В.В. Фаузер, Г.В. Загайнова. Сыктывкар, 2002. 336 с. (Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук).
- Стукалов И.Е., Фаузер В.В.* Управление профессиональной подготовкой кадров с учетом демографической динамики. Сыктывкар: СыктГУ, 2005. 95 с. (Серия «Библиотека демографа»).
- Теоретические основы демографической политики: цели, приоритеты, принципы / д.э.н., проф. В.В. Фаузер, к.э.н. Л.А. Попова, Г.В. Загайнова, В.Я. Сквозников / Под ред. проф. В.В. Фаузера. Сыктывкар, 2001. 24 с.
- Терентьев В.В.* Трудовые ресурсы села. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 96 с.
- Терентьев В.В., Фаузер В.В., Парначев А.А.* Формирование рынка труда и проблемы занятости сельского населения: социально-демографический аспект. Сыктывкар, 1996. 32 с.
- Фаузер В.В.* Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992. 32 с. (Серия препринтов «Научные доклады» / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 293).
- Фаузер В.В.* Проблемы формирования населения Республики Коми. М.: Союз, 1993. 93 с.
- Фаузер В.В., Подоплелов В.П., Загайнова Г.В.* Динамика, структура и особенности формирования населения Республики Коми / Коми научный центр УрО РАН. Сыктывкар, 1994. 104 с.

- Фаузер В.В., Жиделева В.В., Загайнова Г.В.* Расселение населения и его особенности в северных районах. Сыктывкар, 1996. 29 с.
- Фаузер В.В., Парначев А.А.* Сельское население северного региона: проблемы воспроизводства и занятости. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1998. 176 с.
- Фаузер В.В.* Этнодемографический потенциал Республики Коми. Сыктывкар: ИЭСПС Коми НЦ УрО РАН, 1998. 25 с.
- Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В.* Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. 124 с.
- Фаузер В.В., Климашевская Е.В.* Теоретические основы формирования населения и трудовых ресурсов северных районов. Сыктывкар, 2002. 20 с.
- Фаузер В.В.* Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.
- Фаузер В.В., Климашевская Е.В.* Человеческие ресурсы энергетического комплекса Республики Коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. 176 с.
- Фаузер В.В., Черных А.И.* Профессиональное и дополнительное образование: историко-социологический анализ. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2006. 124 с.
- Фаузер В.В., Бочкова С.В., Залевский В.А.* Методы аудита трудовых ресурсов: Монография / Отв. ред. д-р экон. наук, проф. В.Ф. Складов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2007. 92 с. (Б-ка менеджера. Вып. 8).
- Фаузер В.В.* Демография и трудовой потенциал развития Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 40 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 492).
- Фаузер В.В., Климошкина Н.И.* Нефтегазовый сектор Республики Коми: демография, труд, миграция / В.В. Фаузер, Н.И. Климошкина. Ухта: УГТУ, 2007. 150 с. (Б-ка демографа. Вып. 9).
- Фаузер В.В., Назарова И.Г., Климошкина Н.И.* Роль миграции в формировании населения северных территорий. Сыктывкар-Ухта, 2007. 34 с. (Б-ка демографа. Вып. 8).
- Фаузер В.В.* Смертность населения городских поселений Дальнего и Среднего Севера Республики Коми. Сыктывкар, 2007. 36 с. (Серия препринтов «Научные доклады по исторической демографии и исторической географии». Вып. 5).
- Фаузер В.В., Стукалов И.Е., Конакова О.И.* Влияние демографических процессов и образовательной системы на экономическое развитие региона / Коллектив авторов. Сыктывкар, 2007. 140 с. (Б-ка демографа. Вып. 7).
- Фаузер В.В., Черных А.И.* Социально-демографическое измерение профессионального развития человеческих ресурсов Республики Коми / В.В. Фаузер, А.И. Черных. Сыктывкар: Изд-во Коми пед. ин-та, 2007. 262 с.
- Фаузер В.В., Макарова В.Н.* Кредитное поведение населения северного региона: социально-демографический анализ. Москва-Сыктывкар, 2008. 169 с. (Б-ка демографа. Вып. 11).
- Фаузер В.В., Стукалов И.Е.* Формирование и использование человеческих ресурсов северного региона: социально-демографический анализ. М.: Экон-Информ, 2009. 310 с. (Б-ка демографа. Вып. 12).
- Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В.* Социально-трудовые отношения: отраслевая и региональная специфика / Отв. редактор д.т.н., профессор Н.Д. Цхадая. М.: Экон-Информ, 2010. 174 с. (Б-ка демографа. Вып. 13).
- Фаузер В.В., Назарова И.Г., Фаузер Вл.В.* Социально-трудовые отношения: содержание, механизм управления, зарубежный опыт / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар-Ухта: ИУИБ, 2010. 102 с. (Б-ка менеджера. Вып. 15).
- Фаузер В.В., Фаузер Вл.В.* Социально-трудовые отношения: демографическое измерение. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 192 с.
- Фаузер В.В.* Демографическое измерение социально-экономических процессов / Отв. редактор д.э.н., профессор Л.Л. Рыбаковский. М.: Экон-Информ, 2012. 179 с. (Б-ка демографа. Вып. 16).
- Фаузер В.В., Фаузер Г.Н., Назарова И.Г., Коршунов Г.В.* Тенденции и перспективы социально-экономического развития северных регионов России: демография, труд, миграция, расселение / Отв. редактор д.э.н., профессор В.В. Фаузер. М.: Экон-Информ, 2012. 311 с. (Б-ка демографа. Вып. 15).
- Человек на Севере: демография, здоровье, экология / М.П. Рошевский, А.Н. Попов, А.И. Таскаев, В.В. Фаузер, Н.А. Черных. Сыктывкар, 2006. 96 с. (Коми научный центр УрО РАН).
- Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). **Очерки истории народонаселения** / Отв. редактор В.В. Фаузер. Сыктывкар, 2006. 184 с.

В.И. Силин, В.В. Лезликова*

Данные по населению Архангельской и Вологодской губерний в работах И.Ф. Штукенберга**

В статье приводятся данные о научной династии Штукенбергов и сведения о жизни и творчестве ее основоположника Ивана Федоровича Крузенштерна. На основе его опубликованных трудов анализируются статистические сведения о народонаселении Вологодской и Архангельской губерний.

Ключевые слова: история науки, персоналии, А.А. Штукенберг, И.Ф. Штукенберг, Вологодская губерния, Архангельская губерния

V.I. Silin, V.V. Lezlikova

The data on the population of the Arkhangelsk and Vologda provinces in the works of I.F. Shtukenberg

The article presents data on the scientific dynasty Shtukenberg and information about the life and work of its founder Ivan Kruzenshtern. On the basis of his published works are analyzed statistical data on population Vologda and Arkhangelsk provinces.

Key words: history of science, celebrities, A.A.Shtukenberg, I.F.Shtukenberg, Vologda Province, Arkhangelsk province

В Республике Коми широко известно имя казанского геолога и географа Александра Антоновича Штукенберга (07.09.1844 – 31.03.1905) [1, 2]. В 1874 г. А.А. Штукенберг и М.С. Тарасов участвовали в экспедиции

Штукенберг
Александр Антонович.

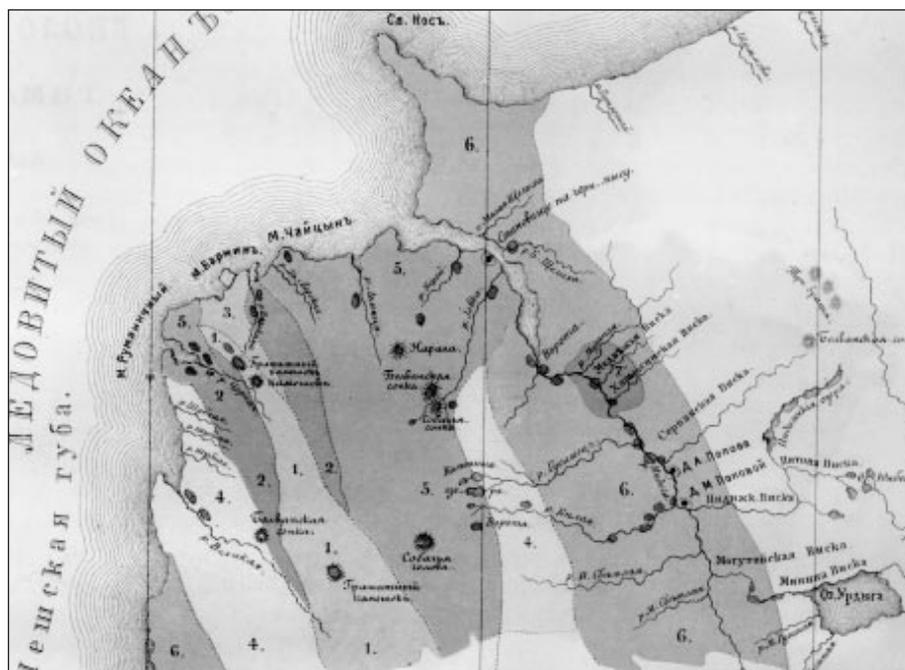
Минералогического общества, которая проследовала по р. Печоре от Усть-Волосницы вниз по реке и далее на север Тиманского кряжа. Экспедицией детально были изучены палеозойские отложения, составлена геологическая карта, приведены описания ископаемой фауны, собран гербарий. Впоследствии за исследование «Геологическое путешествие в Печорский край и Тиманскую тундру» А.А. Штукенбергу была присуждена докторская степень (1875), что позволило ему стать экстраординарным, а в 1876 г. ординарным профессором по кафедре геологии и палеонтологии Казанского университета. Усилиями А.А. Штукенберга в Казани была основана знаменитая казанская научная школа геологов. Его труд по геологии Тимана до сих пор постоянно изучают современные геологи.

Менее известно имя его деда – Иван Федорович Штукенберга. Вместе с тем ему принадлежат многочисленные, очень значимые для русской географии и статистики труды. Много ли мы знаем о том, как жили наши предки в XIX в.? Свидетелей не осталось, только герои художественных произведений, но благодаря некоторым статистическим работам можно многое интересное узнать. Одним из авторов статистического описания российских губерний был славный географ, воин, инженер – Иван Федорович (Johann Christian)

Штукенберг (06.02.1788 – 09.05.1856 ст. стиль). Он родился в герцогстве Ольденбургском; высшее образование получил в Геттингенском, Йенском и Эрлангенском университетах.

* **Силин Владимир Иванович** (Сыктывкар) – доктор географических наук, главный научный сотрудник сектора историко-демографических и историко-географических исследований Российского Севера Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, silinv@rambler.ru

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 15-13-6-24 «Национальные элиты и проблемы региональной политической и социально-экономической стабильности на Севере России в XX веке (на материалах Республики Коми и Ненецкого автономного округа)».

Геологическая карта северной части Тиманского края, составленная А. Штукенбергом.

Иван Федорович Штукенберг.

В 1807 г. приехал в Петербург и поступил на военную службу сначала в морскую артиллерию унтер-офицером, потом в Главный штаб колонновожатым. В 1810 г. был принят инженером третьего класса с чином поручика в Корпус инженеров путей сообщения и зачислен в резерв. Через год командирован для съемки и составления топографического плана на р. Тверь. С этого времени местом полевой службы Ивана Федоровича стали г. Тверь, Вышний Волочек и близлежащие уезды. В годы Отечественной войны 1812 г. находился в 1-й Западной армии в Вильно, затем получил назначение в Российско-Германский легион вспомогательных войск. Участвовал в Смоленском, Бородинском, Лютценском и Бауценском сражениях. После окончания войны возвратился к прежней службе в Корпус инженеров путей сообщения и поселился в Вышнем Волочке. В период с 1814 по 1824 г. был директором Боровицких порогов, затем Московского тракта между Новгородом и Тверью; произведен в майоры, затем – в подполковники. В 1824 г. откомандирован в Старую Руссу в отдельный корпус военных поселений. В том же году внезапно уволен со службы после одной из встреч с главным начальником военных поселений графом А.А. Аракчеевым. Прожив в Вышнем Волочке в отставке около четырех лет, Штукенберг переехал в Петербург. В 1828 г. поступил архивариусом в Депо карт Главного управления путей сообщения и публичных зданий. В 1842 г. после реорганизации этого учреждения остался за штатом. В 1845 г. зачислен редактором статистического отделения в департамент сельского хозяйства Министерства гос. имуществ. В 1851 г. переведен библиотекарем в Румянцевский музей, где служил до конца жизни.

Велики заслуги Ивана Федоровича перед русской географией. Географией и статистикой начал заниматься в годы учебы в Геттингенском университете. В 1826–1828 гг. составил несколько карт по водным сообщениям России, одновременно собирал материал для своих будущих работ. К сожалению, основные труды его были изданы на немецком языке, видимо, это обстоятельство привело к неширокому цитированию его трудов. В 1841 г. выходит его описание проектируемых и построенных каналов на территории Российского государства (работа удостоена Демидовской премии).

В этом сочинении автор не только описывает каналы и судоходные пути, но и рассказывает об истории освоения территорий, об особенностях строительства. Например, для территории Европейского Северо-Востока

он рассматривает исторические события от викингов, новгородцев до начала XIX в. Можно много узнать о строительстве Екатерининского канала, которому посвящена отдельная глава, о работах Попова по соединению бассейнов Печора и Обь через верховья р.Уса, о проекте соединения Вычегды и Печоры посредством рек Южной и Северной Мылвы и предложениях соединения Печоры и Камы.

В 1844 г. выходят его блестящие описания всей гидрографической сети русского государства. «Hydrographie des Russischen Reiches, Baltisches Bassin von der Oder bis Tornea» и другие тома. В этом поистине бесценном труде даются характеристики почти всех рек нашего государства, в том числе и Коми края. В классическом пятитомном труде «Географическо-статистический словарь Российской империи» [3] под редакцией П.П. Семенова, большая часть рек охарактеризована именно по описанию И.Ф. Штукенберга. К сожалению, и эта работа не была переведена на русский язык, поэтому большому кругу географов и историков она до сих пор не известна.

С 1849 до 1852 г. И.Ф. Штукенберг издал на немецком языке в четырех книгах указатель для изучения России в отношении географии, топографии, этнографии и статистики, а именно: 1-я книга – о картах и планах, 2-я книга – библиография; 3-я книга – сборники и журналы; 4-я книга – губернские газеты.

После смерти И.Ф. Штукенберга его сыном (Антон Иванович Штукенберг – известный инженер, один из первых строителей Байкальской железной дороги) изданы «Статистические труды Штукенберга» (СПб., 1857–1860, 2 тома). Эта работа представляет собой статистические описания всех губерний России. В первом томе даны описания хозяйства, природы, экономики, в том числе Вологодской и Архангельской губерний, в пространство которых тогда входила территория современной Республики Коми [4]. Сам автор в предисловии отмечал: «Предлагаемое сочинение о России предпринято мной с целью, познакомить читателя с постепенным развитием Государства в отношении к земледелию, промышленности и торговле. При этом я не имею в виду начертать полную статистику страны во всех поименованных отношениях; а представить более в систематическом порядке все известное нам по этим предметам со времени царствования Петра I» [4, с. 1].

Пожалуй, на тот период времени эти книги были самыми полными характеристиками губерний России. Все губернии охарактеризованы приблизительно по одному плану; например, Архангельская губерния: 1. Разделение по управлению; 2. Пространство; 3. Народонаселения; 4. Почва и обработка ее; 5. Посев и жатва; 6. Цены на хлеб; 7. Леса; 8. Растительность; 9. Садоводство; 10. Земля Самоедов; 11. Скотоводство; 12. Климат; 13. Охота и рыбный промысел; 14. Металлы и минералы; 15. Соль и солеварни; 16. Мануфактуры; 17. Пути сообщения; 18. Внутреннее судоходство; 19. Торговля.

И.Ф. Штукенберг прекрасно знал опубликованные источники по истории и географии разных регионов России, так что работы могут использоваться и как богатая библиографическая база по территориям. Сейчас эти книги представляют очень большой исторический интерес. Описание губерний проводилось И.Ф. Штукенбергом на основе различных опубликованных данных. Ценным является то, что автор приводит данные и дает справку, откуда он их почерпнул, поэтому его исследование представляет своеобразный справочник с большим числом ссылок на других авторов. В этой статье хотелось бы привести данные о народонаселении Архангельской и Вологодской губерний, опубликованные в работе И.Ф. Штукенберга. При анализе динамики населения Европейского Севера немногие исследователи использовали материалы и книги И.Ф. Штукенберга [6].

В 1782 г. общее число жителей Архангельского наместничества (соединенного тогда с Вологдой) составляло 678 756 чел. (338 156 муж., 340 600 жен.). Детей родилось 31 876 обоего пола, умерло 23 080. На основе этих цифр можно судить о громадной детской смертности. В 1784 г. в Архангельской губернии (отдельно от Вологодской) насчитывалось 170 300 жителей, в 1810 г. – 210 000 душ обоего пола. По VI ревизии, в 1811 г., считалось 85 400 рев. душ; по VII, в 1816 г., – 80 680 душ; по VIII, в 1834 г. – 94 363 душ. В 1837 г. в епархии Архангельской состояло жителей православного исповедания 99 492 д.м.п. и 111 851 д.ж.п. В 1838 г. народонаселение Архангельской губернии составляло до 230 000 душ, в том числе 2291 самоедов (ненцы) и 1171 лопарей (саамы) м.п. В 1844 г. – 110 323 муж. и 118 025 жен. «Канинская Земля доставляет пищу 947 Самоедам; в Тименском, Цильмском, Ишминском и Печорском округах считается 3597 душ обоего пола. По отчету Архангельской Палаты Государственных имуществ за 1844 год было в целом по губернии, со включением и Мезенских самоедов, 5540 душ обоего пола (Арх. Губ. Вед. 1849, № 1-5)».

По отчету Архангельской палаты Государственных имуществ, подведомственное ей население состояло в 1844 г. из 69 995 ревизских душ м. и 78 865 ж.п., с новорожденными (по 1 января 1845 г.); после же ревизии насчитывалось более 80 033 д.м. и 88 803 д.ж.п. В 1846 г. общее число народонаселения губернии – 253 000 душ обоего пола. В 1850 г. в епархии Архангельской родилось 5 246 мальчиков и 4 994 девочек; умерло 4 487 м. и 4310 ж.п. По IX ревизии, в 1851 г., значилось в губернии 234 064 ревизских душ обоего пола. В 1855 г. Палата Госимуществ в общем отчете за 1854 г. считает подведомственное ей население в 83 344 м. и 93 275 ж.п. душ.

В числе их находилось: 131 увечный, 26 умалишенных, 18 глухонемых, 9 слепых и 73 бездомных нищих. Самоедов числилось 2 526 муж. и 3 367 жен. В 1850 г. насчитывалось до 2 502 м. и 3 250 ж. пола.

В 1790 г. в Вологодском наместничестве числилось 556 200 душ обоего пола. По Зябловскому в 1810 г. было 762 900 душ обоего пола. По VII ревизии в Вологодской губернии было в 1833 г. 311 033 муж. и 334 000 жен. пола, всего 645 033. В том числе 175 436 казенных крестьян, 26 119 удельных крестьян, 763 свободных хлебопашца, 8572 мещанина, 763 фабричных и 89 681 помещичий крестьянин.

По «Отечественным Запискам» государственных крестьян в 1841 г. насчитывалось 440 800 д. обоего пола, удельных крестьян – 74 900 обоего пола, вольных хлебопашцев – 7 780 обоего пола, половников – 670 обоего пола, помещичьих – 197 200 обоего пола. По статистическим материалам Министерства внутренних дел (1841 г.), жителей было 361 146 муж. и 406 493 жен. пола во всей Вологодской епархии. В «Журнале Министерства внутренних дел» за 1841 г. все народонаселение Вологодской губернии состояло из 762 160 душ. В том же году, по «Отечественным запискам», крестьян ведомства государственных имуществ было 431 167, вольных хлебопашцев – 7 287, удельных крестьян – 68 666, помещичьих – 195 921.

По данным «Вологодских губернских ведомостей» (1848, № 4, 7), в 1841 г. в губернии насчитывалось 801 017 душ обоего пола. Из этого числа крестьян ведомства государственных имуществ – 208 242, вольных хлебопашцев – 809, половников – 763, помещичьих крестьян – 89 681, удельных – 36 083. По отчету Министерства уделов, в 1844 г. население обоего пола составляло 801 017 душ, в 1845 г. – 824 942, в 1846 г. – 837 249, в 1847 г. – 821 742. К 1 января 1850 г. жителей обоего пола считалось 848 045 (ВГВ, 1853, № 42).

По данным Министерства внутренних дел, к 1 января 1854 г. в губернии считалось 427 219 муж. и 469 902 жен. пола; из них крестьян ведомства государственных имуществ – 214 983 муж. и 270 853 жен. пола, вольных хлебопашцев – 5901 муж. и 6513 жен. пола, половников – 3546 муж. и 3799 жен. пола, удельных – 37,533 муж. и 112,848 жен. пола.

По данным IX ревизии, в 1851 г. в губернии было 864 268 душ обоего пола. Распределение по уездам следующее:

1. Вельский	84,345	23126 (2014 год)
2. Вологодский	122,605	
3. Грязовецкий	80,562	34577 (2013 год)
4. Кадниковский	116,153	4723 (2014 год)
5. Никольский	103,233	21406 (2013 год)
6. Соль-Вычегодский	78,094	25700 (1939 год)
7. Тотемский	96,249	23265 (2014 год)
8. Усть-Сысольский	59,754	
9. Устюжский	92,623	56311 (2014 год)

В 1851 г. в Вологодской губернии насчитывалось 864 268 жителей, в 1912 г. (с Усть-Сысольским уездом) – 1 649 900 чел.

Интересны сведения, приводимые Штукенбергом по различным источникам по динамике рождаемости и смертности (по результатам IX ревизии):

		Муж. пол	Жен. пол
1780	родилось	6,517	5,366
	умерло	2,688	2,377
1832		17,714	17,019
		10,984	11,266
1837		16,112	15,413
		14,652	15,413
1839		18,138	17,263
		14,193	14,448
1843		19,341	17,425
		14,280	14,527
1844		21,228	19,169
		14,675	14,773
1845		20,462	19,572
		13,377	13,452
1846		19,036	18,047
		14,590	14,828
1849		39,886	обоего пола
		35,688	обоего пола

1850	19,549	19,449
	17,638	17,917
1853	20,835	19,992
	17,958	18,134

И.Ф. Штукенберг отмечает, что с 1805 по 1849 г. отношение родившихся к умершим было следующим: max (1817) 201:100, min (1833) 81:100.

В описании особенностей народонаселения Вологодской губернии Штукенберг приводит следующие данные (по этнографическому атласу Кеппена): на территории губернии, кроме русских, жили зыряне (64 007 чел.), немцы (100), цыгане (160). Есть в работе Штукенберга небольшие описания зырян, но опять же по чужим источникам: «Зыряне составляют переход от непостоянных земледельцев – финнов к кочующим народам – самоедам; искусство их в стрельбе доходит до невероятия. Они не знают русского сельского распределения земли на тягла, но делят землю между собою со всею добросовестностью по величине семейства; соразмерно этому же, всякое семейство содействует к уплате подати, которую они между собою собирают и представляют начальству в общей сумме. Единицу монеты составляет у них *рябчик*» [5, с. 9]. «Зыряне, в уезде Устьсысольском, сеют преимущественно ячмень, далее овес, лен, коноплю, и в небольшом количестве пшеницу. Хлеб, в первый раз посеянный на расчищенной новине, дает иногда баснословные жатвы; рожь сам 50-80, иногда сам – 90. Но теперь эти новины запрещены. Из огородных растений возделывается у зырян: хмель, редька, репа, горох, капуста, лук и с недавнего времени, картофель. Редька и репа бывают весом до 15 фунтов» (Журнал МВД. 1854. № 31).

Значение комплексного описания губерний в наше время имеет для историков и географов большое значение. И.Ф. Штукенберг обобщил громадный материал, что позволяет сейчас его использовать самым разным специалистам: экономистам, этнографам и др.

Источники и литература

1. Канев Г., Силин В. Геолого-Палеонтологические исследования А.А. Штукенберга в Тимано-Печорском крае // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН. 2004. № 2 (110). С. 23–24.
2. Янишевский М. Памяти А.А. Штукенберга // Ежегодн. по геол. и минер. России. Т. VIII, вып. 1. 1905. С. 19–22.
3. Силин В.И. Географический словарь П.П. Семенова – краеведческий материал для учителя средней школы // Очерки по истории географических исследований на территории Коми края. Сыктывкар, 1998. Т. 3. С. 104–177.
4. Статистические труды И.Ф. Штукенберга. Статья I. Описание Архангельской губернии. СПб., 1857. С. 1–67.
5. Статистические труды И.Ф. Штукенберга. Статья XXIII. Описание Вологодской губернии. СПб., 1858. С. 1–57.
6. Беленкина Т.И. Население Коми края в конце XVII – первой половине XIX вв. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVII–XIX вв.). Сыктывкар, 1985. С. 3–16.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 910.4(092) (571) "17/18"

С.А. Тихомиров*

Иван Кусков. Дорога к дому. Российские просторы**

Статья посвящена русскому путешественнику Ивану Кускову. Рассказывается о его возвращении домой, в российские пределы, после пребывания в Калифорнии – очередном и заключительном этапе жизни известного деятеля Российско-Американской кампании, действовавшей в конце XVIII – начале XIX в., уроженце старинного северорусского провинциального города Тотьмы, где он и нашел свое последнее упокоение.

Ключевые слова: Иван Кусков, Тотьма, Русская Америка, географические открытия, геополитика Российской Империи

S.A. Tikhomirov

Ivan Kuskov. The way home. Russian space

The article is devoted to the Russian traveler Ivan Kuskov. The author tells about his return home, in the Russian expanses, after a stay in California – the next and final stage of the life of the famous leader of the Russian-American campaign, which operated in the late XVIII – early XIX century, a native of ancient North Russian provincial town Totma, where he found his last. repose.

Key words: Ivan Kuskov, Totma, Russian America, geographical discoveries, geopolitics of the Russian Empire

«Человек должен мечтать, чтобы видеть смысл жизни».

Вольтер, французский писатель, поэт, историк, публицист, философ-просветитель

«Охотск – Иркутск – Красноярск – Екатеринбург – Санкт-Петербург – Вологда – Тотьма – таков был путь [Ивана] Кускова домой после тридцати шести лет разлуки... Но недолго пришлось подышать Ивану Александровичу родным воздухом, наговориться с земляками, насмотреться на реку Сухону, по которой в юности ходил ... до Великого Устюга и Вологды. Через полгода надорванный организм не выдержал. Похоронили тотемского купца, коммерции советника, у стен тотемского Спасо-Суморина монастыря».

Александр Васильевич Жуков, российский писатель

В 1818 г. Ивану Александровичу Кускову исполнилось пятьдесят два года. В его судьбе всё больше стала проявляться проза жизни: болезни, усталости, просьбы подыскать замену, желание вернуться на родину... И, вспоминая старинную поэтическую формулу: *«Лета к суровой прозе клонят...»*, – просмотрим документы,

---

* **Тихомиров Сергей Алексеевич** (Вологда) – директор Вологодского регионального научно-исследовательского центра краеведения и локальной истории, историк, главный редактор издательства «Книжное наследие», дважды лауреат Государственной премии Вологодской области в сфере культуры.

** Продолжение. Начало см.: Историческая демография. 2015. № 2 (16); 2016. № 1 (17), № 2 (18).

рассказывающие о биографии тотемского уроженца последнего его пятилетия жизни, ибо Ивану Александровичу всё тяжелее становилось справляться со своими обязанностями, и жажда малой родины приводила умудренного мореплавателя и промысловика к мысли просить начальство разрешения отправиться на родину, уйти в отставку и найти ему замену.

Его поддерживала мысль о малой родине. Вероятно, не раз он рассказывал своей супруге Екатерине Прохоровне о Тотьме, мечтая о предстоящем возвращении в Россию, на Вологду, в Тотьму, на Сухону-реку, к отеческим берегам. Его поддерживала мечта. Его поддерживали крылья. Известно, что крылья дают человеку всё. Крылья человеку дает мечта, дает любовь, дают близкие люди, призвание, признание, Судьба.

Крылья нужны были его стране. Он не мыслил себя без Отечества. Эти крылья ему давало Отечество. Он только тем и жил. Отечество помогало ему познать себя в дали от родины, осознать свое место в этом, таком непростом, не всегда гармоничном, но все-таки прекрасном мире. Но пока он служил своему Отечеству здесь, в крепости, им созданной. Служить своему Отечеству – Святой Руси, было для него Словом и Делом, Верой и Правдой. И это были не простые слова, а не раз доказанные на деле. Иначе он был не причтен. Он ждал встречи с Родиной...

В сентябре 1818 г. о посещении Калифорнии в «Журнале кругосветного плавания на шлюпе “Камчатка” под командою капитана В.М. Головнина» и встречах с Иваном Кусковым в Форте Росс оставил запись Ф.Ф. Матюшкин: «...на другой день приехал к капитану [Иван Александрович] Кусков (друг [Александра Андреевича] Баранова, его помощник и советник). Старик был весьма рад нас в другой раз видеть и в другой раз одарить свежими припасами. Он у нас провел целый день, ожидая байдары с живностями, которая токмо на другой день пришла, потому что ее задержал крепкой ветер. Он жаловался на испанцев, которые ему делают всевозможные препятствия, чтобы колония его не увеличивалась (очень естественно), не продают сему сельцу быков, коров, особливо лошадей, – что единственно привязанность диких к русским и ненависть к испанцам поддерживает его. Испанцы разпространяют свою травлю за людьми до самой Большой Бодеги. В сие время все индейские племена сбегаются под пушки Росса или в гавань Румянцова, где они думают, что 4 фальконета и трое русских их в состоянии защитить от испанцев. Прошлаго года, когда множество народу собралось у Славянска (первоначальное название Форты Росс. – С. Т.) и требовали его защиты, он их уговорил засесть в лесах и ущелинах гор и потом нечаянно напасть на испанцев. Дикие его послушались и засели в лесу, которой виден из гавани Румянцова к стороне Большой Бодеги. Но испанцы, узнав сие, оставили свое преследование. Еще жаловался [Иван Александрович] Кусков на лейтенанта [Отто Евстафьевича] Коцебу, которой, пригласив его к себе в Сан-Франциско, спросил при испанском чиновнике повелительным голосом, по какому праву он занял сии страны, что ему надо будет дать отчет, – и после того пошёл со всеми испанцами в каюту, а его оставил наверху и приказал для него вынести на шканцы. Старик говорил со слезами: “Если господин [Отто Евстафьевич] Коцебу меня не уважает лично, то для чего он унижает моё звание в присутствии испанцев?” В чём состояло мицение [Ивана Александровича] Кускова – что когда [Отто Евстафьевич] Коцебу спрашивал у него цену съестным припасам, кои он доставил на “Рюрик”, то он ему отвечал “Ничего, я их дал землякам”».

Одновременно о кругосветном плавании шлюпа «Камчатка» в сентябре 1818 г., встречах с Иваном Кусковым, в дневнике сохранил выписки Фёдор Петрович Литке: «...Пред нашествием пасмурности показалось нам, правда, будто что-то отвалило от берега, но никто не смел сказать сего утвердительно. И так, лево на борт положено, лисели поставлены и мы идем на SSW. Четырёхдневная работа, пропавшая даром, одна из главнейших частей нашего вояжа, оставшаяся втуне, участь байдары, которая есть ли действительно отвалила, то могла бы проискать нас всю ночь, – возбуждали в нас серьезные размышления, – как вдруг с марсу закричали, что за кормою видна байдара. Мы тотчас легли в дрейф и вскоре возымели удовольствие увидеть опять у себя почтенного [Ивана Александровича] Кускова. Он, кажется, заметил, что нас задержал, и что мы хотели уйти, ибо лице его показывало замешательство, в каком мы не привыкли его видеть. Но, может быть, причиною замедления сего было не что иное, как только желание нам угодить, ибо он привез нам свиней, баранов, двух живых быков и множество различной зелени, так что мы не имели почти места, куда все поместить. Для собрания всего этого потребно ему было, разумеется, некоторое время. Он не забыл даже и натуралиста нашего и привез ему несколько дерев, о которых он сам не знал, какие они; но г-н Вормскиольд столь же мало мог это узнать, ибо они не имели ни цветов, ни плодов, а по одним листьям и ветвям определить сего было невозможно.

В шесть часов простились мы в последний раз с сим почтенным человеком, котораго радушность и услужливость не изгладится из нашей памяти; я не мог равнодушно подумать о том, что мы его за его услужливость едва не посадили в дураки. Разставшись с ним, поставили все паруса, и пошли на SSW; в сие время находились от Росса на SW 45 градусов в четырёх милях...».

И еще одно историческое свидетельство, относящееся к осени 1818 г., когда командующий кругосветного плавания на шлюпе «Камчатка», когда В.М. Головин написал: «...И с такою-то силою здешний правитель, коммерции советник [Иван Александрович] Кусков, не страшится испанцев и пренебрегает всеми их угрозами. При самом основании сего заведения губернатор Верхней Калифорнии знал об оном, равно как и все другие испанцы, в зависимости его находившиеся, и они даже сами помогли русским, снабжая их на первое обзаведение скотом и лошадьми, и после имели с г[осподином Иваном Александровичем] Кусковым дружеское сношение и торговлю. Миссионеры покупали у него разные товары на хлеб и на чистые деньги; испанские чиновники ездили к нему в гости, и он у них бывал; словом, они жили как должно двум дружественным соседним народам. Но это было, когда они не признавали Иосифа королем испанским; ныне же, когда дела Испании пришли в прежний порядок, прибывший сюда из Мексики новый губернатор, требовал, чтоб русские оставили сии берега, как принадлежащие короне испанской, а в противном случае угрожал согнать их силою. Г[осподин Иван Александрович] Кусков сначала не знал, что ему делать, по непривычке к сношениям такого рода, не зная притом ни одного иностранного языка; но как ему хорошо было известно, сколь слабы и презрительны те силы, коими губернатор может располагать, то он дал ему короткий и смелый ответ, что селение он основал по предписанию своего начальства, следовательно и оставить его не должен, не может и не хочет иначе, как по повелению той же власти. ... Словом, г[осподин Иван Александрович] Кусков умеет пользоваться добрым свойством климата и плодородием земли; он такой человек, которому подобнаго едва ли Компания имеет другаго в службе; и если бы во всех ея селениях управляли такие же Кусковы, тогда бы доходы ея знатно увеличились, и она избежала бы многих нареканий, ныне директорами ея без причины притерпеваемых...».

В ноябре 1818 г. Главное Правление Российско-Американской Компании отправило министру внутренних дел О.П. Козодавлеву отношение для поднесения Его Императорскому Величеству Всеподданнейшее донесение «Об успехах Российско-Американской Компании» и представление на Ивана Александрович Кускова к награждению орденом Святого Владимира четвертой степени. Из этих документов следовало, что О.П. Козодавлев «долгом почитал просить Комитет г[оспод] министров довести и о сём до Высочайшаго Его Императорскаго Величества сведения и исходатайствовать им Монаршее награждение». Излагая суть одобренной просьбы в представлении к награждению, говорилось:

«Коммерции советник [Иван Александрович] Кусков. Он управляет американским нашим селением Росс и находится в тамошнем краю более двадцати лет, посвятив себя в пользу наших колоний. В управлении его найден отличный порядок во всех частях. Особенности труды показал он при разведении там хлебопашества, овощных растений и скотоводства, и всеми сими потребностями снабжает и Ново-архангельскую нашу тамошнюю колонию, в том недостаточествующую. В отношении награждения... я полагал бы: коммерции советника [Ивана Александровича] Кускова наградить орденом Святого Владимира четвёртой степени». Однако Ивану Кускову в награждении было отказано.

Начинался период подведения жизненных итогов, время подготовки к отъезду Ивана Кускова домой с большого потрясения. Многолетнего начальника и друга А.А. Баранова без объяснения причин сместили с должности Главного Правителя Русской Америки. На его место в североамериканские колонии прибыл капитан-лейтенант военно-морского флота Л.А. Гагемейстер. Меньше года он задержался на этом месте и вскоре отбыл в Россию. И началась чиновничья чехарда...

Сначала в Америку для управления русскими колониями прибыл лейтенант Семен Иванович Яновский (1788–1876). Пребывая в инспекционной поездке по владениям на острове Кадьяк, С.И. Яновский сблизился с иноком Германом (впоследствии – Преподобным Герман Аляскинским), который оказал на него большое духовное влияние. Перу Главного Правителя Русской Америки принадлежал дневник с описанием плавания от острова Ситка до Охотска и путешествия из Америки в Санкт-Петербург. В декабре 1818 г. С.И. Яновский перед И.А. Кусковым письменно извинялся, что не может прислать ему замену в Русской Америке, и просил его подождать еще один год и быть «союзником в делах, касающихся пользы компании». Незадолго до 1819 г. в крепость Росс направлен бриг «Ильмена».

Среди документов личного архива И.А. Кускова, сохранившегося в Российской государственной библиотеке, выделяется переписка Правителя Форты Росс с К.Т. Хлебниковым, первым биографом тотемского мещанина, состоявшего на службе в Российско-Американской Компании. Первое письмо, датированное 18 мая 1819 г., где Иван Кусков обращался к К.Т. Хлебникову говорилось: «Знаю, сколь вы много обременены обширными делами, и все от руки вашей зависяция, но уверен я о вашем ко мне благосклонном расположении и потому прошу вас покорнейше, ежели можно и время вам позволит, сделать и прислать при следующем транспорте рацот мой. Я имею [расчёт] от Ново-Архангельской канторы, помнится, от генваря 1812 года, в коем не выпизано в принадлежность мою прибавочные бобры и кошколки сверх положенной таксы, что и по делам вам известно».

Из сохранившегося протокола заседания Комитета министров, прошедшего 25 января 1819 г., известно, что в награждении орденом Ивану Кускову было отказано. Правительственные награды получили чиновники Российско-Американской Компании М.М. Булдаков, В.В. Крамер, А.И. Северин.

В 1818–1820 гг. поселения русских колонистов на Кадьяке и в Ново-Архангельске испытывали острейший недостаток продовольствия. Учитывая дипломатические способности И.А. Кускова, решение проблемы во многом возлагалось на тотемского морехода: Иван Александрович отправился к калифорнийскому генерал-губернатору, встретился с ним, провел переговоры, в ходе которых он попытался склонить его к продаже русским достаточного количества хлеба. Присутствовал на этих переговорах правитель Ново-Архангельской конторы К.Т. Хлебников, который, напомним, был первым биографом И.А. Кускова. Сохранившиеся источники, вышедшие из-под его пера передают обстановку и события на североамериканском континенте, в которых были задействован Иван Александрович: в последний день мая 1820 г. К.Т. Хлебников на корабле «Булдаков» отправился в Калифорнию.

Ему поручалось выяснить несколько вопросов: *«Есть ли надежда на получение хлеба? Кто губернатор, и не знает ли господин Кусков его характер? Как расположен к России и Компании? Не было ли привозу товаров в Калифорнию от иностранцев и какое количество?»* При этом, как сообщается в документе, К.Т. Хлебникову предстояло одарить губернатора Калифорнии: он должен преподнести в подарок... большое зеркало. Аналогично следовало поступить с ближайшим окружением губернатора. И далее в документе была одна оговорка: требовалось строго соблюдать дисциплину среди команды К.Т. Хлебникова, выставлять на кораблях бдительных часовых, дабы *«кто не убежал и не унёс бы, что с собой...»*

Колониями в Калифорнии С.И. Яновский управлял до сентября 1820 г. На посту главного правителя русскими колониями в Америке его сменил известный русский мореплаватель и исследователь, генерал-майор, исследователь Алеутских островов Матвей Иванович Муравьев (1784–1836). Приехав на континент, с первых шагов своего пребывания он показал глубокую заинтересованность и стремление в благоустройстве колоний. По его мнению, следовало незамедлительно заняться укреплением стен крепостей, увеличить запас вооружения и наладить дисциплину среди промышленников. В ответ на необходимое реформирование усиливался недовольный ропот подчиненных ему голодных людей. Понимая всю тяжесть первых месяцев своего пребывания в Калифорнии, М.И. Муравьев позднее с беспокойством сообщал об этом правителю крепости Росс И.А. Кускову в письме от 3 декабря 1820 г.: *«в ноябре люди не имели пайков, а довольствовались несколькими фунтами гороху».*

Чтобы поправить голодное положение, И.А. Кускову совместно с К.Т. Хлебниковым суждено было опять выполнить сложнейшие поручения по покупке у испанских властей достаточно большого количества пшеницы. Проблема была решена положительно, с испанцами также удалось достичь взаимопонимания в вопросе последующих приобретений пшеницы. Правитель русских колоний М.И. Муравьев был доволен состоявшимися переговорами и их материальным воплощением. Он одаривал Ивана Александровича похвалами. Но не об этом мечтал постаревший мореплаватель из Тотьмы. Он грезил малой родиной. И после удачно сложившихся дел, учитывая всю совокупность фактов, М.И. Муравьев решил удовлетворить долгожданную просьбу Ивана Александровича об освобождении его от службы в Российско-Американской компании в связи с выходом в отставку, начал ходатайствовать перед Главным Правлением Компании в Санкт-Петербурге о получении соответствующих документов и последующем отправлении на родину.

Несколько позднее, 3 декабря 1820 г., с позиции прожитых лет и достигнутых результатов, в обширном послании М.И. Муравьев Ивану Александровичу писал: *«Вы первый камень заложили в Альбионе, и покамест им Росс будет существовать в Калифорнии».* В этом послании также говорилось о А.А. Баранове и его подвижническом труде на благо Отечества. Последовавшее известие о кончине друга И.А. Кускова на пути в Россию, сопровождалось панегириком А.А. Баранову, что в Ситке *«торжественно делали ему панихиду. Слава ему и его храбрым сподвижникам».*

В декабре 1820 г. в крепость Росс отправился бриг «Головнин». На борту судна на смену Ивану Александровичу, как Правителю крепости Росс, в возрасте пятидесяти четырех лет, на североамериканский континент оправился двадцатидвухлетний Карл Юхан фон Шмидт (Карл Иванович Шмидт), служивший в Российско-Американской Компании к тому времени уже четыре года. Ему суждено было возглавить крепость Росс в 1821 г. Находился в этой службе он до 1824 г. Передача полномочий новому Правителю крепости России затянулась почти на год... В письме от 26 марта 1821 г. к К.Т. Хлебникову Иван Кусков доверительно об этом писал: *«о положениях моих примите, милостивый государь, дружескую откровенность, что я еще решился здесь пробыть не далее предполагаемого времени почтенным начальником, как до осени следующего ныне года, не для интересов и почестей, и к тем я чужд. Между тем, может быть, случится событие на обладание Компании соседственных к югу мест... Я был рад присылкой... приемника, коего таланты и способности Вам известны, может попрыгнуть и познает хоть дела...».*

Среди документов, сохранившихся в архиве И.А. Кускова в Российской государственной библиотеке, известна сочиненная Иваном Кусковым авторская инструкция новому правителю колонии Росс К.И. Шмидту в связи передачей дел по управлению колонией. В источнике, написанном рукой мудрого правителя форта, говорилось: *«Главный Правитель Российско-Американских колоний... в предписаниях... приказать мне угодно было по сдаче Вам должности управляющего в крепости и селения Росс, которую я честь имел занимать, дать Вам сообразныя местным здесь обстоятельствам наставлению относительно управления и распоряжения Вашего»*. Поскольку новый Правитель Росса в колонии находился одиннадцать месяцев, ему, по мнению Ивана Кускова, он *«уже довольно мог ознакомиться с местными здесь обстоятельствами...»* При передаче дел бывший Правитель Росса акцентировал внимание К.И. Шмидта на нравах комиссионеров-поселян Росса: *«промышленные в требованиях не только нужных к содержанию себя (а некоторые имеющие и семейства), но даже и прихотливых и щёгольских товаров чрезвычайно неумеренны, не рассчитывая и нимало не помышляя о долгах, на них состоящих»*.

Начинал Иван Кусков делиться советами и наставлять прибывшего из Санкт-Петербурга офицера с вопроса о стоявшем готовом на штапеле при Россе судне «Волга». Касательно селения, Иван Кусков начал разговор с новым Правителем с условий быта промышленников, передавая, тем самым, ему свои практические знания и опыт о социальной инфраструктуре поселения: *«при начальном обселении по обстоятельствам малолюдству и по скорости казарма была построена на время из ломовых досок в брусье, которая и поныне существует, вместо которой следует построить новую, для которой следует построить новую...»*. Организованное Иваном Кусковым кожевенное производство ко времени завершения его карьеры в Россе требовало *«поставить небольшую кожевню»*.

Касались советы Ивана Кускова посевов зерновых и сбора урожая. Говоря о соседях-индейцах, Иван Кусков в инструкции замечал: *«с окружными селения Росс, в реке Славянке, и в заливе графа Румянцева обитающими индейцами, которые нередко посещают иногда с большими партиями обою пола с детьми селение Росс, а несколько семей и всегдашнее имеют пребывание по связи родства между кадьякских, оказывать ласковость, воспретить служащим Компании и кадьякским наималейшаго не делать тем оскорбления, коими паче бес причины, но приохачивать их к каким-либо пособиям и больше в обрабатывании земли в огородах, что и прежде быть случалось, ласкою и по доброму их желанию, а не по принуждению, за что хотя бы и подарить какими неважными безделушками, но главное для их составлять будет в довольствовании провизией и для них всякия казаться будет в приятном вкусе»*.

Предлагал Иван Кусков изменить порядок кормления комиссионеров, поскольку среди них встречались поселяне, недовольные существовавшими порядками: *«приготавливаемая для продовольствия служащих провизия по вкусам, которая разъезжается на многия одиночки, от чево происходит всеобщий ропот и неудовольствие; в казарме за общими столами провизующияся недовольны, что будто для них отделяется против раздачи по одиночкам весьма мало; напротив того, получающия на особицы и больше недовольны выдачей, твердят тоже, что в казарму отделяется много, а для их мало; но всего бы лучше прекратить выдачу на одиночки, а довольствоваться в общей трапезе, когда и какая случится может провизия и приготовление; и тем бы прекратились ропот и неудовольствие, и чрез то упрочилось бы действительно, по крайней мере, четвертая, естли не третья, доля провизии»*.

Сердце Ивана Кускова сжималось от мысли оставления Форта Росс. Много связывало его с этим селением. Он неоднократно осматривал возведенные крепостные стены, посещал окультуренные плантации около Форта. В голове мелькали отрывки воспоминаний прежней жизни. Думы не покидали правителя русской колонии в американских владениях. Но жажда вновь повидаться с родиной манила в обратный путь...

В 1821 г. случилось для Ивана Александровича опасное плавание до Ново-Архангельска, где он вместе с супругой Екатериной Прохоровной ждал отправления в Россию. Главный Правитель колоний Российско-Американской Компании М.И. Муравьев из Ново-Архангельска в Главное Правление Компании по этому поводу в письме от 18 января 1822 г. сообщал: *«Кусков сдал должность К.И. Шмидту и прибыл сюда из Росса, дабы отправиться в Россию»*. Подводя некоторые итоги его деятельности в Русской Америке, подчеркивая успехи И. А. Кускова на поприще строительства форта Росс, а также установления народно-дипломатических отношений с туземцами, М.И. Муравьев в распоряжении по колониям в 1822 г. писал: *«Он (И.А. Кусков. – С.Т.) усмирил враждующие между собой толпы диких и, в продолжение многих лет удерживал сих дикарей в союзе с живущими в крепости, и единственно, мерами кротости и справедливости»*.

В апреле 1822 г. М.И. Муравьев начал подготовку к отправлению в Охотск шхуны «Чириков» во главе с Дж. Юнгом, где на борту находилась группа состарившихся, отдавших всю свою жизнь Отечеству и Российско-Американской Компании, русских промысловиков, а это было более ста двадцати семей промышленников. Особую важность в этой связи приобретало присутствие на судне Ивана Александровича и Екатерины Прохоровны Кусковых, супружеской четы Правителя крепости Росс, которые в соответствии с выдан-

ными документами (паспортами и подорожной) следовали на постоянное место жительства в город Тотьму Вологодской губернии.

Отправление Ивана Кускова из крепости Росс запечатлели письменные источники. Главный Правитель Российско-Американской Компании М.И. Муравьев выдал И.А. Кускову перед его отъездом из Америки следующее свидетельство, датированное 20 апреля 1822 г.: *«Господин коммерции советник Иван Александрович Кусков издавна продолжал служение своё в Америке в честь своего имени и на пользу Отечества. Последнее время пребывания его в Америке он начальствовал на берегах Нового Альбиона в селении Росс; сию крепость он, [Господин Иван Александрович] Кусков, сам основал и выстроил, завёл в ней корабельную верфь и построил там три купеческих корабля, которые и поднесь с великою пользою употребляются в колониях Российско-Американской Компании. Он среди диких народов близ крепости завёл скотоводство, огородничество и часть земледелия; он умирил враждующие между собою толпы диких и в продолжение многих лет удерживал сих дикарей в добром союзе с живущими в крепости и единственно мерами кротости и справедливости. С 1820 года, сентября, 15, он находился под моим начальством, и я с удовольствием в знак моего уважения свидетельствую о благородном его поведении, высокой его честности и неуклонной ревности его на пользу общию. Его опытность и познание местных обстоятельств столь важны, что трудно его заменить, кем бы то ни было. Я с сердечным пожеланием ему всех благ, но с душевным прискорбием расстаюсь с ним.*

Дано в Ново-Архангельске за подписом моим и с приложением печати Российско-Американской Компании. Апреля, 20 дня, 1822 года.

Российского флота капитан-лейтенант и кавалер,

Российско-Американских колоний Главный Правитель Матвей Муравьев.

Секретарь Николай Грибанов».

Притом, что М.И. Муравьев проявлял к ушедшему в отставку правителю всяческое уважение и почтение, в последние дни пребывания Ивана Кускова на североамериканском континенте омрачились неким конфузом, случившимся по вине Ивана Александровича. Многие современники Ивана Кускова – русские и туземцы – знавали старожилу русских поселений в Северной части Тихого океана, как непреклонного и настойчивого человека. Его отличали бескорыстность, честность и необыкновенное усердие в службе. И перед отправлением Иван Кусков проявил излишнюю требовательность своего характера. Прибыв из крепости Росс на Ситку, согласно контракту, он обратился к М.И. Муравьеву с настоятельной просьбой произвести с ним окончательные расчеты, заплатить за службу причитающиеся ему шкурки морских бобров. И сделал он это с присущей ему прямоотой, в присутствии более ста человек, таких же старожилов русских поселений, которые имели схожие права требовать вознаграждение за свою службу. Главный Правитель М.И. Муравьев, вероятно, удовлетворил бы просьбу Ивана Кускова, ибо безмерно его уважал. Но в этой ситуации ему... отказал.

По характеру, отмечали современники, Иван Кусков отличался легко отходчивым нравом. Присутствие старожилов смягчило характер Правителя крепости Росс Ивана Александрович Кускова. При отправлении на Кадьяк у Ивана Кускова, как и у других колонистов, не было реальных денег за многолетнюю службу в Российско-Американской Компании. Начальнику Кадьякской конторы С.Я. Никифорову М.И. Муравьев, предупреждая, писал, что на судне в Россию путь держит Иван Кусков, *«его характер вам известен, знаете вы также его влияние на русских стариков и даже на алеут. Те и другие недовольны своим положением».*

Одновременно С.Я. Никифорову настоятельно предписывали при пересечении границы ветераном Российско-Американской Компании Иваном Кусковым соблюсти неукоснительное правило для въезжавших в пределы Российской Империи людей: сочетаться законным браком с представителями алеутских народов. (Напомним, что находясь в Калифорнии, Иван Кусков проживал гражданским браком с женщиной, которая, по легенде, считалась дочерью устюгского мещанина, жившего в Индии, знала языки коренных народов. И помогала Ивану Кускову управлять Фортом Росс. Но по законам того времени она считалась туземкой. И без оформления соответствующих законоположений, она не могла вступить на территорию Российской Империи).

В письме в Кадьякскую духовную миссию правитель М.И. Муравьев 11 апреля 1822 г. сообщал: *«[Господи] н коммерции советник [Иван Александрович] Кусков в бытность свою в Павловской гавани хочет вступить в законное супружество с девицею Катериною. Поэтому покорнейше прошу духовную миссию сделать по сему [делу] распоряжение».* Из сохранившегося письма М.И. Муравьева, одновременно отправленного с уже упомянутым источником, сообщалась небольшая подробность пребывания И.А. Кускова в Ново-Архангельске. В кадьякскую контору Российско-Американской Компании Главный Правитель 11 апреля 1822 г. отправленным отношением повелевал: *«отпустить на деньги коммерции советнику [Ивану Александровичу] Кускову четыре соболя накидки».* Следует отметить, что из контекста процитированного документа, понятно одно, что эти «соболи накидки» вряд ли предназначались какому-то постороннему человеку. Вероятно, они должны были выступить в качестве подарка для новобрачной Екатерины Прохоровны, о местопребывании которой до 1822 г. (когда она была обвенчана с И.А. Кусковым), кстати, совершенно молчали исторические источники.

В Ново-Архангельске Иван Кусков пробыл около трех месяцев – с 18 января по 11 апреля 1822 г. Через три дня, то есть 14 апреля 1822 г., как об этом говорила дата выдачи в Ново-Архангельске «Свидетельства», или подорожной, Иван Кусков находился уже на пути в российские пределы. При более пристальном и внимательном рассмотрении документа – подорожной, – на его оборотной стороне можно увидеть сохранившиеся однородные пометки, позволяющие уточнить хронологию возвращения Ивана Кускова домой, в уездный город Тотьму Вологодской губернии. У шхуны «Чириков», на которой плыли Иван и Екатерина Кусковы, стояла ответственная задача – зайти сначала на Кадьяк и потом – в Охотск.

В Охотск «Чириков» под командованием Дж. Юнга прибыл 17 августа 1822 г. Поскольку для Ивана Кускова остановка в Охотске имела особое значение, состоявшее в обещании основателя форта Росс обвенчаться с туземкой-женой, последовала заранее намеченная церемония совершения таинства церковного бракосочетания с Екатериной Прохоровной Кусковой. После этого супружеской паре выдали разрешение следовать далее через Сибирь вглубь России. Правитель Кадьякской конторы С.Я. Никифоров больше не чинил Ивану Кускову препятствий к движению в Россию.

В Якутск Иван и Екатерина Кусковы прибыли 28 ноября 1822 г. В Иркутске супруги были 24 января 1823 г. Здесь они пробыли неполные одиннадцать дней. Об этом говорили пометки в «Виде», или паспорте, выданном Ивану Кускову в Иркутске 5 февраля 1823 г. На следующий день, 6 февраля 1823 г., они отправились далее по направлению в Томск и Тюмень. Судя по сохранившимся пометкам паспорта, 14 февраля 1823 г. Кусковы достигли Ачинска, 17 февраля – Томска, 19 февраля – Каинска, 25 февраля – Тюмени, 5 марта – Вятки. В паспорте осталось не зафиксированным пребывание Кусковых в Санкт-Петербурге. По-видимому, они не доехали до столицы, торопясь в родную Тотьму. И последняя запись паспорта: «*Сей вид Вологодской губернии в Тотемском городническом правлении явлен и в книгу № 3 записан сей, июля, 4 дня, 1823 г[ода]*». Из этой записи следовало, что Кусковы находились в Тотьме с 4 июля 1823 г.

При следовании через российско-американскую границу, называя цель визита, Иван Александрович постоянно обращался к важной бумаге, выданной ему в Российско-Американской Компании. В «*Аттестате*», за подписью правителя русских колоний М.И. Муравьева, где документально описывался весь пройденный в Америке карьерный путь, и высказывалась оценка его трудов, говорилось: «*свидетельствую о благородном его (И.А. Кускове. – С. Т.) поведении. Его опытность и познание местных обстоятельств столь важны, что трудно его заменить, кем бы то ни было*».

Отправившись через всю страну в Санкт-Петербург, Ивану Кускову предстояло решить вопрос с получением жалования (денежного вознаграждения за службу). Из представления М.И. Муравьева Главному правлению Российско-Американской компании, выданному еще во время нахождения И.А. Кускова на Кадьяке, известно, что Иван Кусков в Санкт-Петербурге гарантированно мог получить за пушнину 10 000 рублей. Однако, как известно из баланса Российско-Американской компании, составленного к 1 января 1820 г., Ивану Александровичу полагалось к выплате 47 418 рублей 13 копеек.

Главное Правление Российско-Американской Компании в ожидании И.А. Кускова заготовило в Петербурге окончательный расчет для выплаты ветерану Русской Америки денежного пособия в сумме 58 425 рублей 23 копейки, «*шесть шкурок бобров морских в натуре и семь тысяч ассигнациями*».

Как складывались дела у Ивана Кускова в Петербурге, можно только предполагать, тем более что ко времени возвращения Ивана Александровича в Россию, известно, что Российско-Американская Компания была занята воплощением в жизнь нового устава, ибо до 1820-х гг. РАК показывала сумасшедшую доходность. Например, в 1811 г. А.А. Баранов в одном из писем хвастался, что прибыль только от продажи шкур каланов составила четыре с половиной миллиона рублей (сумасшедшие по тем временам деньги!). В донесении Императору Александру Павловичу, а также и акционеру компании, А.А. Баранов писал, что за три года соотношение доходов и расходов компании увеличилось с семи к одному до одиннадцати к одному.

Таким образом, прибыльность бизнеса Российско-Американской компании составляла 700–1100 процентов в год. Этому росту прибыли способствовал сумасшедший спрос на шкурки калана – их стоимость с 1790-х до 1820-х гг. выросла втрое – со 100 до 300 рублей за штуку (на эти деньги можно было купить два десятка соболей). Дошло и до того, что чиновники в Москве и Петербурге отказывались брать взятки деньгами, а требовали выплаты... только калана. Каланы, между прочим, и сгубили Российско-Американскую Компанию, а с ней – и колонизацию Аляски и Калифорнии. История в России повторяется с завидной периодичностью...

Видя суперприбыльность частной компании, чиновники решили взять ее финансовые потоки под свой контроль. После смерти в 1818 г. А.А. Баранова, к руководству Российско-Американской Компании пришли военно-морские офицеры. В 1821 г. в устав акционерного общества внесено положение, что отныне руководителями Русско-Американской Компании должны выступать только представители Военного министерства. Но... Компания оставалась частной. Фактически, на деле, в России создавался первый опыт частно-

государственного партнерства в России. Акционерами Российско-Американской Компании после принятия нового устава стал не только царь, но и его супруга Елизавета Алексеевна, мать Мария Федоровна, цесаревич Константин Павлович...

Поэтому, вероятно, выплата причитавшихся Ивану Александровичу вознаграждений затянулась во времени. Отметим, что нельзя сказать, и сказать с полной долей уверенности, что все деньги за американскую «Одиссею» Ивану Кускову были выплачены в срок и полностью. Известно одно: за всё время существования Главного Правления Российско-Американской Компании, до прихода к власти в Компании военных, А.А. Баранову и И.А. Кускову, как признанным первопроходцам Русской Америки, назначались значительные денежные вознаграждения. Существовало также мнение, высказанное тотемским городским головой и автором хрестоматийного научно-популярного исследования «Город Тотьма Вологодской губернии» В.Т. Поповым, что Ивану Александровичу Кускову 3 июля 1823 г. выдано более 60 000 рублей. Однако, как отмечали историки, факт получения этих денег пока не нашел подтверждения в финансовых документах Российско-Американской Компании.

В Тотьму Иван Александрович Кусков прибыл вместе со своей законной супругой Екатериной Прохоровной и их воспитанницей Надеждой Федоровной Каменской. По всей видимости, это была юная уроженка Русской Америки (возможно, креолка). Судьбой воспитанницы несколько лет спустя после приезда Ивана Кускова в Тотьму и его кончины стал интересоваться К.Т. Хлебников, который в 1830 г. из Ново-Архангельска запрашивал сведения о ней в Иркутск. Сохранился ответ К.Т. Хлебникову правителя иркутской конторы Российско-Американской Компании Акима Титова, где говорилось: *«О вывезенной из Америки Иваном Александровичем Кусковым Надежде Каменской я выправлялся у многих, где она находится, которые уверяли, что увезена была в Тотьму и выдана замуж, только не знают, за кого из тамошних жителей, а что родственникам ее доставлены были (неверные) сведения, будто она находится в Иркутске. Это несправедливо».*

С датой прибытия Ивана Кускова в Тотьму также связано появление еще одного интересного документа – «Аттестата № 389-го», который вышел из-под пера чиновников Главного Правления Российско-Американской Компании 3 июля 1823 г.: *«Показатель сего г[осподи]н коммерции советник Иван Александрович Кусков, находившийся с лишком тридцать лет в колониях Российско-Американской Компании, сначала помощником Главного оных Правителя, а потом Правителем колонии Росс, всегда сопровождал служение своё усердно, честно, и похвально – и не прежде оставил оное служение, как преклонность лет его сего требовала. Жалованьем ему, следовавшим по ращёту, удовлетворён и сверх онаго награждён, что и свидетельствует Главное Правление Российско-Американской Компании под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством состоящий».*

С[анкт-]Петербург. Июля, 3 дня, 1823 года.

Директора Российско-Американской Компании:

Первенствующий и кавалер Михайло Булдаков,

Венедикт Крамер,

Андрей Северин,

Иван Прокофьев.

Правитель канцелярии, надворный советник Зеленский.

У сего Аттестата Его Императорского Величества Российско-Американской Компании Главного Правления печать».

Сохранившись сегодня в личном архиве Ивана Александровича Кускова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, этот «Аттестат» явился связующим звеном между событиями американской биографии первопроходца и морехода и днями последних месяцев жизни тотемского уроженца. «Аттестат» явился последней точкой, связывавшей Ивана Кускова с Русской Америкой. Он подводил черту тридцатилетней с лишним жизни, итогом которой стала, по словам К.Т. Хлебникова, *«потеря Иваном Кусковым здоровья и зрения».*

Вернувшись в Тотьму, Иван Александрович, вероятно, принялся за восстановление своих деловых связей и контактов. Особенно, видимо, это проявилось в ситуации, когда выяснилось, что ко времени своего возвращения Иван Кусков уже не числился в списках тотемских граждан около двух десятилетий, а деньги, направленные несколькими годами ранее на покрытие государственных податей, Тотемские городской магистрат и городская дума, израсходовали. Безусловно, все эти проблемы и дела усугубили и без того подорванное здоровье И.А. Кускова. Дни его уже были сочтены, они уже отмеряли обратный отсчет...

По прибытии в Тотьму Иван Кусков поселился в одноэтажном бревенчатом доме-«пятистенке», доме по Рождественскому ручью, крытому «по-круглому», неподалеку от храма Рождества Христова, на правой стороне узенькой улочки, которая в современной Тотьме носит название Чкаловский переулок. Это дом с пятью окнами в строгих, скупо профилированных побеленных наличниках, смотрящих на улицу. Он – важный

памятник истории и культуры города Тотьмы. В нем снимал жилье и провел последние месяцы жизни Иван Александрович Кусков – исследователь Северо-Западного побережья Северной Америки, уроженец города Тотьмы. Дом этот не был собственностью Ивана Александровича, поскольку после его смерти «*недвижимого имущества не оказалось*». В этом доме он и умер...

Никаких особых подробностей о последних днях, прожитых Иваном Александровичем, к сожалению, не сохранилось... Имеется только несколько упоминаний о делах, зафиксированных в письменном виде, над которыми хлопотал убежденный сединой тотемский мореход... Среди документов «*Описи*» содержится пересказ о некоторых не дошедших до нас документах, благодаря которым можно представить, чем занимался в последние дни Иван Александрович, чем были заняты его сердце и ум в предсмертные дни...

Оказалось, что 2 сентября 1823 г. Иван Кусков написал письмо Первенствующему директору Российско-Американской Компании Матвею Михайловичу Булдакову о своем собственном исключении из тотемского гражданства. Из письменного пересказа содержания документов известно, что Иван Кусков просил у устюжанина Матвея Булдакова содействия в разрешении вопроса в восстановлении Кускова в правах тотемского гражданства. Он настоятельно просил Булдакова, «*дабы не упустить время*», «*отнестись в Вологодскую казённую палату с объяснением настоящего происшествия*», «*что он, быв в службе Российско-американской компании в американских колониях, но помня обязанность свою, сделал высылку в 1809 году на платёж государственных податей и повинностей при отношении в Тотемский городской магистрат 400 рублей*». «*Тотемская городская дума, по распоряжению своему, во сколько времени и куда израсходовав помянутую сумму – неизвестно, при генеральной же ревизии по государству, полагая быть в минувший 1816 год, не сделал о нём сношения с Главным Правлением Российско-Американской Компании, сделал исключение [И.А. Кускова] из сословия тотемского гражданства*».

Только в черновых записях тотемского историка и краеведа Н.А. Черницына имеется запись: «*Кусков прибыл в Тотьму в конце июня 1823 года и, сразу, оставив в Тотьме вывезенный из Калифорнии личный багаж, выехал в Санкт-Петербург*». Из «Вологодских губернских ведомостей» в дополнение из статьи Е.В. Кичина узнаем: «*В Петербурге он был в начале июля 1823 года. Из Петербурга Кусков прибыл в Тотьму, не успев увидеться с родными после 36-летней разлуки, вскоре скончался на 58 году своей жизни. В октябре 1823 года по определению Тотемского сиротского суда сделана опись имению Кускова, умершему бездетным*». Сохранившаяся в Государственном архиве Вологодской области «*Метрическая книга Тотемского Богоявленского собора*» указывает более точную дату, точный возраст и некоторые подробности кончины прославленного первопроходца Русской Америки Ивана Александровича Кускова, что позволяет уточнить приводимые Е.В. Кичиным сведения. В документе читаем: «*18 октября 1823 года умер американской компании советник Иван Кусков, 59 лет*».

Получается, что храмом, где происходило отпевание Ивана Кускова, был Богоявленский собор в Тотьме. Из сохранившейся метрики следует, что погребение Ивана Кускова совершал протоиерей Богоявленского собора Максим Савинов, исповедание и приобщение Святых Тайн – иерей Иоанн Трусов, графа «*Болезнь*» – свободна от заполнения. Похоронить Ивана Кускова предполагалось в Спасо-Суморинском монастыре. Кратчайший путь, по которому в последний путь могла двигаться траурная процессия Ивана Кускова, пролегла по улицам Торговой, Сретенской, Почтовой, Мещанской. Свое упокоение тотемский мореход нашел возле Спасо-Преображенского собора. Его захоронение находилось напротив алтаря собора.

После кончины Ивана Александровича сохранилась «*Опись, сделанная по определению Тотемского сиротского суда, документов и имению скончавшегося бездетным бывшего тотемского мещанина И.А.Кускова, октябрь 1823 года*» (ныне хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки). Наследниками ветерана Русской Америки считались супруга Е.П. Кускова и родной брат П.А. Кусков. При изучении «*Описи ... документов и имению ... И.А.Кускова*» выяснилось, что «*кроме движимого имущества, оцененного в 70 318 рублей 50 копеек, наличными оказалось 12 055 рублей, ассигнациями да сверх оной суммы из оказавшихся налично выдано на расходы при похоронении тела Кускова тысячу восемьсот рублей жене покойного и брату Петру Кускову*». В 1848 г. при написании статьи об Иване Кускове для «Вологодских губернских ведомостей» краевед Е. В. Кичин писал: «*Должная часть из имущества и денег выдана была жене Кускова Екатерине Прохоровне, которая спустя три года по смерти мужа снова вышла замуж за бывшего тотемского винного пристава г-на Попова и неизвестно, живёт ли она ещё до сих пор на свете*».

Со временем могила Ивана Кускова затерялась. В 1920 г. ее случайно обнаружил Николай Александрович Черницын – совершенно вросшей в землю и покрытой дерниной. Когда-то могилу украшала известковая плита с высеченной барельефной надписью. При ликвидации монастырского кладбища в 1920-х гг. могилу уничтожили с поверхности земли. Неизвестно куда исчезла плита. По территории погребения прошла дорога из Преображенского собора Спасо-Суморина монастыря. В августе 1973 г. на территории монастыря могилу пытались найти Н.А. Черницын и С.Г. Федорова. Но безрезультатно... И чтобы память окончательно не

угасла, музейные сотрудники на рубеже XX–XXI вв. на монастырском погосте соорудили кенотаф могилы Ивана Кускова (символическая гробница, не содержащая погребения и сооруженная в память человека). Его украшает крест – символ христианской веры, якорь – знак принадлежности Ивана Кускова к морской повседневной культуре, мраморное надгробие с высеченным портретом землепроходца и словами из стихотворения Сергея Маркова:

*Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят могучие кресты
На берегах оскаленных Аляски.*

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ» ЗА 2016 ГОД

2016, № 1 (17)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

- Камкин А.В.** (Вологда). Крестьянские миры-волости Европейского Севера в XVIII веке: размеры, людность, типология. С. 4–8.
- Гагиева А.К.** (Сыктывкар). Петровская модернизация и освоение северных территорий Коми края во второй половине XVIII – первой половине XIX века. С. 9–12.
- Спасенкова И.В.** (Вологда). Демографические трансформации православных приходских сообществ в 1920–1930-х годах (на материалах Вологды). С. 13–17.
- Лямцева Л.В., Лапин Г.В.** (Сыктывкар). Спецпереселенцы чуваша на Выми в 1930-е годы. С. 18–22.
- Сперанский А.В.** (Екатеринбург). Эвакуация как фактор восполнения трудовых ресурсов в годы Великой Отечественной войны (на примере Уральского региона). С. 23–26.
- Горбачев О. В.** (Екатеринбург). Белоруссия и Средний Урал: эволюция форм миграционного взаимодействия в первой половине XX века. С. 27–33.
- Попова Л.А., Тараненко Н.Н.** (Сыктывкар). Динамика смертности населения Республики Коми в советский и постсоветский периоды. С. 34–43.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Амирханова М.М.** Демографические процессы в Дагестане. 90-е годы XX века. С. 44–47.
- Белая Е.Г.** (Владивосток). Современная городская китайская семья. С. 48–51.
- Антонян К.В.** (Москва). Китайское население Сингапура: структура, этническое самосознание и языковая ситуация. С. 52–57.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

- Стещенко Н.Л.** (Краматорск, Украина). Заселение Южной Украины в XVI–XVIII веках в записках иностранцев. С. 58–62.
- Плотникова Г.Н., Плотников С.Н.** (Пермь). Земская статистика как источник по демографии крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX века. С. 63–65.
- Аргудяева Ю.В.** (Владивосток). Источники по историко-демографическим процессам у русских Трехречья. С. 66–70.
- Таскаев А.М., Таскаев М.В.** (Сыктывкар). Вклад ученых Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в изучение истории освоения Европейского Северо-Востока нового и новейшего времени. С. 71–77.
- Меньковский В.И.** (Минск, Беларусь). Демографические исследования в Республике Коми в 2008–2015 годах: (по материалам журнала «Историческая демография»). С. 78–84.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Тихомиров С.А.** (Вологда). Рубежи Ивана Кускова. Дела и заботы русского морехода. Аляска. С. 85–91.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

- Содержание журнала «Историческая демография» за 2015 год. С. 92–93.
- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ журнала «Историческая демография». С. 94–95.

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

- Савельева Э.А.** (Сыктывкар). Население Припечорья в эпоху средневековья. С. 4–8.
- Леонтьев Е.В.** (Минусинск). Естественное движение населения разночинцев г. Иркутска по материалам третьей податной ревизии 1763 года. С. 9–14.
- Чагин Г.Н.** (Пермь). Коми-язьвинцы, их этническая территория и численность. С. 15–16.
- Безносова Н.П.** (Сыктывкар). Состав сельского трудоспособного населения Коми АССР по возрасту и полу в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 17–18.
- Сперанский А.В.** (Екатеринбург). Печальное эхо войны: людские потери СССР и их последствия. С. 19–21.
- Бубличенко В.Н.** (Ухта). Демографические факторы во время ликвидации беспризорности в Вологодской области (1945–1955 годы). С. 22–25.
- Дашинамжилов О.Б.** (Новосибирск). К вопросу об особенностях демографического развития Сибири и Дальнего Востока в 1965–1989 годах. С. 26–30.
- Кузнецова Т.Я.** (Новосибирск). Формирование системы образования в северных районах в 1970–1980-е годы (на примере Бурятского участка БАМ). С. 31–35.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

- Садыков Т.С.** (Астана). Казахстан и Россия: миграционные тренды в начале XXI века. С. 36–40.
- Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н.** (Сыктывкар). Миграционные процессы на Российском Севере: историко-социологическое измерение. С. 41–45.
- Шишкина М.А.** (Сыктывкар). Репродуктивные установки и факторы ограничения рождаемости населения Республики Коми в разные периоды современной демографической истории. С. 46–51.
- Тихомирова В.В.** (Сыктывкар). Социально-демографические проблемы финансовых инвестиций и государственной поддержки граждан старше трудоспособного возраста северных регионов. С. 52–55.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ, МЕТОДОЛОГИЯ

- Сморгунов В.В.** (Сыктывкар). Исповедальные ведомости города Усть-Сысольска, как источник по демографии государственных служащих уездного уровня в конце XVIII – первой трети XIX века. С. 56–59.
- Каракчиев В.Н.** (Сыктывкар). Отчеты и акты обследования волостных исполнительных комитетов как источник по историко-демографическим процессам в Коми Автономной области в 1920-е годы. С. 60–64.
- Нисковский А.А.** (Сыктывкар). «За что судили? – Не знаю, но били жестоко»: женщины в пенитенциарной системе СССР (по воспоминаниям узниц лагерей ГУЛАГа в Коми АССР). С. 65–67.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

- Тихомиров С.А.** (Вологда). По земному кругу Ивана Кускова. Калифорния. Начало XIX столетия. С. 68–84.
- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ** журнала «Историческая демография». С. 85–86.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 ¹/₈. Подписано в печать 10.03.2017.

Уч.-изд. л. 11,5. Усл. печ. л. 14,5. Тираж 300 экз. Заказ № 102.

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.